

Екатерина Вол

Майор
Воронцов

Феристка

Семейное древо

Однажды ночью в доме известного писателя происходит убийство, жертвой оказывается сам мужчина — Марк Толстых. Майор Воронцов уверен, что замешана вся семья известного писателя, но кто именно совершил преступление? На помощь бравому полицейскому приходит женщина-психолог и переворачивает жизнь мужчины с ног на голову.

Одна остроумная психологиня с влиятельными и опасными знакомствами против бравого полицейского, не готового идти на компромиссы с собственными принципами. Кто первый сможет докопаться до истины и поймать убийцу известного писателя? И сможет ли возникнуть любовь между такими, на первый взгляд, абсолютно разными и непохожими людьми?

Екатерина Босс

Аферистка и Майор Воронцов. Семейное древо

Ночь убийства

Жизнь — длинная череда лет, месяцев, недель, часов и даже секунд, на протяжении которых мы строим планы. Мы бежим куда-то, порой, не желая остановиться и подумать о главном: семье, детях, любви и смысле жизни. Я прожил восемьдесят лет и, хотите верьте, хотите нет, так и не обрел понимания, не сумел докопаться до истины. В конце концов мы приходим в этот мир одни — с криком, ознаменовав наше рождение и уходим одни, в тишине, порой оставленные и забытые.

— Отец, хочу сказать тост! — воскликнул мой старший сын Богдан, поднимая бокал с шампанским.

Да, сегодня мне исполняется восемьдесят. Красивая, однако, дата. Вот только вопрос, мучающий меня уже долгие месяцы, не оставляет меня и сегодня: что мы оставляем после себя? Мы, простые люди, о которых не слышали не то, что на другом континенте, а даже в соседнем доме. На самом деле, мне нравится думать, что после себя я оставлю своих детей, мое будущее и будущее нашего рода. Красиво звучит, не правда ли?

— *Мы* хотим произнести тост, — кивнула моя невестка Леночка, поднимаясь вслед за мужем и, отобрав у внука Вадима телефон, заставила того встать со стула. У нее в руках был бокал с соком, она сегодня за рулем. Обидно, мы ведь с супругой предложили им остаться на ночь — отказались.

— Отец, ты знаешь, как я люблю тебя! — начал Богдан, поправив очки в круглой оправе. Аля накрыла мою ладонь своей, она улыбалась сквозь слезы. Моя супруга никогда не могла сдержать слез в такие моменты, считая их жутко поэтичными. Как жаль, что писать стихов она не умела.

— *Мы* безумно любим Вас, папа, — улыбнулась Лена, приобнимая сына. Она всегда занимала лидирующую роль в их браке, но в последнее время мой сын совсем начал сдавать позиции. Печально, ведь жена должна направлять мужа, а не вести его, словно пастух.

— Знай, я никогда не забуду сколько ты сделал для м...для *нашей* семьи, для всех нас, — закончил Богдан и в один глоток осушил бокал, заработав недовольный взгляд супруги.

— Папа, — ласково произнесла Лена, но мне показался ее тон уж слишком наигранным. — Не передать словами, как сильно мы гордимся тобой, твоей силой воли и стремлением жить! Желаю тебе крепкого здоровья и побольше самых светлых моментов в жизни. Зачастую мы слишком часто заикливаемся на прошлых ошибках и обидах, забывая, что живем здесь и сейчас. Будь счастлив! — воскликнула она, еще выше подняв бокал. — Вадик, пожелай что-нибудь дедушке, — прошептала Лена на ухо сына и тот поднял взгляд своих фамильных зеленых глаз, которые были у всех потомков Толстых.

— Э-э, — промямлил мальчик, бросив быстрый взгляд на мать. Та смотрела на него с напором и ожиданием. — Ты классный и здоровья побольше, — неуверенно произнес он и плюхнулся назад на стул.

— Спасибо внук, — кивнул, поднимая стакан с виски. — Лена, Богдан, благодарю, — кивнул невестке с сыном и сделал маленький глоток. Обещал Але сегодня не напиваться.

Дальше поднялся на ноги мой младший сын Евгений вместе со своей будущей женой Соней. С Сонечкой мы познакомились всего пару месяцев назад, я безумно благодарен этой

девушке за то, что она вернула сына в лоно семьи. У нас с Женей всегда были непростые отношения, порой мы не общались годами.

— Папа, мы с Соней рады сегодня присутствовать на твоём празднике, — произнес сын, по нему было видно, что он был взволнован. Соня взяла его за руку и улыбнулась в знак поддержки. — Ты всегда трудился на благо семьи, мы перед тобой в неоплатном долгу. Прости за все обиды, что я причинил, ошибки, которые натворил, — вздохнул он, сильнее сжав бокал. — Но мы всегда остаемся семьей, мы всегда рядом.

— Спасибо сын, — улыбнулся, кивая в знак одобрения.

Занимательно, что они все говорили о моем труде, о возможностях, которые я им дал и об их неоплатном долгу передо мной. Занимательно и то, что никто из присутствующих сегодня здесь не спешил вернуть мне долг, они даже не пытались. Не хочется признавать, но в этом и есть моя ошибка — я где-то ошибся, когда воспитывал их.

— Мой дорогой брат! — торжественно произнесла Рита, моя младшая сестра, уже немного заплетающимся языком. Отец женился второй раз, и я стал старшим братом, помню, Маргарита была прекрасным ребенком — энергичной и жизнерадостной девочкой. К сожалению, с годами она потеряла интерес к жизни. — Все уже так много сказали и мне не хочется повторяться, — пожала она плечами и, сделав паузу, глотнула вина. — Я просто скажу, что никто из них не понимает насколько важна твоя роль в наших жизнях. Живи еще долго и не переставай удивлять нас! Ура! — воскликнула Рита, сделав еще один глоток вина и упав на стул. Благо, не упав на пол. Недовольный, я бы даже сказал, презрительный взгляд Леночки невозможно было не заметить. Если все остальные всегда со снисхождением относились к Маргарите, то Лена всегда осуждала — это ее черта характера мне никогда не нравилась.

Семейный праздничный ужин продлился еще около часа, к концу я порядком устал и решил подняться к себе в кабинет. Знаете, иногда полезно посидеть в тишине, посмотреть на потрескивающие в камине бревна и, сделав глоток любимого напитка, прикрыть глаза, дав волю мыслям, что весь день копились в твоей голове. За свои восемьдесят лет я не раз проводил данный ритуал, принимая, порой, не самые простые, но *верные*, на мой взгляд, решения.

Эта комната была моим пристанищем, местом, где мог спрятаться ото всех и творить. Подойдя к камину, который занимал центральное место в комнате, я присел на корточки и, взяв с полки коробку спичек для розжига — чиркнул о коробок и поднес пламя к дровам. Камин медленно разгорался, наполняя комнату теплом. Я сел в свое любимое потертое кожаное кресло, которое было моим верным спутником уже более сорока лет — коричневая кожа состарилась и протерлась в некоторых местах, особенно на подлокотниках и на верхней части спинки, деревянные ножки кресла давно потеряли свой блеск, а на подушке осталась вмятина. На маленьком круглом дубовом столике с длинными резными ножками уже стоял вытянутый стеклянный графин из красного стекла со стеклянной пробкой в виде ромба, в котором был налит шотландский виски десятилетней выдержки. Порой мне казалось, что я действительно чувствую тонкий аромат кукурузного хлеба или фруктов и карамели. Мне пришлось пройти к шкафу со стеклянными дверями и взять оттуда стакан.

— Отец, мы можем поговорить? — постучав, Богдан приоткрыл дверь и заглянул внутрь кабинета.

— Конечно, сын, — кивнул, беря в руки второй стакан. — Составишь мне компанию? — предложил.

На следующее утро, когда Алевтина не обнаружила своего мужа в постели, заволновалась. Женщина, накинув на плечи шёлковый халат бардового цвета, вышла из комнаты и поднялась на чердак. Именно там находился кабинет главы семьи Толстых, огромный прямоугольный кабинет занимал весь этаж. Она постучала, позвав супруга по имени и, не получив ответа, приоткрыла дверь. Алевтина увидела сидящего в кресле мужа, стоящего к ней боком, и подумала, что тот уснул, забыв спуститься в спальню. С ним часто такое бывало, поэтому женщина ничего не заподозрила. Она подошла к нему ближе, погладила мужчину по плечу, потом немного потрясла его, но тот никак не отреагировал.

— Любимый, уже утро, — ласково произнесла она, нежно дотронувшись до его лица. Оно было ледяным, и она с ужасом отдернула руку. Женщине потребовалось несколько минут, чтобы прийти в себя и, пытаясь унять дрожь в руках, приложить два пальца к шее, там, где можно было бы прочувствовать пульс. Его не было.

— Нет, — прошептала она, мотая головой. Алевтине потребовалось больше, чем несколько минут, чтобы осознать произошедшее. Женщина медленно осела на пол, из ее глаз потекли слезы, она молча осознавала смерть мужа.

Глава 1

Солнечное сентябрьское утро, люди, спешащие на работу и сигналившие машины, застрявшие в пробке, соседи, крики которых можно услышать еще на первом этаже — в принципе ничего необычного, еще один день из жизни Олега Воронцова. Мужчина любил просыпаться рано и пить кофе, стоя на балконе и наблюдая за прохожими, прислушиваться к их разговорам и анализировать их — профессия обязывала всегда быть начеку. Сегодня не самый лучший день в жизни майора, его отдел был подвергнут реформированию и теперь Воронцову предстояло познакомиться с новым коллективом и с новой должностью. Сказать по правде, мужчина не любил руководить, всегда считал, что это удел настоящих лидеров, рожденных для этого. Именно таким был его лучший друг, с которым он проучился, а потом и проработал долгие десять лет своей жизни, но тот погиб несколько месяцев назад из-за одного высокопоставленного урода.

— Вчера был осужден, находящийся больше месяца под стражей, бывший прокурор Москвы Денис Александрович Смолин, — краем уха мужчина услышал женский голос ведущей утренних новостей. — Как стало известно, бывший прокурор был осужден сроком на десять лет и уже отправлен в колонию, — на экране телевизора, сменяя друг друга, появились кадры из зала суда, где судья оглашает приговор и Смолина уводит охрана. — Его сын, известный адвокат, Виктор Денисович Смолин получил три года условных за соучастие в преступлениях отца и уже, как стало известно нашим источникам, покинул город, — в конце фигуристая блондинка улыбнулась, словно рассказывала не о вопиющих преступлениях представителя правосудия, а о своем новом парне или платье, которое купила на выходных. — А теперь к другим новостям...

Воронцов нашел пульт, лежащий на серой мраморной столешнице барной стойки, и выключил телевизор. Его бесило, раздражало и приводило в ярость то, что СМИ важнее отдать пять минут эфира зажавшемуся прокурору, который все это время наживался на государстве, чем рассказать о его жертвах. Людях, которые погибли, потому что боролись за правду.

Сегодня у него была назначена встреча в неизвестном ему еще отделении полиции. Его строительство закончилось всего несколько месяцев назад и представляла собой картинку из дурацких американских сериалов про тайные спецслужбы. Воронцову никогда не нравилась эта лишняя, на его взгляд, помпезность, которая не имела к полиции никакого отношения. Но, хочет он того или нет, ему придется смириться с новым интерьером — в конце концов мужчина идет туда работать, а не плевать в новый белоснежный потолок, сидя в новом удобном кожаном кресле начальника.

— Олег Михайлович, добро пожаловать, — улыбнулся ему молодой парень, стоящий у дверей, на нем была полицейская форма, но без звездочек на погонах — стажер. Воронцов увидел его, как только зашел в здание через раздвижные стеклянные двери — он очень надеялся, что стекло пуленепробиваемое, хотя какой от него толк, если двери приветственно раздвинутся перед преступниками.

— Спасибо, — буркнул ему в ответ майор, хмуро оглядывая все вокруг. — Они стояли в просторном холле, который уже кишел множеством людей в форме. Справа от них находилась будка, как Олег привык называть стойку дежурного, внутри которой сидел упитанный взрослый мужчина с усами. Слева и спереди стояли турникеты — внутрь можно

было пройти только по пропуску.

— Это тоже вряд ли остановит преступников, — пробубнил себе под нос Воронцов.

— Что, простите? — поинтересовался парнишка, скорее всего только получивший удостоверение. Воронцов легко мог отличить вот таких птенцов, которые только вылетели из стен академии, от матерых коллег.

— Ничего, — грубо ответил мужчина, поворачиваясь к дежурному. — Вы дадите мне пропуск или как?

— А вы вообще кто, чтобы здесь командовать, — в такой же грубой манере ответил ему усатый мужчина, выглянув их окошка.

— Я...

— Это — майор Олег Воронцов, его уже ждет у себя полковник Радов, — ответил за него парень, улыбнувшись.

— Ну раз Полковник ждет, — хмуро проговорил мужик, что-то быстро набирая на клавиатуре. — Одноразовый, — сказал он, протягивая парню серую карточку.

Парень хотел возразить, но не стал этого делать, увидев враждебно настроенного дежурного. Он приложил карточку к ярко горящему красному кругу на панели и тот сменил свой цвет на зеленый. Воронцов прошел внутрь, когда металлические поручни автоматически опустились вниз, освобождая узкий проход.

— Нам на право, на второй этаж, — сказал парень, обгоняя мужчину. Воронцов шел следом за новичком и внимательно рассматривал все вокруг, примечая недочеты, которых было более, чем достаточно. Они поднялись наверх. В здании было всего два этажа и подвал — это Олег понял по ведущей вниз лестнице на первом этаже. Скорее всего там располагались допросные, тир и спортивный зал. — Прямо по коридору, центральная дверь, не ошибетесь, — попытался улыбнуться Воронцову парень, но тот его проигнорировал и пошел вперед. — До встречи! — крикнули ему вслед.

Ошибиться и вправду было бы сложно — бордовая дверь с медной табличкой, на которой было выгравировано: «*Начальник Отделения полиции № 13. Радов А.А.*» Воронцов постучал и зашел в кабинет, увидев привычную для себя картину — длинный прямоугольный стол из дорогого дерева, по бокам от которого в ряд выстроились по пять стульев с каждой стороны; широкое кожаное офисное кресло, в котором сидел полковник Радов и радостно улыбался ему; благодарности в рамках на стенах и многое другое, что так присуще *высшему* начальству.

— Майор Воронцов в место распределения прибыл, — четко проговорил мужчина, замирая у стола Полковника.

— Перестань Олег, — засмеялся Радов, открывая дверцу шкафа и доставая оттуда два стакана и бутылку коньяка. — Уже сто лет друг друга знаем, садись давай!

Полковника Радова Олег знал сколько себя помнил — они с его отцом были напарниками и лучшими друзьями. После его смерти Сан Саныч заменил ему отца и поддерживал Воронцова во всех начинаниях, даже помог подготовиться к вступительным экзаменам в Академию МВД. А после смерти матери Полковник стал единственным человеком, которого мужчина мог назвать *семьей*.

— Рад видеть Вас в добром здравии, Сан Саныч, — улыбнувшись впервые за долгое время произнес Олег, отодвигая ближайший к Полковнику стул. — Зачем попросили определить меня сюда?

— А ты сразу к делу, как я погляжу, — усмехнулся Радов, разливая коньяк. — Здесь нет

никакого заговора, к которым ты привык за время работы в своем отделе по борьбе с коррупцией, сынок, — покачал головой мужчина, протягивая Воронцову стакан. — Мне просто нужен хороший опер, который знает, как здесь все работает, и который сможет возглавить новый отдел, — пожал он плечами, чокаясь с Олегом.

— Вы правильно заметили, Сан Саныч. Я хороший опер, начальником никогда не был и не собирался, если честно, — вздохнул Воронцов, делая глоток коньяка и морщась.

— Лимончика? — любезно предложил Полковник.

— Нормально, — покачал головой Воронцов.

— Ну как мы знаем — человек предполагает, а Бог располагает, — пожал плечами Радов. — Поэтому, с завтрашнего дня можешь приступать к работе в новой должности — Начальник *Особого отдела*.

— Особый отдел? — нахмурившись уточнил Воронцов.

— Нововведение, — усмехнувшись кивнул Сан Саныч. — И отказов я не принимаю!

— Еще бы, — фыркнул Олег, смирившись. — Со студенческих лет помню, как Вы вербовали себе в отдел, — засмеялся он. — А вот меня брать отказались, — припомнил он ему старые обиды.

— Всерьез думаешь, что тебе было место в органах предварительного расследования? Не смей меня, — отмахнулся он, допивая свои сто грамм. — Сынок, ты ведь должен помнить — я чую настоящий талант за версту и в тебе когда-то тоже не ошибся, порекомендовав Вязову.

— Он ненавидел меня, — усмехнулся, вспоминая первые несколько лет лейтенантской службы.

— Понимаешь, не всегда наши ожидания совпадают с реальностью, — вздохнул Радов, смотря на Олега с гордостью. — Вязов та еще скотина, он боялся конкуренции, — пожал плечами Полковник. — Но я все еще обижен на тебя, что ты ушел из УР!

— Как и я на Вас за то, что Вы притащили меня сюда, — засмеялся Воронцов в ответ, поднимая руку со стаканом коньяка вверх. — За Вас!

— За наше плодотворное сотрудничество!

И пусть Олег по-прежнему скептически относился к своему новому назначению, сомневаясь в себе, как в начальнике, мужчина все еще хотел работать на благо города и своей страны. Его отец, которого он почти не помнил, всегда говорил — "*Полицейский это не тот, кто будет размахивать удостоверением и оружием, пытаясь показать превосходство. Полицейский это тот, кто бросится под пули в борьбе за правду!*". Олег не знал жил ли его отец по кодексу чести, которому учил его, пока был жив. Но в одном майор Воронцов был точно уверен — эта новая глава в его жизни принесет ему еще о-очень много неприятностей...

Огромный зал стриптиз-клуба, который освещали лишь несколько лампочек на потолке розового и фиолетового цветов. На большой прямоугольной сцене танцевали трое девушек в соблазнительных нарядах — черное, белое и красное кружево красиво смотрелось на светлой коже танцовщиц без единого изъяна. Блондинка, брюнетка и рыжая — три прекрасных цветка из коллекции Мамы Ази. Пару столов перед сценой с небольшими черными кожаными диванами, за ними еще ряд из трех столов и так по возрастанию. Самый последний ряд из шести столов располагался ближе всего к бару и отсюда сцена казалась настолько маленький, что разглядеть что-либо было почти невозможно. В клубе было и пару

отдельных комнат, а также большой зал с панорамными окнами на втором этаже. Окна позволяли гостям любоваться столицей, а вот обычные прохожие с улицы видели лишь черные затонированные стекла. Кабинет Мама Ази также располагался на втором этаже, отсюда можно было увидеть весь клуб, словно он находился на ее маленькой ладошке. Стекланную стену ее кабинета можно было увидеть и из зала, но та, большую часть времени, была плотно зашгорена тяжелыми бархатными шторами глубокого бордового цвета. Гримерка девочек, где всегда было шумно и царил хаос, находилась прямо за сценой, попасть туда можно было тремя способами — со сцены, с заднего входа в здание и из кабинета Мама Ази, о котором никто не знал, почти никто не знал. Именно туда я сейчас и направлялась, ведомая под руку самой Мамаой.

— Ах, мой цветочек, я так благодарна, что ты смогла так быстро приехать! — восклицала она, глядя по руке зеленоглазую шатенку, идущую с ней рядом.

Мама Ази была своеобразной женщиной, любившей очень откровенные и экстравагантные наряды. Прямо сейчас на ней было красное обтягивающее платье с глубоким вырезом, из которого выглядывал внушительный бюст шестого размера и кромка кружевного бюстгалтера черного цвета. Пятнадцатисантиметровая шпилька черных длинных лакированных сапог прибавляла ей роста при ее личном метр шестьдесят. Шикарные черные локона доставали Мамае до поясницы, а яркий макияж и нарощенные ресницы делали ее образ еще незабываемей. А ведь только неделю назад этой женщине исполнилось пятьдесят пять.

— Азалия Аврамовна, Вы же знаете, я всегда рада помочь, — улыбнулась девушка в ответ. Женщина встретила её на улице, когда та подъехала к заднему входу в клуб. У непримечательной двери с наклейкой «Вход только для персонала» стоял такой же непримечательный с виду мужчина — охранник. Они зашли внутрь и сразу оказались в длинном коридоре с красным ковровым покрытием, в котором не горело несколько ламп.

— Цветочек, я же просила обращаться ко мне «Мама» и никак иначе! — воскликнула Азалия Аврамовна с напускным недовольством, но тут же широко улыбнулась, показывая свои белоснежные виниры. — Тем более, ты так часто помогаешь мне решать проблемы с моими девочками. Даже не представляю, что бы я без тебя делала! — воскликнула она.

— Это моя работа, — пожала плечами Вероника. Общая гримерка находилась в самом конце коридора у выхода на сцену.

— Ты прекрасно выглядишь, дорогая! — воскликнула Мама Ази, рассматривая её крайне вычурный наряд — обтягивающая бордовая велюровая юбка чуть ниже колена, малинового цвета топ, плотно прилегающий к груди, сверху которого была надета прозрачная малиновая блузка с баской и длинными рукавами. Черные лодочки на высоком каблуке и бордовые перчатки из той же ткани, что и юбка, делали образ еще более интересным.

К сожалению, Вероника не могла ходить в подобные заведения в строгом брючном костюме. Работа обязывала не только беседовать с клиентами и помогать решать их проблемы, но и создавать для них благоприятную атмосферу. Одежда — тоже часть её работы.

— Спасибо, — растянула она губы в улыбке, от которой уже начинали болеть щёки. Они не успели дойти до конца коридора, как дверь одной из служебных комнат открылась и оттуда буквально вылетел мужчина. Ударившись о противоположную стену коридора, вслед за ним полетел шикарный букет красных роз.

— И больше не смей появляться передо мной! — послышался заплаканный женский голос и дверь захлопнулась.

— Разберемся с этим позже, — закатила глаза Мама Ази, кивнув одному из парней в черных костюмах, дежуривших у выхода на сцену. Один из них быстрым шагом подошел к мужчине и, грубо взяв того выше локтя, потащил на улицу. Вероника бросила на них мимолетный взгляд, но быстро потеряла интерес, заметив лишь отражение тусклого света в очках и дурацкую толстовку с Человеком-Пауком во всю грудь. — Проходи, дорогая, — сказала женщина, открывая перед ней темно — красную дверь.

В примерной было шумно, ужасно сладко пахло духами, а под ногами валялись вещи. Перед ними даже пролетела какая-то блестящая тряпка. Девочки были настолько заняты приготовлениями, что не заметили, как кто-то вошёл.

— Курицы, а ну, внимание! — рявкнула Мама и все в мгновение затихли. — Цветочки мои, — ласково продолжила она, обращаясь к своим девочкам. — Сегодня к нам в гости зашла Вероника Александровна и я думаю это прекрасный повод поговорить по душам, — улыбнулась женщина, и сощуриив свои карие, практически черные, глаза, посмотрела на них в ожидании ответа.

— Да, Мама, — хором ответили девочки.

— Прекрасно, тогда начнем, — потерла она ручки. — Вероника, дорогая, пройди в мой кабинет. Сейчас они подойдут к тебе, — попросила Азалия Аврамовна, а девушка, кивнув, удалилась из комнаты. Вероники предстояли долгие несколько часов, на протяжении которых она должна будет побеседовать с каждой из девушек. Каждый месяц она приезжала к Маме Ази, чтобы провести психологический анализ ее цветочков.

Но не успела она выйти в зал, в котором сегодня не было пустого места, хоть на улице и стоял день, как в клуб ворвалась группа захвата и все гости, включая персонал, попадали на пол, прижав ладони к затылку.

— Всем лечь на пол! — крикнул один из них.

— Да вы издеваетесь! — недовольно воскликнула девушка, опускаясь в своём наряде на пол, прикасаясь щекой к холодной черной плитке.

В течении часа, пока всех гостей потихоньку выводили на улицу, не забывая проверить у них паспорт и узнать личность, представители закона обыскивали клуб. Они словно поисковые псы обнюхивали каждый уголок, но так ничего и не нашли. Мама Ази сталкивалась с таким уже не первый раз — конкуренты анонимно сообщали о продаже наркотиках в клубе или о торговле людьми, якобы девочек-танцовщиц заставляют ублажать мужчин против их воли. Но бизнес Азалии Аврамовны был законен и имел огромный успех.

Вероника Александровна стояла на улице и с недовольством смотрела на мужчину в экипировке ОМОНа, пока тот проверял её документы. Девочки Мамы Ази сбились в кучку накинув на свои откровенные наряды легкие осенние пальто и стояли у входа в клуб. Вот сейчас им действительно была нужна психологическая помощь.

— Итак, Вероника Александровна, — вздохнул мужчина, отдавая девушки паспорт. — Вы можете быть свободны, — кивнул он, собираясь уйти.

— И это все? — спросила она, вопросительно приподняв бровь.

— Не понял, — нахмурился мужчина, оборачиваясь.

— Вы ворвались в клуб уже по пятому, за последние три месяца, ложному доносу и, вместо того, чтобы принести извинения хозяйке заведения, Вы не то, что не извинились, а ведете себя так, будто ничего и не произошло, — объяснила Вероника этому тупоголовому

болвану, смотрящему на неё сейчас, словно баран на новые ворота. — Я хочу поговорить с Вашим капитаном, сейчас же!

— Э-э-э, он занят, — промямлил мужчина, почесывая затылок.

— Чем? Стоит и пялится на танцовщиц, которые сегодня по вашей вине останутся без зарплаты? — уточнила девушка, заметив у бронированного грузовика высокого мужчину в окружении других таких же озабоченных неандертальцев.

— Э-э-э, — снова замялся мужчина. — Капитан! — крикнул он. — С Вами хотят поговорить.

— Да? — к ним подошел высокий темноволосый мужчина средних лет с самодовольной улыбкой и прошелся по Вероники липким взглядом. — Деточка, ты хотела познакомиться?

— Хотела поставить Вас в известность, что сегодня же обращусь в Министерство внутренних дел по вопросу Вашей некомпетентности. Думаю, им будет интересно узнать о проплаченных конкурентами вызовах и вашем проценте, — улыбнулась Вероника Александровна, отвечая на вопрос капитана. — По секрету, сколько Вы берете себе 60 или 80 процентов, *деточка?*

— Ах ты сука, — прошипел мужчина, сузив глаза. — Эй, ребята, а давайте подбросим эту дамочку в ближайшее отделение полиции. По-моему, я видел, как она передавала кому-то пакетики с белым порошком.

Уже через минуту на неё надели наручники и вели в машину, а рожа ухмыляющегося капитана так и маячила перед лицом. Вслед Вероники кричала расстроенная Мама Ази которую наконец-то перестали допрашивать.

— Вероника, позвони как выйдешь, дорогая! Договоримся о встрече!

Полковник Александр Радов на службе уже больше тридцати лет. Мужчина начинал с самых низов — был простым участковым на своем районе в Люберцах. Уже потом, раскрыв в одиночку убийство местного авторитета в девяностых, пошел на повышение и познакомился с отцом Олега. Ему казалось, будто они были знакомы всегда, но их дружбе не суждено было пройти через всю жизнь. Михаил попал в аварию, когда его сыну было всего восемь лет — глупая смерть, не достойная бравого полицейского, верного друга и хорошего человека. Тогда на похоронах, у могилы друга он поклялся, что всю жизнь будет заботиться об Олеге и воспитает его как родного сына. Сейчас, смотря на его успехи, Полковник Радов гордился своим *сыном*, поэтому у мужчины даже не было сомнений, когда высшее начальство попросило у него совета о кандидатуре на пост начальника Особого отдела.

— Коль, принеси мне личные дела отдела Воронцова, — попросил полковник стажера, парень любезно согласился временно помогать ему с документами, пока он не найдёт себе помощника. Потом стоило бы сказать Олегу, что к нему в отдел распределили новичка для практики.

— Будет сделано, Александр Александрович, — кивнул Коля, забирая у полковника Радова подписанные бумаги о назначении майора Олега Михайловича Воронцова на должность начальника отдела.

Не успела за стажером закрыться дверь, как в кармане кителя Радова зазвонил телефон. Из Главка могут звонить только по двум причинам — увольнение или дело для Особого отдела. На данный момент это нововведение, о котором знает ограниченное количество людей. Отдел был создан специально для таких дел, которые не относятся ни к одному из уже имеющих отделов, а простому участковому его доверить нельзя.

— Полковник Радов, — напряженно произнёс мужчина, ожидая указаний свыше.

— Александр Александрович, рад слышать, — послышался знакомый баритон на том конце провода. Генерал Десятов — начальник Главного управления и его давний друг, около десяти лет назад они работали вместе над одним делом, но это уже история дней минувших.

— Как твое здоровье, Владимир Юрьевич? — спросил полковник и перевел взгляд на стену позади себя, где висела их совместная фотография. Они с Вовкой в обнимку и с огромным карпом на крючке — рыбалка была их общим любимым хобби.

— Пока жив здоров, — хохотнул мужчина. — Но я звоню по работе, друг, — тут же стал серьезным генерал. — Есть дело для твоего нового отдела.

— Дело — это хорошо, — кивнул. — Только не говори мне, что еще один депутат отличился, — вздохнул Радов, потирая переносицу.

— Нет, сегодня ночью был убит известный московский писатель. Я, правда, никогда о нем не слышал, но говорят, не из простых был мужик, — сказал Десятов, вздохнув. — Там все запутано, Сань, поэтому управление хочет проверить твоих новых ребят, да и о Воронцове так просто теперь не забудут, ты ж понимаешь.

— Понимаю, — согласился Сань Саныч, на его месте было глупо отрицать очевидное. — Когда я могу получить подробности дела?

— Так нет никакого дела, Сань, — усмехнувшись ответил Десятов. — Сейчас скину тебе адрес и пусть твои ребята выезжают.

— У нас в команде еще нет судмедэксперта, — предупредил Радов.

— Теперь есть, он уже выехал на место.

— Отлично, — сказал полковник, собираясь положить трубку и вызвать к себе Олега.

— И еще одно, Сань, — замаявшись протянул генерал Десятов. — В твой отдел хотят прислать своего человека...

— У нас все ставки закрыты, отдел в полной комплектации, — нахмурился полковник, уже подозревая неладное.

— Еще одно нововведение, о котором тебе пока не сообщили, — вздохнув ответил Владимир Юрьевич.

— Еще одно? — удивился Сан Саныч. — И на какую должность?

— Психолог-консультант, — ответил Десятов, а он в ответ лишь рассмеялся.

— Да ты шутишь, чем он будет у меня здесь заниматься!

— Не знаю, Саша, но будь на чеку, — предупредил друг и отключился.

Но не успел полковник положить телефон в карман, как тот снова зазвонил, высвечивая на экран номер его же отделения.

В это же время на первом этаже отделения

Веронику Александровну в наручниках передали двум полицейским, что курили у входа и те, взяв девушку под руки, словно игрушечную куклу, повели внутрь. Вместо того, чтобы снять с Вероники наручники и разобраться в ситуации или хотя бы посмотреть в её паспорт, что был в сумке — у неё забрали все вещи и, сняв наконец-то эти дурацкие железные браслеты, посадили в обезьянник. Контингент там был так себе — парочка бомжей, мирно спавших на лавочке, престарелая проститутка с десятком браслетов на запястьях, что неприятно гремели при каждом ее малейшем движении и молоденький парнишка — Вероника поставила бы пять тысяч на то, что он попался на краже в переходе или на вокзале.

— Коллега? — хрипло спросила женщина, ее фиолетовая помада немного размазалась, а тушь потекла. Даже было страшно представить сколько она уже здесь сидит.

— Я психолог, — ответила Вероника, продолжая стоять у решетки и перебирать в голове варианты решения проблемы.

— А я учительница, — хрюкнула от смеха женщина, доставая из кармана черной пушистой куртки упаковку мятной жвачки. — Будешь?

— Нет, спасибо, — покачала она головой, поворачиваясь к упитанному мужчине, что сидел на стуле в будке дежурного и ел бутерброд, который по размеру напоминал целый батон. — Уважаемый, простите, что отвлекаю, — протянула Вероника, пытаясь привлечь к себе внимание. Но тот, будто не слышал её, сделал звук у телевизора громче и повернулся к девушки своей жирной ж...спиной.

— Можешь даже не стараться, этому жиробасу вообще не до тебя, — услужливо объяснила ей женщина, так громко жуя жвачку, что у Вероники заболели уши.

— Мужчина, у меня есть право на звонок! — прокричала так громко, что на её крик обернулось пол отделения.

— У меня о-бед, — протянул он, все еще продолжая поедать свой огромный бутерброд.

— Сейчас одиннадцать утра!

— Прекрати орать, — крикнул девушки кто-то, проходящий мимо.

— Я буду орать до тех пор, пока Вы не дадите мне позвонить! — предупредила Вероника Александровна, но никакой реакции снова не последовало. — А-А-А-А-А! —

заорала она, что есть мочи.

Безусловно это было ужасно невоспитанно, и уважающая себя женщина ни в коем случае не должна прибегать к подобному роду манипуляциям. Но дело вот в чем, данный представитель мужского пола отказывается идти на контакт и единственный способ побудить его к действию — давление со стороны. Вот, например, тот недовольный прохожий, который любит работать в тишине и, скорее всего, разведен и ненавидит женские истерики, самый подходящий вариант.

— Да дай ты ей уже позвонить! — рявкнул он, подходя к будке дежурного.

— Пуфсть охёт, — отмахнулся он, продолжая жевать. Незнакомый Вероники полицейский закатил глаза и потянулся за стационарным телефоном.

— Диктуй номер, — сказал он, держа в руках черный прямоугольный телефон. — Что сказать? — спросил мужчина после того, как она продиктовала телефон. Вероника Александровна никогда бы не позвонила по продиктованному ранее номеру, но сейчас у неё не было другого выхода — она не собиралась сидеть в этой клетке еще минимум чутки.

— Скажите, что это его дочь, — улыбнулась девушка, сложив на груди руки. Не прошло и трех гудков, как Вероника самодовольно усмехнулась, услышав испуганный голос полицейского. Того самого, который не любил шум.

— Товарищ полковник, — удивленно протянул он, переводя на Веронику шокированный взгляд. — Тут это э-э-э...

— Ваша дочь, — прошептала она, напоминая мужчине.

— Ваша дочь, — повторил он за ней, сглотнув. — Она...она в обезьяннике, — неуверенно произнес мужчина. — П-почему?

— Потому что один тупоголовый жиробас посредственно выполняет свою работу, — прошептала Вепроника, снова подсказывая правильный ответ.

— Потому что один тупоголовый жиробас посредственно выполняет свою раб...Ой! — испуганно воскликнул мужчина, кажется, совсем затормозивший в развитии. — Я ее сейчас же выпущу, Александр Александрович! — пообещал он, но не спешил класть трубку. Кажется, полковник давал ему какие-то указания. — Конечно, конечно сопровожу ее к Вам, — кивал полицейский, словно болванчик. — П-просим прощения за это недоразумение, Вероника Александровна, — мямлил мужчина, пока открывал дверь обезьянника.

— О-о, ничего страшного, — улыбнулась она. — Обещаю, что забуду об этом инциденте, если Вы выпустите всех этих людей, — пожала плечами, все еще стоя в клетке.

— Жорин, — крикнул мужчина, обращаясь к дежурному. — Освободи всех этих... людей, пока я провожу Веронику Александровну к...полковнику.

— А, че? — переспросил дежурный, который, кажется, все это время был настолько увлечен передачей и поеданием своего бутерброда, что даже не был в курсе происходящего. — А чего это ты выпустил эту орущую курицу? — недовольно спросил он, вытирая рукавом рубашки рот.

— Скоро узнаете, — улыбнулась Вероника и, сняв наконец неудобные туфли, последовала за полицейским на *свидание* к отцу.

Поднимаясь по лестнице в кабинет своего биологического отца, куда её любезно решил проводить полицейский, имя которого Вероника все еще так и не узнала, ей хотелось, словно шестилетнему ребенку, сбежать. И пусть девушка давно выросла из того возраста, когда можно было позволить себе вольность и свалить все на свой юный возраст и

недостаток ума, некоторые привычки все равно дают о себе знать даже после двадцати. Их отношения с отцом никогда не были идеальными, даже близко. Она была, так сказать, побочным элементом и никогда особо его не интересовала. В детстве каждый ребенок воспринимает это болезненно, но со временем это проходит, особенно когда в вашей с мамой жизни появляется мужчина, который становится тебе отцом. У Вероники именно так и произошло — когда её было одиннадцать мама вышла замуж, и спустя некоторое время она начала называть ее мужа «папа». К сожалению или к счастью, полковник Радов из её жизни не ушел, хоть и стал появляться в ней с каждым годом все реже.

— Товарищ Полковник, разрешите войти? — спросил мужчина, заглянув в кабинет.

— Ты можешь идти, Пшеницын, — ответил ему её биологический отец и тот быстро ретировал, оставив Веронику стоять на пороге. Она не сказала бы, что это было так трудно — сделать шаг и зайти в кабинет, но девушки понадобилось несколько секунд, чтобы подготовиться. В последний раз, насколько она помнила, она виделась с отцом около года назад летом, когда они случайно столкнулись в продуктовом магазине. — Вероника, ты чего там стоишь, заходи!

— Привет, полковник, — кивнула девушка, наконец-то переступая порог кабинета. Внутри было немного душно. Вероника даже не помню, когда называла его в последний раз «папа», словно так и должно быть — она побочный элемент в его жизни, а он в её.

— Давно не виделись, прекрасно выглядишь, — улыбнулся полковник Радов, поднимаясь на ноги и подходя ближе. Вероника, словно истукан, остановилась посреди кабинета с другой стороны длинного стола. Почему-то в такие моменты она теряла всю свою уверенность и присущую её характеру постоянный сарказм. — Как мама? — спросил полковник, неловко обнимая дочь.

— Спасибо за лесть, у мамы все хорошо, — ответила девушка, легонько похлопав мужчину по широкой спине. — Ну что, пообщались, увидимся через год, — усмехнулась, делая шаг назад.

— Так быстро? — удивленно спросил Сан Саныч, его темные брови взлетели к линии таких же темных волос с проседью.

— А когда это наши встречи длились больше, чем пару минут? — спросила Вероника с нотками сарказма в голосе, в глубине души радуясь, что её эмоциональное состояние вернулось в норму.

— Вероника, — недовольно произнес мужчина, будто она сказала какую-то несусветную чушь.

— Что? — развела руками Вероника. — Что ты еще от меня хочешь? Я уже выросла из того возраста, когда мне нужен был папа и сейчас не намерена закрывать гештальты детства, уж извини!

— Мы можем поговорить? — вздохнул полковник, потирая переносицу. — Есть серьезный разговор, — он прошел к своему столу и сел в кожаное кресло. Девушка осталась стоять, чем быстрее она покинет этот кабинет, тем быстрее окажется в собственной квартире, где примет душ и забудет о своем биологическом отце еще, как минимум, на год.

— Да, только быстро, — вздохнула она, складывая на груди руки. — У меня работа.

— Ах, я и забыл, что ты чистишь головы преступникам, — нахмурился мужчина, постукивая кончиком ручки по столешнице стола — кажется, кто-то нервничал. Ему явно нужна была её помощь, вот только вопрос — в чем?

— Если человек не желает работать врачом, полицейским или учителем за копейки, это

еще не значит, что он преступник, — закатила глаза Вероника. Еще одна причина, по которой она ненавидела подобные встречи. После того, как девушка отказалась идти работать в органы, окончив Академию МВД, полковник закатил скандал и теперь при каждом удобном случае напоминает ей о своей точке зрения на этот счет.

— Ты еще скажи, что они платят налоги, — фыркнул он в ответ.

— Да даже, если и не платят — это не мое дело! Я не слежу за тем, закапывают ли ночью они у себя в саду трупы, кого грабят и кого крышуют!

— И очень зря, такими темпами и ты окажешься у них в саду! — рявкнул мужчина.

— Не волнуйся, как только мне будут угрожать пистолетом, я сразу же позвоню доблестному полковнику Радову и ты меня спасешь, — раздраженно произнесла Вероника, поджав губы.

— С тобой просто невозможно разговаривать, — покачал он головой, сцепляя руки в замок. — Но сейчас у меня нет выбора, мне нужны твои профессиональные навыки психолога.

— И с каких пор тебе нужна психологическая помощь, — съязвила она. — Ты же считаешь психологов шарлатанами, — хмыкнула, внимательно смотря в светло-серые глаза. — Что-то изменилось?

— Мне не нужна психологическая помощь, — сквозь зубы процедил полковник. — Но мне в отдел нужен психолог, у нас нововведение, — хмуро объяснил он, явно недовольный таким исходом событий.

— Предлагаешь мне работу, серьезно? — усмехнулась девушка, не веря собственным ушам. Когда она впервые сказала ему о своем решении поступать в Академию МВД мужчина был счастлив, но узнав о выбранной Вероникой специальности его счастье поубавилось. Дело в том, что для полковника Радова существовало только три настоящих профессии — врач, учитель и полицейский. Исключением являлась лишь научная деятельность, а профессором она так и не стала, даже в области психологии.

— Да, — кивнул он. — Понимаю, что это неожиданно, но я надеюсь, что ты согл...

— Нет! — воскликнула Вероника, не дав ему договорить. — Кажется, мы говорили об этом пять лет назад, когда я отказалась идти работать в полицию. И за эти пять лет мне не приходилось жалеть о принятом тогда решении.

— Поверь, будь у меня варианты, я бы не предлагал эту должность тебе, — протянул полковник, устало вздыхая.

— Не знаю принять это за комплимент или за оскорбление...

— Просто согласишься на работу, а потом можешь язвить и паясничать сколько влезет! — воскликнул Сан Саныч, у которого, кажется, действительно не было выбора. Вероника не знала зачем ему понадобился в отдел психолог, еще и так срочно, но она не собиралась в этом участвовать. Уж точно не за нищенскую зарплату полицейского.

— Ты сейчас пытаешься надавить на жалость? — усмехнулась она. — Мой ответ прежний, — пожала плечами.

— Давай сразу перейдем к условиям, — вздохнул полковник, сдаваясь. Это, конечно, прекрасно, но в действительности у Вероники не было никаких условий, ведь она не собираюсь работать в полиции. Её жизнь её полностью устраивала и что-то менять в ближайшее время она не планировала.

— У меня нет условий, — развела руками девушка. — Мой ответ все равно останется прежним, даже если ты предложишь мне служебный автомобиль с мигалкой и зарплату,

умноженную на десять.

— Даже у меня нет служебного автомобиля, — нахмурился отец.

— Сочувствую.

— Вероника, мне не хочется угрожать тебе арестом, — вздохнул полковник, переходя к самому интересному в их беседе — к угрозам.

— И что же ты мне предъявишь? — засмеялась Вероника, начиная перечислять варианты. — Парковку в неположенном месте, переход дороги на красный свет или неуплата штрафов за превышение скорости? — закатила глаза девушка, уставая от этого бессмысленного спора.

— Статья 124 УК РФ тебе о чем-нибудь говорит? — усмехнувшись спросил отец.

— При чем здесь ненадлежащее оказание медицинской помощи, у меня есть диплом, — нахмурилась Вероника. — Ты сейчас серьезно угрожаешь мне уголовным делом?

— Ты права, у тебя есть образование, но нет оформленного ИП. Ты ведешь незаконную частную практику, — развел руками полковник. — И как ты очень кстати упомянула, ты действительно не платишь налоги, хотя твой заработок превышает полтора миллиона в год.

— И что, посадишь меня? — уточнила девушка, вопросительно приподняв бровь.

— Ну, может и не посажу, — протянул мужчина, пожав плечами. — Но штраф, в размере шестьсот тысяч рублей и запрет на частную практику сроком на три года, а то и навсегда, тебе обеспечу.

— Вот так значит?

— Прости, Вероника, — вздохнул Сан Саныч, без какого-либо сожаления во взгляде смотря на дочь. — Но на данный момент я нахожусь в безвыходно положении, мне срочно нужен хороший специалист. Тем более, тебе не обязательно отказываться от нынешней работы, просто график будет более ненормированным, — улыбнулся он, будто предлагал ей конфетку, а не кабалу сроком на год, а то и больше.

— Я должна подумать, — протянула, вздохнув.

— Сейчас у меня как раз совещание с начальником отдела, в котором тебе предстоит работать, — пожал плечами мужчина. — Можешь подумать, десять минут тебе хватит?

— Хватит! — воскликнула она, выходя из кабинета. Девушки потребовалось масса усилий, чтобы не показать полковнику на прощание неприличный жест и не хлопнуть дверью, словно неуравновешенная истеричка.

Вылетела из кабинета полковника, прошла несколько метров и остановилась посреди коридора, не желая признавать очевидное — у меня нет выбора. За пять лет практики так и не наняла для себя хорошего юриста, надобности не было. А теперь, когда мне он так необходим, искать его негде, а обращаться за помощью к не совсем законопослушным знакомым себе дороже. Быть в долгу не привыкла и сама никогда в долг не даю.

В подобные моменты отчаяния мне помогает крепкий кофе, поэтому, не придумав ничего лучше, я пошла к лестнице — кажется, на первом этаже видела кофейный автомат. Он и вправду стоял в коридоре: новый современный, но, прождав десять минут и заплатив сто рублей, мне пришлось вылить этот чудесный напиток в ближайший горшок с цветком.

— Паршивый кофе, — проговорила она, выкидывая пластиковый стаканчик с осадком в мусорное ведро. Однажды Вероника ездила на отдых в Турцию и там, в Стамбуле в одном маленьком ресторане, в центре города, попробовала настоящий турецкий кофе — подобного попробовать больше нигде не удавалось, поэтому она мечтала вернуться туда снова.

— Когда отпустят моего брата, — услышала Вероника тоненький детский голосок, проходя мимо металлических кресел, скрепленных вместе, как на вокзале. Кругом было полно людей, проходящих мимо и абсолютно не обращающих никакого внимания на маленькую девочку, сидевшую в одиночестве.

— Привет, я чем-нибудь могу тебе помочь? — спросила она, улыбнувшись, и присела рядом с девочкой. Будучи психологом ей приходилось во время учебы проходить практику в детском саду и школе, но находить контакт с детьми у Вероники всегда выходило из ряда вон плохо. К сожалению, дожив до двадцати шести, она все еще не видела себя в роли матери.

— Мой брат не вернулся после школы домой, соседка тётя Люда сказала, что его задержала полиция, — вздохнула малышка, прижав к груди серого игрушечного зайку. — Я пришла просить, чтобы его отпустили, — протянула она, смотря на женщину большими голубыми глазами, от чего сердце Вероники болезненно сжалось. — Вы мне поможете, тётенька?

— Я...я постараюсь, — ответила, запнувшись. Раз уж ей придется пойти на поводу у полковника и работать в каком-то там отделе, значит она действительно может помочь этой девочке. — Скажи мне, как тебя зовут?

— Лидочка, — ответила она, неуверенно улыбнувшись. — А Вас, тетенька?

— Вероника, — ответила с улыбкой. — А как зовут твоего брата, Лидочка?

— Лешка.

— Хорошо, сейчас узнаем, где Лешка, — кивнула она, поднимаясь на ноги и протягивая девочке руку. — Пойдем.

Лидочка спрыгнула с кресла, сидя на котором она не доставала ногами до пола. На вид ей было около пяти и у Вероники в голове возникало много вопросов, например: «Где её родители и почему она здесь одна?» Они пошли к дежурному, тому самому, что еще около получаса назад ел бутерброд старательно делая вид, будто не замечает её. Он по-прежнему сидел на своем месте, правда уже без бутерброда. Вероника спокойно прошла мимо мужчины и подошла к каталажке, где все еще спали два бомжа и мирно сидели проститутка и мальчишка. Их так и не выпустили...

— Лешка! — радостно крикнула Лидочка, подбегая к стальной решетке и пытаясь просунуть в пустое пространство голову.

— Лида, что ты здесь делаешь? Бабушка с тобой? — удивился светловолосый мальчик с голубыми глазами и тоже подбежал к решетке, но только, с другой стороны. Сейчас, когда они стояли друг напротив друга было трудно не разглядеть насколько они похожи.

— Бабушка смотрела телевизор, а я тебя пошла искать. Тётя Вероника мне помогла, — ответила девочка, кивая в мою сторону. — Спасибо.

— Не за что, — улыбнулась она в ответ, подходя ближе. — На чем тебя поймали? — спросила у парня. — Украл чей-нибудь кошелек?

— Нет, — покачал головой Лешка, сникнув. — Парни в школе сказали, что я слабак и не смогу украсть пачку чипсов из магазина...и я...,- он запнулся и потупил взгляд. Ему было очень стыдно.

— Почему твоим родителям не позвонили? — спросила Вероника, бросая быстрый взгляд на дежурного, который не обращал на них никакого внимания, мужчина был увлечен какой-то передачей, которую транслировали по ТВ.

— Они им звонили, но у папы совещание, а у мамы спектакль, — вздохнул парень, лохматая светлые волосы.

— Ладно, сейчас что-нибудь придумаем, — задумчиво протянула женщина, оглядываясь по сторонам. Ей повезло, около автомата с кофе как раз ошивался тот парень, который провожал Веронику к полковнику. Он разговаривал с приятелем, они улыбались друг другу, явно обсуждая что-то личное. — Эй, Пшеницын! — Окрикнула его женщина. Для парня это стало явной неожиданностью, он даже поперхнулся кофе и перевел на дочку полковника удивленный взгляд. — Иди сюда! — снова крикнула, поманив пальцем.

— В-вероника Александровна? — запинаясь уточнил он, подходя ближе.

— Мне нужно, чтобы ты выпустил всех этих людей, включая светловолосого парня, — сказала, кивнув в сторону Лешки и Лидочки.

— Н-но я не могу, — испуганно промямлил он.

— Почему? — спросила она, сложив на груди руки.

— Даже если я выпущу тех бомжей и про... женщину, то паренька должны забрать один из родителей или официальный опекун, — ответил Пшеницын, почесывая затылок.

— Ты знаешь номер кого-то из родителей? — спросила Вероника у парня и тот тут же закивал. — Отлично! Сейчас я позвоню его родителям, и они его заберут, но до этого момента ему же не обязательно сидеть в этом вонючем обезьяннике? — уточнила она у полицейского.

— Нет, — покачал он головой, оставаясь стоять напротив, будто его ноги вросли в пол.

— Тогда может откроешь клетку? — спросила женщина, усмехнувшись.

— Д-да, конечно, — кивнул он, подходя к дежурному. — Жорин, дебила ты кусок, — прошептал Пшеницын, засовывая голову в окошко будки. — Дай мне сюда ключи от обезьянника, быстро!

— Зачем? — нахмурившись спросил он.

— Быстро! — повторил Пшеницы, только громче и, выхватив у дежурного ключи, открыл дверь каталажки. Лешка быстро прошмыгнул наружу, заключая в объятия Лидочку.

— Спасибо, — улыбнулся он.

— Не за что, — улыбнулась в ответ Вероника, доставая из сумочки телефон, которую ей наконец-то вернули. — Диктуй номер родителей.

Спустя несколько звонков, которые она делала без перерыва, ей все-таки удалось дозвониться до матери Лидочки и Лешки. Женщина очень удивилась и даже подумала, будто Вероника ее разыгрывает, но услышав голоса детей пообещала, что приедет как можно скорее. Через пятнадцать минут оба родителя были на месте. Вероника с Лешей и Лидочкой сидели у входа и смотрели мультфильм.

— Лида, Леша, что вы здесь делаете, — обеспокоенно воскликнула, подбегая к нам, еще молодая женщина, на вид ей было около тридцати пяти.

— И где бабушка, — вторил ей взрослый мужчина, хмурясь. Он волновался намного меньше жены и был крайне недоволен сложившейся ситуацией.

— С Вами все в порядке? — продолжала засыпать вопросами детей их мама.

— С нами все хорошо, — ответила ей Лидочка, обнимая женщину за шею. Их мама тоже была натуральной блондинкой, правда с карими глазами. — Нам помогла тетя Вероника, она здесь главная, — улыбнулась девочка, указывая на Веронику своей маленькой ладошкой.

— Спасибо Вам огромное! — воскликнула женщина.

— И извините за это недоразумение, — кашлянул мужчина, кивая мне в знак благодарности.

— Да не за что, — улыбнулась она в ответ и телефон в её руках зазвонил. — Слушаю, — ответила Вероника, стараясь не выдать своего недовольства.

— Вероника, ты где? — спросил полковник.

— Делаю работу за твоих подчиненных, — ответила без стеснения.

— Кхм, обсудим это позже, — вдохнув ответил он. — Поднимись ко мне, хочу познакомить тебя с твоим непосредственным начальником, — в ответ женщина лишь фыркнула и положила трубку.

— Простите, мне нужно идти, — пожала плечами. — Обещай, что больше не будешь делать глупостей, — обратилась к Лешке, который смущенно улыбнулся.

— Обещаю, — кивнул он, пожимая протянутую мной ладонь.

Попрощавшись с Лидочкой, Лешей и их родителями, Вероника поднялась на второй этаж и...остановилась. Подумав пару минут, она пришла к выводу, что биологический папочка как-то быстро заполучил свою победу, а она даже и не сопротивлялась. Поэтому, усмехнувшись своим мстительным мыслям, адресованным в адрес полковника, женщина быстро пошла в туалет, который находился в конце коридора.

Ей потребовалось всего пару минут, чтобы навести на голове беспорядок, смазав несколько прядей жидким мылом, умыться, заставив тушь потечь, оставив черные подтеки под глазами и, улыбнувшись своему отражению в зеркале, выйти в коридор. У входа в кабинет Вероника сняла туфли, оставаясь босиком и закинула в рот сразу три конфеты с коньяком, которые лежали на дне сумки уже с неделю.

— Прошу прощения за опоздание, надзиратель в одном из ваших карцеров оказался очень медлительным и туповатым типом, — усмехнулась, заходя в кабинет полковника и садясь напротив светловолосого красивого мужчины.

Сегодня был мой первый рабочий день и, идя на работу, я нутром чуял, что этот день не принесет мне ничего хорошего. Согласен, немного странно быть по жизни реалистом и материалистом, но в то же время верить в предчувствия. Знакомство с новым коллективом всегда испытание, по крайней мере, лично для меня. За все восемь лет в полиции, не считая обучения, мне всего раз пришлось сменить отдел. Поэтому, припарковавшись у отделения я

остался в машине, дав себе еще пару минут на... А, на что, собственно, даю себе время? Сложный вопрос, ответ на который в ближайшее время точно не придет мне в голову.

— Майор Воронцов, доброе утро, — улыбнулся мне стажер, все тот же парень, который и вчера поджидал меня у входа в отделение. Он что преследует меня?

— Ты меня ждешь? — нахмурился, проходя мимо него к будке, где сидел все тот же усатый мужик и с увлечением смотрел какую-то программу по телевизору. — Это еще что за увеселения на рабочем месте! — рявкнул я, с силой постучав по стеклу.

Мужчина от неожиданности подпрыгнул на месте и, выронив из рук пульт, повернулся ко мне. Его глаза сощурились, и он посмотрел на меня с недовольством, даже с ненавистью. Дежурный, уж не знаю зачем, сжал правую ладонь в кулак и потер его левой, наверное, подумав напугать меня этим.

— Ты че себе позв...

— Еще раз увижу, как ты бездельничаешь на рабочем месте — уволю, — предупредил, смотря на мужчину с каменным выражением лица. — Пропуск, — потребовал.

— Ваш пропуск у меня, Олег Михайлович, — послышался сзади неуверенный голос стажера.

— Чего раньше молчал, — это был риторический вопрос, поэтому, выхватив у парня пропуск, приложил его к панели и как только кружок сменил цвет на зеленый, пошел сразу же к лестнице, ведущей на второй этаж.

— А это вообще кто? — услышал недоумевающий голос дежурного.

— Это новый начальник Особого отдела, — ответил ему стажер и поторопился догнать меня. — Олег Михайлович, ребята уже ждут Вас. Вы не туда идете, — произнес парень, идя чуть позади меня.

— С чего ты взял, что я иду не туда, — спросил останавливаясь.

— П-потому что Ваш кабинет, как и служебная комната отдела находится на нулевом этаже, — сглотнув ответил стажер, но все-таки смог выдержать мой взгляд и не увести глаза — уважаю.

— Тебя ко мне товарищ полковник подослал, *нянькой* подрабатываешь? — спросил, складывая на груди руки. Я, конечно, понимал, что первое время Сан Саныч так просто от меня не отстанет, но не думал, что моей нянькой будет какой-то стажер.

— Н-нет, просто я уже выучил весь план здания и расположение всех отделов, кабинетов и служебных помещений. Александр Александрович подумал, что Вам будет удобно иметь рядом человека, к которому Вы сможете обратиться, — объяснил парень, смотря на меня так, будто я прямо сейчас готов его сожрать.

— Кхм, ну раз полковник *подумал*, — недовольно протянул, рассматривая парня получше. Худощавый, что говорит о плохой физической подготовке и не готовности работать в поле. Пугливый, что еще раз подтверждает первое и дает повод задуматься над его психологической готовности видеть трупы, лужи крови и стрелять в живого человека. Ну и все вместе наталкивает на мысль, что парень просто пересмотрел сериалов про добродушных полицейских и перечитал комиксов про супергероев, которых в реальной жизни не существует. Если я решу взять его в поле прямо сейчас, то вероятность того, что он уже на следующий день отчислиться из Академии равна более девяноста девяти процентам. — Тогда показывай куда идти, — пожал плечами. Раз следак из него, как из меня балерина, то для *няньки* на первое время его кандидатура идеально подойдет.

Но не успели мы спуститься на нулевой этаж и подойти к двери, за которой меня ждала моя новая команда, телефон в моем кармане завибрировал. Не ожидал, что Сан Саныч соскучится так быстро и даже не предоставит мне достаточно времени, чтобы познакомиться с ребятами.

— Товарищ полковник? — ответил, как полагается в присутствии постороннего.

— Олег, срочно зайди ко мне. У нас дело, — четко и по делу сказал Сан Саныч и положил трубку.

— Жди меня вместе со всеми, — дал приказ стажеру, а сам быстрым шагом направился в кабинет к начальнику.

Прежде чем войти, постучал и, услышав положительный ответ, зашел в кабинет, аккуратно прикрыв за собой дверь. Сан Саныч сидел в своем кресле, на стене позади него висел герб России и фотография нашего президента в толстой позолоченной рамке. Выражение лица у мужчины было задумчивое, он явно думал, как лучше начать разговор. Понял это, так как уже много раз сталкивался с подобным — одним из таких случаев был разговор, когда я пришел однажды утром домой с Академии и вместо матери обнаружил на кухне Сан Саныча. Это был тяжелый разговор для нас обоих — ему нужно было сказать мне о том, что моя мать умерла, а мне принять это стойко, как настоящему мужчине.

— Присаживайся, Олег, — кивнул полковник Радов на ближайший к нему стул.

— Не думал, что в мой первый рабочий день произойдет что-то *подходящее* для моего отдела, — вздохнул, отодвигая стул и присаживаясь напротив Сан Саныча.

— Да, но я хотел поговорить не только о деле, — кашлянул мужчина, положив перед собой руки на стол и сцепив их в замок. — Как ты знаешь, твой отдел что-то вроде *эксперимента* для Управления...

— *Эксперимент*, как тонко подмечено, — усмехнулся, откинувшись на спинку стула.

— И за этим *экспериментом* будут внимательно наблюдать, как и за тобой, — продолжил свою мысль Сан Саныч, пропустив мой выпад мимо ушей. — Не мне тебе объяснить, скольким людям ты подпортил карты, когда посадил Смолина. Очень много людей желают тебе, если не смерти, то точно спят и видят, как отправят тебя в места не столь отдаленные, подальше от Москвы, — вздохнув произнес полковник.

— Зачем ты мне это говоришь? — нахмурился, в моей голове начали плодиться нехорошие мысли и подозрения.

— Я не смогу тебя защитить от людей, которые выше и влиятельнее меня...

— Меня не надо защищать, — перебил, выпрямляя спину.

— Послушай! — рявкнул Радов, остужая мой пыл. — Я лишь хочу предупредить, что у тебя в отделе может быть крыса, подосланная одним из старых друзей или должников Смолина, поэтому, ты должен быть начеку. Всегда.

— Понял, — кивнул, соглашаясь с выводами Сан Саныча.

— Надеюсь, — кивнул он и достал из ящика стола конверт. — Теперь еще одно, — произнес полковник, кладя конверт перед собой. — Прежде чем раскрыть тебе подробности дела, хотел попросить тебя об одолжении.

— Об одолжении? — удивился. За все те годы, что мы знакомы, Сан Саныч ни разу не просил меня о чем-то подобном.

— У тебя в отделе появилась новая вакансия...

— Какая еще вакансия, — нахмурился, не понимая зачем мне еще один опер в отделе.

— Психолог-консультант, — ответил полковник, заставив меня удивленно уставиться на него. — И в связи со сложившимися обстоятельствами, не мог бы ты быть помягче с ней...

— С ней? — переспросил. Я все еще приходил в себя после новости об очередной проблеме на мою голову, в виде какого-то там психолога, да теперь еще узнаю, что это — *женщина*.

— В моем отделе никогда не будет работать женщина, — покачал головой.

— В твоём отделе и так работает женщина, точнее девушка, — усмехнулся полковник Радов. — Старший лейтенант Зимина, кстати, отличный сотрудник!

— Еще лучше, — с сарказмом протянул, потирая переносицу. — Ну и когда я должен буду познакомиться с этой *психологиней*?

— Прямо сейчас! — воодушевленно воскликнул Сан Саныч, набирая чей-то номер. — Вероника, ты где? — спросил он у женщины на другой стороне линии. — Кхм, обсудим это позже, — недовольно проговорил мужчина и кинул быстрый взгляд на меня. — Поднимись ко мне, хочу познакомить тебя с твоим непосредственным начальником.

— Мне не нравится это идея, — проговорил, как только Сан Саныч отложил телефон в сторону.

— Уверяю тебя, она не доставит много проблем, — заверил меня полковник, но тогда мы еще оба даже не подозревали, насколько он ошибается...

Она вошла в кабинет, уверенно держа спину и смотря, будто на всех сразу и ни на кого вовсе. Её бордовая велюровая юбка с разрезом до середины бедра и практически прозрачная малиновая блузка с баской и длинными рукавами, благодаря которой был виден топ в цвет, заставили майора Воронцова шокировано округлить глаза. Он не мог не заметить ее босых ног с красным педикюром, которыми она шлепала по ламинату в кабинете полковника, держа в руках черный лакированные лодочки. Зеленые кошачьи глаза девушки с коричневыми вкраплениями были хитро прищурены, карамельные волосы находились в беспорядке, а пухлые губы, покрашенные темно-красной помадой, скривились в самодовольной улыбке. Она бесцеремонно, без приглашения, уселась напротив Воронцова и, положив ногу на ногу, весело ему подмигнула.

Оба мужчины потеряли дар речи, майор был крайне удивлен и даже шокирован, все это время задаваясь вопросом: Кто это, твою мать, такая? Воронцов и помыслить не мог, что женщина-психолог, теперь работающая в полиции, может выглядеть *так*. Возможно, незнакомка просто ошиблась дверью. Но если майор находился в недоумении, то полковник был просто в не себя от злости, которая становилась лишь больше с каждой минутой. Он не сомневался, что Вероника не оставит его шантаж без внимания, но, чтобы сделать подобный выпад...

— Прошу прощения за опоздание, надзиратель в одном из ваших карцеров оказался очень медлительным и туповатым типом. Я бы посоветовала ему парочку развивашек для детей лет шести, ну-у... или восьми! — усмехнулась девушка, заправляя за ухо прядь слипшихся карамельных волос.

— Кхм-кхм, — покашлял в кулак Сан Саныч, привлекая мое внимание. Похоже он первый пришел в себя после увиденного, пока я все еще пребывал в шоке от женщины, с которой мне уже с сегодняшнего дня предстоит работать.

— Олег, познакомься, — обратился ко мне полковник, указывая на незнакомку. — Это Вероника Александровна и с этого момента вы работаете вместе. Она любезно согласилась...

— Меня заставили, — прошептала Вероника Александровна, наклоняясь чуть ближе ко мне. Она улыбнулась своей белозубой улыбкой, а меня окутал приятный шлейф фруктовых духов вперемешку с едва различимым легким запахом алкоголя. Нет, я мог смириться с ее неподобающим видом, но пить в рабочее время не позволительно!

— Любезно согласилась, — с нажимом повторил Сан Саныч, — помочь нам, в деле об убийстве известного писателя Марка Толстых, который был убит, по предварительным данным, сегодня ночью.

Мне хватило всего пары секунд, чтобы тут же выбросить из головы все мысли о дурной женщине, сидящей напротив и переключить все свое внимание на полковника, не сводившего недовольного взгляда с Вероники Александровны. Но ей как будто было плевать, что и кто о ней думает. Девушка удобно расположилась в кресле, показательно поставив свои туфли, с красной подошвой, на отполированную столешницу стола и еще раз самодовольно улыбнулась Сан Санычу. Если бы я не знал все близкое окружение этого мужчины, который уже долгие годы является единственным моим родным человеком, то сказал бы, что они знакомы.

— Группа уже выехала на место? — спросил, обращаясь к полковнику.

— Нет, дело отдано только нашему отделу, — покачал головой Сан Саныч. — Нам необходимо сделать так, чтобы в СМИ просочилось как можно меньше информации, желательно, чтобы они вообще, как можно дольше не знали о смерти Толстых, — вздохнув произнес мужчина. Было видно, что еще до моего прихода, ему было дано указание расследовать это дело как можно тише, но зная наших журналюг, которых хлебом не корми, дай подпортить работу полиции, вряд ли это осталось в тайне.

— Поздно, — усмехнувшись заметила Вероника Александровна, держа в руках телефон известной марки последней модели. — Уже весь интернет знает об убийстве этого вашего Марка, — пожала она плечами, поворачивая телефон экраном к нам. На дисплее был виден заголовок статьи, напечатанный большим жирным шрифтом: «Декабрьское убийство. Известный московский писатель умер смертью главного героя одного из своих романов.»

— Сейчас сентябрь, — хмуро прокомментировал.

— Так назывался его роман — «Декабрьское убийство», — закатив глаза ответила женщина. — Вам стоит больше времени уделять литературе, товарищ...э-э, а как Вас, собственно зовут? — спросила она, внимательно оглядывая меня.

— Майор Олег Михайлович Воронцов, — ответил, складывая на груди руки.

— Так вот насчет отечественной литературы, майор...

— Вероника...,- перебил ее Сан Саныч, прожигая женщину недовольным взглядом. — Александровна! Вам с майором Воронцовым пора выезжать на место преступления.

— Не помню, чтобы мы обговаривали это при приеме на работу, — с сомнением протянула Вероника Александровна в ответ. — Я не собираюсь работать в поле, моя задача...

— Ваша задача — подчиняться приказом начальства, — ответил полковник Радов ледяным тоном.

— Конечно, товарищ полковник, — язвительно протянула женщина, вставая со стула.

— Вы куда? — не удержавшись спросил, когда она подошла к двери, забыв на столе туфли.

— Домой, мне стоит переодеться, — усмехнувшись ответила Вероника Александровна снова мне подмигнув. — Адрес скинете смской, майор! — напоследок бросила она и скрылась за дверью. Мне оставалось лишь гадать, когда я увижу эту женщину снова, и скажу честно — мне бы хотелось, чтобы этого никогда не произошло.

— Я не собираюсь с ней работать, — покачал головой, поворачиваясь к Сан Санычу.

— Это не обсуждается, Олег, — покачал головой полковник, что-то быстро записывая на листке бумаги.

— Какой смысл быть начальником отдела и не иметь право уволить эту...эту...

— Поезжай на место преступления, а личные дела всех твоих сотрудников уже у тебя на столе, — произнес Сан Саныч и передал мне листок с адресом убитого, даже не став меня слушать. — И да, Веронику Александровну я предупрежу сам, можешь не волноваться об этом.

— Даже не собирался, — фыркнул, направляясь к выходу из кабинета, захватив с собой те самые лодочки.

Мне пришлось быстро спуститься на нулевой этаж, пройдя мимо своего нового кабинета, на двери которого уже висела подобная табличка, что и у полковника. Быстро заглянув внутрь, я даже не стал осматриваться, а просто поставил обувь на пол рядом со

входом и, плотно закрыв за собой дверь, вышел. Служебная комната, в которой должны были находиться рабочие места работников моего отдела, находилась дальше, даже из коридора я слышал, что внутри было шумно. Зайдя кабинет стал свидетелем весьма поразительно непрофессионального, на мой взгляд, рабочего времяпрепровождения.

Просторный кабинет, по форме представляющий собой квадрат, из которого имелся выход в другую комнату — я заметил матовую стеклянную дверь в правой стене. В центре стоял стол для настольного тенниса, а двое мужчин, увлеченные игрой, даже не заметили моего вторжения. Из комнаты, в которую вела стеклянная дверь были изредка слышны недовольные возгласы и звуки стрельбы, которые были далеки от настоящих. Стажера в комнате не увидел, зато заметил миниатюрную девушку с темно-каштановыми волосами, что увлеченно читала одно из дел в старой бледно бежевой картонной папке, доступ к которому я, как начальник отдела, не давал.

Все эти люди были далеки от моего представления об Особом отделе и подчиненных, с которыми мне бы хотелось работать. Но, как говорится, придется работать с тем, что есть.

— Уважаемые коллеги! — холодным тоном произнес, складывая на груди руки. На меня уставились три пары удивленных глаз, а в комнате наступила тишина, которую нарушали лишь редкие ругательства из комнаты по соседству и глухой звук, что издал, упавший пластмассовый шарик для пинг-понга.

— Ой, Олег Михайлович, — послышался испуганный голос у меня за спиной, когда я собирался разразиться гневной тирадой. Обернулся, удостоив стажера злым взглядом и тот, быстро пройдя мимо, встал рядом с коллегами. — Нет времени на знакомства, — проговорил строго и, пройдясь по всем присутствующим взглядом, продолжил. — Нашему отделу поручено расследовать дело об убийстве московского писателя. Поэтому, мы немедленно выдвигаемся на место преступления.

Как только я произнес последнюю фразу, миниатюрная шатенка с радостной улыбкой на лице вскочила со стула. Стажер отнёся к новости с явным скепсисом, наверное, понимая, что с собой его точно брать не собираюсь. А вот двое мужчин, примерно одинакового возраста, может, чуть младше меня, остались стоять на месте, ожидая приказа — сразу было видно, что парни давно служат в органах и знакомы с порядками.

— Стажер и...девушка, остаются здесь. Вы двое, со мной, — кивнул, заметив, как потухла улыбка на лице миниатюрной шатенки.

Дом Толстых, построенный в десяти километрах от МКАД в деревне Поздняково представлял собой настоящий особняк из темного кирпича с оксидно-красной двухскатной крышей и тремя этажами, последний из которых был отведен под чердак. Участок вокруг дома был настолько велик, что перед парадным крыльцом, выложенным бежевой квадратной плиткой, был возведен небольшой декоративный фонтан, струя которого била вверх и образовывала плотную водяную полусферу. Когда кованые железные ворота открылись, майору Воронцову пришлось проехать еще двести метров, чтобы подъехать к дому. Пока мужчина ехал он не мог не отметить зеленый газон, плодоносные деревья, которые росли буквально на каждом четвертом квадрате земли. Дом по кругу увивали побеги виноградной лозы, которая имела интересный красно-бордовый цвет листьев. С правой стороны дома была выложена парковочная зона, которую уже занимали две машины. Майор припарковался рядом с серебристой машиной, марку которой нельзя было не узнать — *Mercedes-Benz C-Class*.

— Отличная тачка, — присвистнул капитан Игорь Кабанов, хлопая дверью своей синей девятки.

— И домишка зачётный, — в тон ему проговорил старший лейтенант Григорий Кукушкин, стоя у подножия одной из двух спиральных лестниц, что вели к парадным дверям дома.

— Хватит тарашиться, пошли работать, — недовольно произнёс Воронцов, поднимаясь по белокаменной лестнице, держа руки в карманах темно серого пальто.

— Ты чего такой суровый, майор, — усмехнулся Кабанов, поднимаясь следом, скользя ладонью по перилам, которые находились по обеим сторонам и были сделаны из того же камня, что и лестница.

— Для тебя, капитан, я — *товарищ майор* или *Олег Михайлович*, — сказал, стоя у распашных тяжелых дверей из массива красного дерева с бронзовыми ручками в виде головы льва, держащие в своей пасти массивные кольца. — Это понятно?

— Да понял я, понял, — засмеялся мужчина, поднимая руки ладонями вверх, но уже не так весело и скорее для того, чтобы разрядить обстановку.

Воронцов кивнул и, поискав глазами звонок, который находился рядом с дверью и тоже был в виде головы льва, внутри пасти которого находилась кнопка нажал на него. Олег фыркнул, он скептически относился к подобному фанатизму. Мужчина даже не удивится, если обнаружит вместо кота или собаки настоящего льва, в качестве домашнего животного.

Дверь трём мужчинам открыла молоденькая девушка. Она широко улыбнулась, хотя обстоятельства их приезда, отнюдь не были поводом для радости. Увидев серьезный взгляд Воронцова, незнакомка в голубом платье в мелкий белый цветочек, будто прочитав его мысли, поникла и, закусив губу, отошла в сторону, жестом приглашая их войти.

— Доброе утро, Алевтина Дмитриевна в большой гостиной, я провожу вас, — сказала она, идя чуть впереди майора вглубь дома.

— У них че, ещё и маленькая гостиная есть? — удивлённо протянул Кабанов на ухо старшему лейтенанту.

— Красиво жить не запретишь, — вздохнул он, не скрывая своей зависти. — И не важно, что нечестно. Да, одна вот такая вазочка, — сказал Кукушкин, указывая на большую напольную фазу с изображением древнегреческих богов, — стоит не меньше двух тысяч зелени!

— Надеюсь, работаете Вы так же хорошо, как считаете чужие деньги, Кукушкин, — обернувшись проговорил Воронцов, смерив мужчину недовольным взглядом.

Лейтенант ничего не ответил, не успел, так как они вошли в просторную светлую квадратную комнату, занимающую значительную часть первого этажа. Обои имели цвет спелого граната с золотистыми вензелями, большой камин из натурального камня, в котором горел огонь и потрескивали дрова. Под потолком висела люстра, мягко изогнутые линии металлической арматуры которой формировали элегантное основание, на них крепились подвески из прозрачного хрусталя, а большой стеклянный плафон с рельефной поверхностью будто парил в воздухе. Большие прямоугольные окна, из алюминиевого профиля, занимали практически всю центральную стену гостиной, как и белоснежный тюль с тяжелыми шторами бордового цвета с ламбрекеном и с золотыми кутасами. Пол полностью покрывал ковёр с коротким ворсом и замысловатым орнаментом. На стенах висело множество картин в массивных деревянных багетах, покрытых лаком. Большое

семейство Толстых сидело на двух диванах с обивкой из грязно-желтого дамаста с золотыми нитями и на резных ножках.

— Алевтина Дмитриевна, приехали мужчины из полиции, — печальным, явно немного наигранным, голосом протянула девушка, подходя к пожилой женщине, чьи седые волосы были собраны с помощью заколки-краба.

— Вижу, дорогая, — кивнула та в ответ, поправив квадрантные очки в чёрной оправе. — Молодые люди, — приветственно кивнула Алевтина Дмитриевна и, поднявшись с дивана, с помощью простой деревянной трости, пошла в сторону мужчин, которые все еще стояли в дверях клином.

Ей на помощь тут же поспешил высокий темноволосый мужчина, чьи волосы немного кудрявились, а форма и оправка очков была в точности, как у хозяйки дома. На Алевтине Дмитриевне было надето черное мешковатое платье, на шее повязан тонкий шифоновый платок того же цвета. Она медленно переступала, одной рукой опираясь на трость, а другой взяв за локоть, скорее всего сына или зятя. Воронцов не увидел сходство вдовы и взрослого мужчины, которому было около пятидесяти. Он выглядел хорошо для своих лет, но морщины на лбу и в области глаз выдавали его возраст. Мужчина был одет в серый костюм в клетку и темно-синюю рубашку с черным галстуком, на ногах у него были дорогие лакированные черные туфли с длинным носом.

— Богдан Маркович Толстых, — представился темноволосый мужчина, протягивая руку Воронцову.

— Майор Олег Воронцов, соболезную вашей утрате, — проговорил майор, пожимая руку Богдану. Олегу было трудно представить какого это — потерять отца, его — умер, когда мальчику не было и десяти.

— Благодарю, — кивнул в ответ Толстых, глядя по морщинистой дрожащей руке мать. — Один из Ваших сотрудников уже наверху. Если Вы позволите, я провожу Алевтину Дмитриевну в комнату и пройду с Вами, — предложил мужчина, поправляя очки.

— Мы подождем, — кивнул Олег и, сделал шаг в сторону, давая паре пройти.

Через пятнадцать минут Богдан Маркович спустился назад в большую гостиную, отведя мать наверх, в гостевую комнату. Женщина не могла зайти в свою спальню после того, как нашла мужа мертвым — каждый сантиметр дома был пронизан воспоминаниями, которые они создавали на протяжении сорока лет, что жили здесь. Олег Воронцов к этому времени успел познакомиться с остальными членами семьи: высокая женщина с длинными каштановыми волосами и прямоугольными очками в тонкой металлической оправе, чьи карие глаза надменно взирали на всех присутствующих, была женой старшего сына Марка Толстых — Богдана — Елена. Рядом с женщиной, что стояла у окна и смотрела на улицу, на низком пуфе молочного цвета сидел четырнадцатилетний парень, чьи темные волосы вились, как и у отца — Вадик. Он был настолько увлечен своим новомодным гаджетом в чехле с Человеком-Пауком, что даже не замечал никого вокруг. На одном из длинных диванов сидела пара — молодой мужчина, Евгений, с тусклыми голубыми глазами, которые, наверное, единственные из всех присутствующих, не считая вдовы, излучали искреннюю печаль и уже знакомая Воронцову молодая девушка, Софья, которую мужчина обнимал за плечи. Эти двое были явно не женаты, на безымянных пальцах не было колец, да и представления о женатых парах у Олега были совершенно иные. Девушка, как ему показалась, была отстраненной и витала где-то далеко, точно не расстроенная тем фактом,

что наверху лежит труп ее тестя, а рядом с ней сидит сын, потерявший отца.

— Мы можем идти, — проговорил Богдан Маркович, останавливаясь рядом с Воронцовым.

— Конечно, — кивнул в ответ Олег и повернулся к подчиненным. — Кукушкин, ты остаешься и опрашиваешь родных, а ты Кабанов — за мной, — оба мужчины кивнули в ответ.

— Кто обнаружил труп? — спросил Воронцов, поднимаясь по лестнице следом за сыном погибшего на третий этаж.

— Отца нашла мама, рано утром, — сглотнув произнес мужчина, останавливаясь в маленьком прямоугольном коридорчике, где была лишь одна дверь, ведущая в кабинет Марка Толстых — место убийства.

— Она что-то еще сказала? — спросил майор, останавливаясь на предпоследней ступеньке лестницы, троем мужчинам было бы трудно уместиться в маленьком коридорчике.

— Она проснулась рано утром, в последнее время у нее были проблемы со сном, и решила пойти в его кабинет. Папа часто мог засидеться допоздна и уснуть в любимом кресле, — грустно улыбнулся Богдан. — В этот раз он не засиживался...

— Понятно, — кивнул Олег. — Давайте мы осмотрим место преступления.

— Конечно, — кивнул мужчина и, открыв дверь, вошел внутрь кабинета. За ним проследовали Воронцов и капитан Кабанов.

Над телом погибшего писателя, что нетронутым полулежало в кресле, склонился молодой мужчина в белых медицинских перчатках. Он обернулся на звуки шагов и улыбнулся, обнажая идеально ровные белоснежные зубы.

— Дмитрий Елагин — ваш новый судмедэксперт, приятно познакомиться!

Убитый или умерший, это уже будет решать следствие, полулежал в большом кожаном кресле с высокой стеганой спинкой. Его посиневшая рука безвольно висела в воздухе, соскользнув, с местами облезлого подлокотника. Глаза Марка Толстых были открыты, никто так и не удосужился закрыть их или накрыть мертвого белой простыней. На высоком деревянном столике с резными ножками, находящемся по левую сторону от кресла, ближе к давно потухшему камину, стоял вытянутый стеклянный графин из красного стекла и бокал с недопитой светло-оранжевой жидкостью с янтарным оттенком. Рядом с креслом стоял судмедэксперт, который закупорив пробирку с пробой жидкости из стакана Марка Толстых, отправил ту в чемоданчик с другими медицинскими принадлежностями.

— Майор Олег Михайлович Воронцов, начальник Особого отдела, — кивнул мужчина, подходя ближе к трупу. — Что можете сказать?

— Примерное время смерти в районе с одиннадцати до часу ночи, точнее пока сказать трудно, — проговорил Дмитрий Елагин, снимая перчатки. — Причина смерти — передозировка опиоидами, но какие именно, узнаю только после анализа крови. Возможно, умерший просто не рассчитал с дозой, — пожал плечами молодой мужчина, щелкая замком от серого медицинского чемоданчика.

— Мой отец не был наркоманом! — взвился Богдан Маркович, делая резкий выпад вперед.

— Эй, мужик, успокойся, — придерживая за плечи взвинченного мужчину проговорил Кабанов, встав у него на пути. — Это всего лишь предположение!

— Не надо меня трогать! — воскликнул Богдан, сбрасывая с себя руки капитана. — Ваши предположения — чушь! Я буду жаловаться вашему начальству, понаберут на работу недоучек! — фыркнул он, поправляя упавшие на глаза вьющиеся темные пряди.

— Не знаю, как Вы уважаемый, а я закончил Московский институт судебной экспертизы, — с достоинством проговорил Елагин, проходя мимо Богдана. — И точно не Вам ставить под сомнения мой профессионализм, только если у Вас нет научной степени в данной области, — усмехнувшись заметил он на мгновение останавливаясь в дверях.

— Богдан Маркович, — обратился к мужчине Воронцов, понимая, что еще немного и может дойти до рукоприкладства. Олег, конечно, не психолог, как некоторые особы, но прекрасно видел в каком подвешенном эмоциональном состоянии находился сын умершего. Сейчас каждое слово воспринимается им в несколько раз острее. — Пока расскажите капитану Кабанову, что Вы знаете о состоянии здоровья отца в последний год. Какие препараты он принимал, на прием к какому врачу ходил и прочее. Я подойду через несколько минут, а пока мне нужно переговорить с коллегой, — кивнул Воронцов и, вручив капитану перчатки, чтобы тот не оставил отпечатков при осмотре, вышел в коридор следом за Елагиным, закрыв за собой дверь.

Дмитрий уже спускался по лестнице, мужчина не обращал внимание на идущего за ним майора и даже не собирался замедлять шаг, не то, чтобы останавливаться. Воронцов догнал судмедэксперта на первом этаже, когда тот проходил мимо гостиной, в котором сидели двое — Елена, жена Богдана, и старший лейтенант Кукушкин.

— Дмитрий, мы могли бы с Вами поговорить? — спросил Воронцов, поравнявшись с молодым человеком.

— Все что было нужно, я озвучил, — ответил ему Елагин. — Точное время и причину смерти и данные по отпечаткам пальцев из кабинета Вы узнаете из моего отчета, который завтра к обеду будет у Вас на столе, — пожал плечами мужчина, идя по коридору в сторону выхода.

— Мне бы хотелось получить отчет утром, — проговорил Воронцов, бросая быстрый взгляд на рядом идущего Дмитрия, который чему — то усмехнулся.

— Хочу Вам напомнить, Олег Михайлович, что по закону, который мы все свято чтим, защищаем, и которому служим, судебная медицинская экспертиза может проводиться сроком аж до тридцати дней, — ответил ему Елагин, выходя на улицу и вдыхая прохладный сентябрьский воздух. — Вы предлагаете мне всю ночь провести в лаборатории, пожертвовав сном и личной жизнью? — самодовольно поинтересовался он.

— Не знаю насколько хорошо Вам известны законы Российской Федерации, но сроки медицинской экспертизы законом не установлены, а лишь варьируются в зависимости от вида исследования и сложности, — парировал Воронцов. — Так же хочу напомнить Вам, Дмитрий, что у нас ненормированный рабочий день и по распоряжению начальника Особого отдела, к которому Вы прикреплены и руководителем которого являюсь именно я, судмедэксперт в Вашем лице может быть привлечен к выполнению своих трудовых функций за пределами установленного для него рабочего времени.

Елагин усмехнулся и, отсалютовав Олегу, сбежал по лестнице. Но не успел молодой мужчина и шагу сделать в сторону парковки, как мимо пронесся *Porsche* голубого оттенка. Майор Воронцов не видел разницы, поэтому не был уверен в цвете машины. Водитель даже не пытался правильно припарковаться, а встал поперек, занимая сразу три парковочных места. Через минуту, дверь *Porsche* открылась: сначала из машины показалась красивая женская ножка в белой широкой штанине и нежно — голубая шпилька, а через секунду на улицу вышла Вероника Александровна в шифоновой блузке небесного цвета в черный горох. Ее карамельного цвета волосы трепал ветер, она поправила большие круглые очки в тонкой металлической оправе, растянув персиковые губы в лукавой улыбке. Девушка хлопнула дверью, и поставив машину на сигнализацию, поцокала в сторону Олега и застывшего у подножия лестницы Елагина.

— Майор, — подмигнула Вероника мужчине, проходя мимо Дмитрия.

— Девушка, а Вы верите в любовь с первого взгляда или Вам стоит пройти мимо меня еще раз? — Воронцов не успел ничего ответить женщине, его перебил Елагин, обнажая свою белоснежную улыбку.

— О-о, я Вас сразу и не заметила, — хмыкнула в ответ Вероника, заставив Олега прикрыть рукой появившуюся у него на лице непроизвольную улыбку.

— У Вас *Porsche 911 Carrera*? — уточнил Елагин, кивнув в сторону припаркованной машины. — Я тоже фанат хороших автомобилей, Дмитрий Елагин, — еще шире улыбнулся мужчина, протягивая раскрытую ладонь, которую девушка проигнорировала.

— Вы о моей бабл гам? — засмеялась Вероника Александровна, а Воронцов раздраженно закатил глаза. Майор ненавидел подобных женщин, что тают лишь от одной белозубой улыбки или томного взгляда. — Не хочу Вас расстраивать э-э, Дмитрий, кажется, но я не разбираюсь в машинах. Мне просто понравился цвет, — пожала она плечами и, не став задерживаться больше ни минуты, быстро поднялась по лестнице к стоящему у дверей Олегу. Елагин все это время стоял, смотря ей вслед и восхищался этой женщиной, что не повелась на его притягательную улыбку *сразу*.

— Добрый день, Вероника Александровна, — кивнул Воронцов для себя отметив, что эта психологиня не так плоха, как он о ней думал. Возможно, кроме бесспорной красоты у нее есть еще и мозги.

— Мне приятно, что Вы меня встречаете, майор, — усмехнулась она, заправляя за ухо прядь шелковистых волос.

— Не берите на себя много, Вероника Александровна, — ответил Олег, позволив себе усмехнуться.

— Что, даже не придержите для меня дверь? — наигранно удивленно воскликнула Вероника.

— Дверь? — протянул Воронцов, задумавшись. — Пожалуй, сделаю Вам одолжение, — усмехнулся он, проходя в дом и придерживая для девушки дверь.

— Вы очень любезны, майор, — хмыкнула она, проходя вперед. — Покажите, куда идти?

— А зачем, вы собственно приехали, Вероника Александровна? — спросил мужчина, идя плечом к плечу с девушкой в гостиную, где старший лейтенант Кукушкин опрашивал членов семьи.

— Насколько мне удалось понять, мне необходимо присутствовать на каждом допросе, а также, по возможности, помогать в расследовании Вам, майор, — ответила Вероника, останавливаясь у входа в комнату.

— Мне? — уточнил Воронцов, нахмурившись.

— Именно, — кивнула женщина, пожимая плечами. — Полковник Радов сказал, что я прикреплена именно к Вам.

Олег нахмурился, делая заметку у себя в голове, что ему еще раз необходимо переговорить с Сан Санычем и уточнить причину пребывания у него в отделе психолога-консультанта. Воронцов со временем смог бы смириться с присутствием Вероники в отделе, возможно, даже перестал бы ее замечать, но если девушка будет ходить за ним попятам, мешая работать, то это вряд ли получится. Пока Вероника Александровна вызывала у него лишь приступы агрессии и желание закрыть ее в обезьяннике.

— Майо-ор, — усмехнувшись протянула Вероника Александровна, помахав перед лицом мужчины раскрытой ладонью.

— Что? — нахмурившись переспросил Олег, возвращаясь в реальность.

— Я спрашивала, как насчет того, чтобы провести допрос вместе, как *напарники*? — спросила она, улыбнувшись.

— Напарники? — с сомнением повторил он, скептически приподняв светлую бровь.

— Вы можете перестать отвечать вопросом на вопрос и постоянно переспрашивать? — поджав губы недовольно проговорила девушка.

— А Вы не задавайте вопросов, Вероника Андреевна. Тогда мне вообще не придется с Вами разговаривать, — ответил Воронцов, заходя в гостиную.

— Хам, — буркнула себе под нос женщина, но Олег все равно ее услышал, хоть и решил проигнорировать.

— Кукушкин, ты свободен, — отдал приказ майор. — Иди пройдишь по поселку и найди мне двух понятых, а мы с Вероникой Александровной здесь справимся сами.

Вероника с комфортом расположилась на мягком диване из грязно-желтого дамаста,

который, как и весь интерьер дома Толстых, напомнил ей декорации для фильма начала восемнадцатого века. Рядом с ней опустился на мягкую подушку дивана майор Воронцов, который смотрел на всех присутствующих своим грозным взглядом голубых глаз. Вероника мысленно фыркнула, ей всегда было трудно находить контакт с подобного рода мужчинами — трудоголиками и флегматиками, в жизни которых явно не хватает ведра — с весельем, страстью и бурей эмоций.

В комнату по очереди заходили члены семьи Толстых, родственники умершего Марка Альбертовича, большинство из которых лишь делали вид, что скорбели. Если вы не сухарь и у вас хорошо развита эмпатия, то вам не трудно будет распознать фальшь в словах и жестах собеседника. Глаза намного чаще, чем мы думаем, являются отражением наших истинных чувств. Первой, с кем Веронике и майору Воронцову, выпала честь пообщаться — была жена старшего сына Марка Альбертовича — Елена.

— Вы серьезно хотите, чтобы я рассказала о вечере второй раз подряд? — недовольно воскликнула женщина, сидя с прямой спиной и положив ногу на ногу. Она смотрела на Веронику и Олега настолько надменным и самодовольным взглядом, что девушка на мгновение смутилась, но лишь на мгновение.

— Вы должны понять, Елена...

— Васильевна, — перебила Воронцова женщина, складывая на груди руки.

— Елена Васильевна, нам нужна *Ваша* помощь, — протянула Вероника спокойным тихим голосом, смотря женщине в глаза. — Я уверена, что именно *Вы* сможете нам помочь, восстановив картину последнего вечера для следствия. Вы же хотите помочь найти убийцу Марка Альбертовича, Елена Васильевна? — спросила она, с надеждой смотря женщине в глаза.

— К-конечно, — немного запнувшись ответила Елена и поменяла позу: поставила две ноги рядом и, сомкнув колени, положила на них ладони, немного опустив подбородок, что до этого был надменно вздернут.

— Что подозрительного Вы заметили в тот вечер? — жестким голосом спросил Воронцов, выжидающе смотря на женщину.

— Я э-э...,- протянула Елена, поставленная в тупик подобным напором со стороны майора.

— Давайте начнем с самого начала, — мягким голосом продолжила Вероника. — С того момента, как Вы приехали.

— Да-а, — выдохнув протянула женщина, теперь смотря только на нее. — У папы был день рождения и у нас был повод собраться всей семьей, что последние годы не часто удавалось...

— Почему? — уточнил Олег, но уже без прежнего напора.

— Женя, младший брат моего мужа... они с папой не общались около четырех лет и вот совсем недавно помирились, — объяснила Елена, кинув быстрый взгляд на мужчину. — Когда они смогли помириться папа был счастлив, он будто помолодел лет на десять!

— Вы приехали все вместе или может позже Евгения? — задала наводящий вопрос Вероника, чтобы вернуть мысли Елены к тому вечеру.

— Да, Соня и Женя уже были тут, когда мы приехали, — кивнула женщина, начав заламывать руки. Ей было неудобно говорить об этом, возможно, что-то произошло до приезда в особняк.

— Вы не помните во сколько примерно это было? — спросил Воронцов, от которого тоже не ускользнула резкая смена настроения женщины.

— Где-то около семи, — закусив губу ответила она. — Я помню, потому что Богдан задержался в типографии, и мы...

— Как прошел ужин? — мягко спросила Вероника, снова уводя Елену от плохих воспоминаний.

— Хорошо, ничего необычного я не заметила, — пожала она плечами, отвечая на вопрос Воронцова, который он задал в самом начале. — Я тогда еще подумала: «Как хорошо, что все наконец-то налаживается и теперь у Богдана будет повод поговорить с отцом на счет англоязычного тиража его книг», — вздохнув произнесла женщина, ее губ коснулась грустная улыбка. — Вы не подумайте, что я меркантильная и даже сейчас думаю о деньгах, но... он умер так внезапно и я...я не знаю, что теперь делать.

— Мои соболезнования, — кивнула Вероника, аккуратно касаясь руки Елены, которые были сжаты в кулак.

— Во сколько Вы покинули дом и с кем? — спросил Воронцов, ему было не комфортно находиться рядом с плачущей скорбящей женщиной. Майору вообще было трудно проявить сочувствие — пол и профессия трактовали немного иные методы.

— Папа предлагал нам остаться на ночь, но Богдану нужно было рано утром на встречу, — задумавшись протянула женщина. — Я не уверена, — запнулась Елена, вспоминая примерное время их отъезда.

— Вы уехали сразу после того, как закончился ужин? — решил помочь ей Воронцов.

— Нет, — уверенно ответила Елена. — Мы с Алевтиной Дмитриевной и Софьей начали убирать со стола, а Богдан пошел попрощаться с отцом.

— Сколько примерно его не было? — спросил Олег.

— Где-то минут пятнадцать, может, двадцать, — пожала плечами женщина.

— В каком настроении он вернулся? Может, он был рассержен или наоборот обрадован чем-то? — спросила Вероника.

— Скорее первое, — кивнув ответила Елена. — Я тогда сразу поняла, что очередная попытка уговорить папу на сотрудничество с европейским рынком была неудачной, — печально вздохнула, снимая очки, и устало протерла переносицу. — Мы уже больше года пытаемся...пытались его уговорить, но он настолько любил свою страну, был истинным патриотом, что желал делиться своим творчеством только с русскоговорящим народом.

— Как отреагировал на эту новость Ваш муж? — спросил Воронцов, у которого в голове уже рисовалась некая картина.

— Богдан всегда хотел большего, он амбициозен, — протянула в ответ Елена, словно оправдывая мужа. — Но он бы никогда не пошел против желаний папы, тем более, право подписи все еще оставалось у него, хотя он уже двадцать лет, как отошел от дел и занимался только творчеством.

— Вы уехали сразу после возвращения Богдана Марковича? — спросила Вероника.

— Да, мы дождались Вадика, он был в туалете, и после сразу уехали, — кивнула Елена. — Единственное, что я помню — дома мы были около часа ночи.

— И последний вопрос, Елена Васильевна, — произнес Воронцов. — Скажите, Вы когда-нибудь раньше встречались с невестой Евгения, до вчерашнего ужина?

— Нет, — покачала головой женщина. Елена сразу напряглась, хоть и старалась не

показывать виду. Её руки были скрещены, что говорило о ее страхе и желании закрыться. Не ускользнуло и от профессионального взгляда Вероники и то, что женщина приподняла брови и сжала губы, а ее напряженный взгляд говорил о том, что Елена Толстых, без сомнения, врет. — Однажды папа обмолвился, что у Жени появилась девушка, она их, кстати, и помирила. Мы впервые встретились лишь вчера вечером, толком и не пообщались, — пожалала она плечами неуверенно улыбнувшись.

— Вам понравилась эта девушка? — спросила Вероника.

— Главное, чтобы Жене она нравилась, — усмехнулась она, увильнув от прямого ответа.

— Спасибо, — кивнул Воронцов. — Пока не уезжайте никуда из города, мы в любой момент можем вызвать Вас в отделение.

— Да куда мы теперь уедем, — фыркнула Елена, поднимаясь на ноги и поправляя юбку прямого платья цвета красного вина. — Впереди похороны и чтение завещания, — произнесла она напоследок и вышла из гостиной.

Как только женщина переступила порог комнаты, майор Воронцов, с недовольным выражением лица и бровями, сведенными к переносице, повернулся к сидящей рядом с ним Веронике. Девушка усмехнулась, уже предполагая, о чем пойдет речь. Такие мужчины, как Олег Воронцов, не привыкли, что женщина может быть равной им или, боже упаси, лучше. Кажется, Вероника Александровна задела нежное эго майора Воронцова.

— Вы не имеете право меня перебивать и влезать в допрос, — сквозь зубы произнес он.

— Вы слишком напористы, человек, испытывая моральное и психологическое давление, просто-напросто закроется и ничего дельного вы от него не услышите! — парировала Вероника.

— Мы не в детском саду, чтобы я нянчился с каждым, у кого тонкая душевная организация, — настаивал на своем Олег. Он не привык, чтобы ему указывали как себя вести, еще и какая-то психологиня, которая и дня не проработала в полиции.

— Люди скорбят, неужели Вы не можете проявить хоть каплю сочувствия! — пораженно воскликнула девушка. — Вы просто хам и сухарь!

— Я просто *делаю свою работу*, — с нажимом ответил Воронцов. — И делаю ее хорошо, поэтому, мне не нужны советы какого-то психолога-консультанта.

— Так значит? — уточнила Вероника Александровна, приподняв бровь.

— Именно так!

— Тогда посмотрим, как в следующий раз Вы справитесь без меня, — фыркнула она и расслабленно облокотилась на спинку дивана. Но это была лишь видимость, в глубине души женщины горел огонь ненависти к этому сухому и бесчувственному менту.

Через минуту в гостиную вошел младший сын покойного — Евгений Маркович Толстых.

Евгений Толстых был мужчиной в возрасте, около сорока лет приятной наружности. Его светло-русые прямые коротко стриженные волосы были уложены в небрежную модную прическу, а фамильные зеленые глаза излучали скорбь и усталость. Мужчина уже давно не был в семейном доме, он помнил, как мама любила вспоминать день его рождения, ведь именно в тот день отец купил этот участок. Богдан тоже обожал вспоминать, как ког-то здесь был всего лишь пустырь, но буквально через полтора года вырос целый особняк. Он любил брата, пусть они и были две полные противоположности друг другу: старше его на пятнадцать лет, Богдан всегда любил быть первым, стремился стать лучшим во всем: сыном, мужем, отцом и работником. Женю же всегда больше интересовала картина мира, которая была скрыта авторами книг, картин, музыкальных симфоний в своих произведениях, он всегда считал себя человеком высокого полета, полета души. И сколько бы лет не прошло, как сильно младший брат не старался стать похожим на старшего, пропасть между ними становилась все больше.

— Вчера вечером, по словам Елены Васильевны, Вы с невестой приехали в дом первыми, — проговорил Воронцов, смотря хмурым испытывающим взглядом на мужчину.

— Верно, — кивнул Евгений. — Мы с Соней добирались на электричке, а она ходит по определенным часам, — пожал он плечами.

— Вы помните примерное время своего приезда? — спросил Олег.

— Домой мы зашли ровно в шесть, я точно помню, так как в это время прозвонили часы с кукушкой в столовой, — спокойно ответил Евгений, выдерживая суровый взгляд майора.

Он не собирался врать, да и какой был смысл. Мужчина был глубоко уверен, что *«Всё тайное рано или поздно становится явным»*. Этому простому временному закону, их с братом учила мать, когда раскрывался их очередной проступок или они ябедничали друг на друга.

— Вы не заметили ничего странного в поведении отца, возможно он плохо себя чувствовал? — уточнил мужчина, бросив быстрый взгляд на красивую женщину, что сидела по левую руку от него. Евгений сразу ее заметил, как только вошел и ему не нужно было быть гением, чтобы понять, что этих двоих связывает нечто большее, чем просто работа.

— Папа был в прекрасном настроении, — грустно улыбнулся он, вспоминая тот вечер. — Он не переставал смеяться, вспоминая смешные случаи из жизни, строил планы на будущий год. Ему исполнилось всего восемьдесят, и он только начал писать новый роман!

— Как Вы думаете, у Вашего отца были враги?

— Мы поссорились несколько лет назад, поэтому я не могу знать наверняка, — задумавшись произнес мужчина. — Да и в то время отец уже около десяти лет, как не выходил из дома, посвятив себя творчеству. Они с мамой давно никуда не выезжали, да и папа отрицательно относился к поездкам в другие страны, хоть и был человеком аполитичным, — пожал плечами Евгений не зная, как еще он может помочь следствию.

— Давно Вы знакомы с Софьей? — спросил Воронцов, не став долго ходить вокруг да около. У майора была парочка предположений и одно из них он решил проверить прямо сейчас.

— Не понимаю какое отношение это имеет к смерти отца, — нахмурился Евгений.

— Мы должны рассмотреть все возможные варианты, — пожал плечами майор

Воронцов, не став заморачиваться с формулировкой. — Вы привели в дом чужого человека, поэтому логично, что первым и самым главным подозреваемым станет она.

— Соня не убийца! — взревел Евгений, словно рассерженное дикое животное и вскочил на ноги, смотря на Олега ненавистным взглядом.

— Это решать не Вам, а следствию, — все тем же холодным спокойным тоном, которым можно было довести до белого колена даже умершего, произнес майор. Мужчина смотрел на Евгения усталым взглядом ясных голубых глаз и не подавал виду, что внутри него все кипело от злости. Он ненавидел вспыльчивых людей, истеричек, которые не умеют держать свои чувства в узде, постоянно намереваясь доказать свою правоту лишь криками и кулаками, не удосуживаясь апеллировать фактами. — Сядьте! — с нажимом проговорил Воронцов.

— Прошу простить моего коллегу, — послышался приятный нежный женский голос. Евгений сразу же потерял весь интерес к майору и перевел взгляд на сидящую рядом с мужчиной Веронику. — Он все никак не научится правильно формулировать свои предположения, — улыбнулась она, вставая и пересаживаясь на диван к мужчине, продолжая удерживать его взгляд.

— Ничего страшного, — тихо проговорил мужчина, опускаясь на мягкую подушку дивана одновременно с девушкой.

— Понимаете, мы очень хотим найти причину смерти Марка Альбертовича и любая, даже самая незначительная информация, может нам помочь, — протянула Вероника, пытаясь спасти ситуацию. Она даже не смотрела в сторону майора, который сидел с недовольным лицом и не мог оторвать взгляд от красивого профиля своего психолога-консультанта.

— Мы с Соней познакомились три месяца назад, это была любовь с первого взгляда, — влюбленно произнес мужчина, впервые его глаза тронула улыбка, а не скорбь. — Несколько недель назад я сделал ей предложение!

— И вы так быстро решили жениться, — удивленно протянула Вероника.

— Соня удивительная, она стала моим *спасением*, — протянул Евгений, но девушке показалось на мгновение, будто он сам не верил в то, что говорит. Она еще не видела его невесту, но у нее уже прокрались в голову нехорошие подозрения.

— Елена, жена Вашего брата, обмолвилась, что именно Софья помирила Вас с отцом, — как бы невзначай протянула Вероника.

— Да! — кивнул мужчина. — Соня поставила мне условие, что пока я не помирюсь с семьей — она не выйдет за меня замуж. Правда она ангел?

— Безусловно, — улыбнулась женщина. — И все же, Марк Альбертович и Софья оставались наедине в тот вечер? — уточнила она.

— Не уверен, — нахмурился Евгений. — Во время ужина мне позвонили из галереи, где через неделю состоится моя выставка и я вышел на улицу. Возможно, они и вправду оставались наедине...

— Сколько по времени Вы говорили по телефону, хотя бы примерно? — спросил Воронцов.

— Где-то минут сорок, кто-то хотел заранее выкупить все мои картины, и мы с агентом решали, как правильнее поступить, — ответил мужчина, пожав плечами.

— Во сколько Вы уехали домой? — спросила Вероника.

— Мы ночевали здесь, в моей старой комнате.

— И Вы не слышали нечего подозрительного? — уточнил Воронцов, заинтересовавшись.

— Нет, только утром, когда пошел на кухню попить воды услышал, что мама наверху плачет. Дверь была открыта и...,- он запнулся. Мужчине не хотелось вспоминать утро, когда он увидел мертвого отца и мать, что на коленях сидела у кресла. — Мама сидела на полу возле него и плакала, это было ужасно, — произнес он и сморгнул одинокую слезу, которая покатилась по щеке, шея и скрылась в вороте шерстяного серого свитера.

— Мои соболезнования, — с искренним сочувствием произнесла Вероника.

— Благодарю, — кивнул мужчина. — Это все или вы что-то еще хотите узнать?

Вероника покачала головой, но Воронцов перевел на себя внимание Евгения, задав вопрос, о котором девушка даже и не подумала:

— Вы что-то знаете о завещании Марка Альбертовича? — спросил Олег, внимательно следя за реакцией мужчины.

Светлые брови Евгения удивленно подлетели к линии волос, а глаза округлились. Молодой мужчина был крайне удивлен, он никогда не слышал о завещании ни от матери, ни от отца, ни от кого-либо еще.

— Папа был не фанатом подобного рода деления наследства, — покачал головой мужчина. — Он вообще не думал о смерти, по крайней мере, я так думал.

— Спасибо за беседу, — кивнула Вероника и мужчина, улыбнувшись ей в ответ вышел из комнаты.

— Думаю, Вам стоит меня поблагодарить, майор, — усмехнулась Вероника Александровна, расслабленно облокотившись на спинку дивана.

— За что, за то, что Вы опять влезли в разговор и помешали допросу? — уточнил Воронцов и глазом не моргнув. Мужчина не собирался признавать свою неправоту, по крайней мере вслух.

Вероника не успела ответить что-нибудь едкое, в гостиную впорхнула молоденькая девушка в легком голубом платье в мелкий белый цветочек и пушистых тапочках.

Софья Нестерова была молодой девушкой, чья жизнь несколько назад месяцев сделала кульбит на сто восемьдесят градусов. Гуляя по парку со своей собакой, она наткнулась на мужчину, который сидел в нескольких метрах от тротуара, под старым дубом, и рисовал прохожих. Если бы ее неугомонный шпиц Лео не сорвался с поводка и не побежал в сторону незнакомого художника, Софья просто прошла бы мимо, на следующий день даже не вспомнив того мужчину. Но, как нам всем известно, на каждого из нас у судьбы свои планы, и порой мы не в силах препятствовать ей.

Сейчас, опустившись на мягкую подушку дивана из грязно-желтого дамаста напротив красивого молодого мужчины она улыбнулась. Соня никогда не была обделена вниманием со стороны противоположного пола, да и чего лукавить — девушка просто обожала быть в центре внимания. Последние несколько месяцев она только и делала, что сидела в своей однокомнатной съемной квартире в ожидании встречи с Женей, что, будем честными, не доставляло ей особого удовольствия.

— Софья, простите, не знаю Вашего отчества, — обратился к молодой девушке Воронцов, отсаживаясь чуть подальше. Вероника недовольно фыркнула, увидев вместе *ангела*, о котором с таким восхищением говорил Евгений, простушку, что так очевидно хотела привлечь к себе внимание красивого мужчины. Но она не стала отрицать тот факт, что будет огорчена, если майор так быстро клюнет на это.

— Для Вас можно просто Соня и на — ты, — улыбнулась девушка, похлопав своими «невинными» серыми глазами с длинными черными ресницами. Вероника ели сдержалась, чтобы не закатить глаза. Женщина сидела на соседнем диване и с любопытством наблюдала за набирающей обороты беседой.

— Софья, во сколько вчера вечером Вы с Евгением Марковичем приехали? — спросил майор, начав допрос и проигнорировав заигрывания девушки.

— Не помню, — протянула Софья в ответ, вздохнув. — Я плохо ориентируюсь во времени, — снова вздохнула она, опустив глаза на юбку платья. Уж слишком наигранным показалось Веронике поведение невесты Евгения, поэтому, она начала пристально следить за невербальными знаками Софьи.

— До или после ужина Вы оставались с Марком Альбертовичем наедине? И если да, то о чем был ваш разговор? — продолжал задавать вопросы Воронцов, немного удивленный тем, что Вероника Александровна все еще не влезла в его беседу с подозреваемой.

— Не-ет, не помню, чтобы мы оставались наедине, — протянула Софья, почесывая место над бровью, инстинктивно прикрывая лицо руками.

— Хорошо, может, Вы заметили что-нибудь необычное во время ужина? Кто-нибудь ссорился, — предположил Воронцов, не отрывая взгляд от девушки, которая заметно начинала нервничать, хоть и пыталась спрятать свое состояние за широкой улыбкой.

— Ну-у, у всех членов семьи были весьма натянутые отношения, — вздохнула Софья, начав теревать край платья. — Женя рассказывал, что его брат всегда хотел занять место отца и его жена Елена ему в этом потакала...

— Вы сейчас хотите сказать, что подозреваете в убийстве Марка Альбертовича Богдана Марковича и его жену Елену? Я правильно Вас понял? — спросил Воронцов нахмурившись. — Вы должны понимать, Софья, что для этого у Вас должны быть весомые доказательства.

— Да, я понимаю, — кивнула девушка, посмотрев Олегу прямо в глаза.

— Они у Вас есть? — спросил мужчина, приподняв бровь.

— Я...я слышала, как Богдан ругался с Марком Альбертовичем в тот вечер, в своем кабинете, — тихо проговорила девушка, двигаясь ближе к майору.

— Что конкретно Вы слышали? — нахмурившись спросил Олег.

— Они спорили о чем-то, точно не уверена, — покачала головой девушка, хмурясь. — Разговор шел о новом романе, который Марк Альбертович не хотел печатать. Помню еще, как Богдан настаивал на издании романа за границей, чем очень разозлил отца. Я слышала, как что-то разбилось, — пожала плечами девушка. Воронцов нахмурился — он был в кабинете и не заметил осколков, велика вероятность, что их кто-то убрал, но он не заметил в доме никого, кроме членов семьи.

— Хорошо, Софья, — кивнул Воронцов. — А Вы случайно не знаете, в доме жил кто-то кроме Алевтины Дмитриевны и Марка Альбертовича?

— Когда мы приехали вчера вечером, то столкнулись у ворот с незнакомой женщиной, Женя ее не узнал, — ответила Софья.

— Когда в последний раз Вы видели Марка Альбертовича живым? — спросил Воронцов, задавая один из последних интересующих его вопросов. Беседа оказалась не настолько занимательной, насколько он планировал, но кое-что новое для себя он все-таки выяснил.

— Перед тем как пойти спать. Мы с Женей пожелали его родителем добрых снов и поднялись в комнату и до самого утра не выходили оттуда, — пожалала она плечами, позволив себе легкую улыбку. — Мы с Женей крепко спим.

— Как Вы узнали о смерти Марка Альбертовича? — спросил майор, бросая быстрый взгляд на задумчивую Веронику Александровну, что все это время, на протяжении которого продолжался допрос, не сводила с девушки взгляда своих зеленых кошачьих глаз.

— Я проснулась, спустилась вниз, а в гостиной уже собралась почти вся семья. Женя обнял меня и рассказал о смерти отца, — печально вздохнула девушка, пытаясь сморгнуть слезы, хотя ее глаза были абсолютно сухие. — Через несколько часов приехал молодой мужчина и пошел осматривать тело, за ним Вы. Это все, что я могу Вам рассказать, — развела руками Софья.

Вероника нахмурилась, ей с самого начала показалось странным поведение девушки, вроде бы в нем не было ничего из ряда вон выходящего, но все-таки что-то заставила ее приглядеться к Софье получше. И вот первая нестыковка, если, по словам Евгения, он проснулся рано утром и обнаружил плачущую мать, то почему девушка узнала о смерти будущего свекра только спустя несколько часов. Конечно, можно было бы списать такой длинный промежуток на заботу Евгения о здоровом сне своей возлюбленной, но повод был слишком веским.

— Спасибо, Софья, — кивнул майор. — Вы можете идти.

Девушка улыбнулась Воронцову и встав на ноги легкой походкой вышла из гостиной, оставив майора и Веронику Александровну наедине. Олег выжидающе посмотрел на женщину, но та лишь молча уставилась на него в ответ. Молчание угнетало, да и больше никто не торопился самолично прийти на допрос.

— Мне кажется она врет, — заговорил первым Воронцов, смотря в кошачьи глаза Вероники Александровны.

— Вы ей понравились, майор, — усмехнувшись ответила женщина и, сделав многозначительную паузу, продолжила. — И, как психолог и, как женщина с уверенностью могу сказать, что это единственные искренние ее эмоции, которые она испытала за время допроса!

— В который раз убеждаюсь, Вероника Александровна, что Вы замечаете отнюдь не то, что нужно, — недовольно проговорил майор, поднимаясь на ноги, намереваясь пересечь на диван к женщине. Вероника в ответ лишь фыркнула и в ту же секунду мимо гостиной по коридору промчался Богдан Маркович.

— Я больше не намерен ни минуты здесь оставаться! — рявкнул он. Следом за ним шла недовольная Елена и медленно плелся мальчик-подросток, который не отрывал взгляда от экрана телефона.

— Богдан, я прошу тебя, успокойся! — воскликнула Елена Васильевна, но ее голос с каждой минутой становился все тише.

— Ты слышала, что он сказал? Как он вообще мог обвинить меня в смерти отца! Я...я всё делал ради благополучия этой семьи, пока от малевал никому ненужные картинки! — кричал мужчина, но этот монолог предназначался явно не жене.

Вероника и Олег вышли в коридор и с интересом наблюдали за тем, как Богдан безуспешно пытается отобрать у жены пальто и зонт, хоть и делал это мужчина, сказать по правде, очень вяло. Он больше был озабочен количеством зрителей, которые вышли

посмотреть на его игру. Вероника, стоящая рядом с Воронцовым, усмехнулась, поняв, для чего Богдан Маркович все это делает. У нее было два варианта — либо мужчина где-то прокололся, и младший брат смог зацепиться за больное место *лучшего* сына, либо у Богдана просто начали сдавать нервы, и он хотел как можно быстрее оказаться дома и *переждать* следствие подальше отсюда. Ведь, насколько Вероника успела понять, Евгения не интересуют права на романы отца и типография, а вот семью старшего сына, отнюдь, интересуется лишь это.

— Ну и как мне остановить этот спектакль? — тихо спросил Воронцов, смотря на машущего руками Богдана Марковича и летящие во все стороны брызги слюней из его рта.

— Если Вы позволите...,- усмехнувшись протянула Вероника, бросая на майора лукавый взгляд.

— Ну попробуйте, Вероника Александровна, — пожал он плечами, показательно делая шаг назад, отдавая управление в ее руки.

Богдан Толстых был преуспевающим бизнесменом и семьянином. По крайней мере мужчина считал себя именно таковым. Уже более десяти лет он стоит во главе типографии, которую в начале восьмидесятых основал его отец. Дела не всегда шли так хорошо, когда-то у его семьи не было огромного особняка, приличного счета в банке и стабильного дохода от типографии. Богдан помнил времена, когда они жили в маленькой однокомнатной квартирке на окраине города и ели каждый день картошку. Счастливыми были дни, когда с картошкой подавалось мясо или кусок обжаренной колбасы. Они жили бедно — мать днем работала в магазине кассиром, а вечером мыла в том же магазине полы, пока отец отдавал себя творчеству. Мать, наверное, единственная, кто верил в его успех.

Прошло почти сорок лет с того момента, как они переехали в этот дом, тогда Богдану только исполнилось восемнадцать, и он поступил в Московский государственный институт, самое престижное образовательное учреждение в стране. Тогда ему казалось, что их с родителями прекрасная, безбедная и счастливая жизнь только начинается. Богдан оказался прав — карьера отца пошла в гору, мать ушла с унижительной работы и занялась воспитанием Жени, а Богдан посвятил себя науке, тогда он всерьез задумывался о докторской. Но жизнь не всегда складывается так, как нам бы того хотелось...

— Ты слышала, что он сказал? Как он вообще мог обвинить меня в смерти отца! Я... Я всё делал ради благополучия этой семьи, пока он малевал никому ненужные картины! — кричал Богдан, надеясь вызвать хоть толику раскаяния у брата, что находился сейчас с невестой в малой гостиной.

Рядом с ним стояла Лена, пытаясь успокоить его и сгладить конфликт, но мужчина был не в том настроении. Ему надоело вечно защищать младшего брата, кидаясь грудью на амбразуру, лишь бы бедный Женечка наслаждался жизнью, рисовал свои картинки и ни о чем не думал. Именно так, все сорок один год, после рождения брата, он и поступал — жертвовал своими интересами. Сначала не пошел в аспирантуру и начал работать с отцом, пока маленький Женечка ходил в школу и в художественную школу, кто-то ведь должен кормить семью. Потом, когда младшему брату взбрело в голову не поступать после школы в институт, а поехать путешествовать по стране. Родители поддержали Евгения, пока Богдан *обязан* был жениться, потому что, как сказал его отец *«время пришло»*. Тогда старший Толстых уже встретил Лену, которая работала в бухгалтерии типографии и, решив не затягивать, сделал ей предложение. Конечно, он не любил ее, Богдан даже не уверен, что она хоть немного нравилась ему, просто он знал, что это *правильное решение*. Так было всю его дальнейшую жизнь, пока он принимал *правильные решения* в угоду окружающим, Женя жил своей свободной, не обремененной ответственностью и обязательствами жизнью. Но больше он не намерен с этим мириться!

— Ты не имеешь права заявляться спустя годы и предъявлять мне претензии, ясно! Ты ничего, ни-че-го не сделал ради отца, матери или типографии, живя в свое удовольствие! — кричал Богдан, размахивая руками. — Неблагодарный щенок!

— Прости, я совсем забыл, что идеальный сын не терпит, когда ему указывают на его ошибки, — усмехнувшись ответил младший брат, выходя в коридор с высоко поднятой головой. В его зеленых глазах не было ни капли сожаления — лишь злость.

— Богдан, я прошу тебя...,- прошептала Лена, но мужчина отмахнулся от жены и

размашистым шагом направился к брату.

— Ошибки? — уточнил Богдан и засмеялся, будто услышал что-то поистине смешное. — Тебе ли, неблагодарный нахлебник, указывать мне на мои ошибки, — выплюнул он со злостью.

— Я не буду опускаться до твоего уровня, переходя на оскорбления, — протянул Евгений, складывая на груди руки. За его спиной, выйдя из комнаты, появилась Софья, что нервным взглядом оглядела всех присутствующих. Ей было некомфортно находиться в этом доме, в этой семье. — Просто предупрежу, что когда огласят завещание — то все, оставленное мне отцом, будет отдано на благотворительность. Включая акции типографии и его романы!

— Ты не посмеешь, — прорычал Богдан, готовый броситься на брата.

— Прошу прощения, что отвлекаю! — воскликнула еще незнакомая ему красивая молодая женщина, втиснувшись между мужчинами. — Богдан Маркович, сожалею, что отвлекаю Вас от разговора с братом, но мне срочно нужно с Вами поговорить, — прошептала она, чтобы слышал лишь он.

— Я...я...

Богдан не сразу смог сообразить, что происходит. В коридоре стало непривычно тихо и все смотрели лишь на них. Светловолосая женщина, взяв его под руку, наклонилась к его уху и прошептала:

— Есть укромное место, где мы можем поговорить? — спросила она, ведя его в противоположную от младшего брата сторону.

— Веранда? — предложил мужчина и, дождавшись кивка, повел женщину через просторную столовую с длинным овальным столом из красного дерева и небольшую кухню, где его мать любила экспериментировать с готовкой национальных блюд разных народов России, когда позволяло здоровье и время, на крытую веранду, откуда открывался прекрасный вид на задний двор, усыпанный опадающей с деревьев листвой.

На веранде было тепло, пару лет назад Лена лично занялась ремонтом этой части дома и не только застеклила веранду, но и постелила пол с подогревом. Богдан включил фонари, большие плетеные шары, которые висели под потолком и, пройдя вглубь прямоугольной длинной комнаты, сел в мягкое плетеное кресло с подушками. Он не мог наглядеться на незнакомую ему молодую женщину, чей кошачий взгляд, не лишённый интеллекта, завораживал. С мужчиной редко такое бывало, возможно, потому что он редко встречал умных женщин, которые могли стать для него интересным собеседником.

— Я прошу прощения за ту сцену, свидетелем которой Вы стали, — с сожалением произнес он, не отрывая взгляда. Она медленным шагом подошла к стеклянному блоку и, смотря на голубое небо, ответила ему:

— Думаю, извиняться Вам нужно не передо мной, — мерно проговорила она, ее губ коснулась легкая улыбка. — У Вас прекрасный дом, — заметила молодая женщина, повернувшись. — Зимой здесь, наверное, безумно красиво.

— Большую часть времени я живу в Москве, — пожал Богдан плечами, не став заострять внимание на том, что дом пока ему не принадлежит.

— Мне жаль, что Вы поссорились с братом, — вздохнув проговорила темноволосая незнакомка, присаживаясь напротив мужчины в идентичное его кресло.

— Мой брат не умеет быть благодарным, — с сожалением произнес Богдан, пытаясь встретиться с женщиной взглядом, но та, словно нарочно, смотрела куда угодно, только не

ему в глаза.

— Это не мое дело, — покачала головой она, лишь на секунду бросив на мужчину любопытный взгляд.

Богдану захотелось поделиться с ней, открыться, рассказать о чувствах, что гложут его уже долгие годы. Еще ни с одной женщиной ему не было так спокойно, даже с той, что, казалось бы, стало его спасением в последний год. Все эти годы мужчина мучил себя, выбирая между чувствами и разумом то, что было лучше для его семьи. Ему казалось, что он несет на своих плечах весь мир, пусть это было и не так. Сейчас, наконец-то поймав взгляд зеленых кошачьих глаз и увидев в них свое отражение...он вспомнил. Мужчина вспомнил вечер, что разделил его жизнь на «до» и «после».

Богдан почти не пил в тот вечер, но все равно все произошедшее помнил смутно.

Вот он говорит тост, поздравляя отца с юбилеем, по левую руку от него стоит Лена и ему просто невыносимо ее присутствие рядом. Снова фрагмент из воспоминаний — мужчина быстро поднимается по лестнице намереваясь поговорить с отцом. В кабинете, как и всегда, потрескивают дрова в камине, а отец, достает из серванта стакан для виски. Он улыбается и Богдана переполняет уверенность в том, что сегодня он сможет наконец-то сказать правду...

— Отец, мы можем поговорить? — спрашивает Богдан, стоя в дверях.

— Конечно, сын, — кивает Марк Толстых, беря в руки второй стакан. — Составишь мне компанию? — спрашивает, садясь в свое любимое кресло у камина.

Снова пробел в воспоминаниях. Богдана берет дрожь, когда он думает о моментах, что не отпечатались в его памяти. Что могло произойти? Что Богдан сказал отцу? Почему он почти ничего не помнит? В его голове было сотни вопросов, на которые он, к сожалению, не мог ответить даже себе.

— Этот роман, он о... о нас? — с негодованием спросил Богдан, вглядываясь в напечатанные строчки. — Ты хочешь выставить нашу семью на посмешище! — восклицает он, сжимая в руке стакан с виски.

— Это всего-то мои мемуары, последнее, что я напишу в этой жизни, — пожимает плечами Марк Альбертович, устало вздыхая. — Но не волнуйся, я не стану печатать их, это сделаешь ты, — тепло улыбнулся он, смотря на сына.

— Я никогда этого не сделаю! — в сердцах воскликнул Богдан с громким стуком опуская стакан на лакированную столешницу стола. — Я сожгу твои мемуары, сожгу этот чертов дом, но не позволю унижить эту семью, МОЮ семью!

Отец лишь усмехнулся, он смотрел на меня, как на несмышлёного мальчишку, что живет в мире, где я — главный герой. Герой, призванный спасти всех, но не способный спасти себя. Разве не комичен тот факт моей жизни, что я стремлюсь построить идеальную жизнь, в которой нет места для меня самого.

— И это говорит тот, кто хочет разрушить СВОЮ семью? — спросил Марк Альбертович, но его вопрос не требовал ответа. Богдан округлил глаза, он и помыслить не мог, что его древний отец, живущий так далеко от города и отвергающий все блага нового современного мира, способен узнать о его...интрижке? Нет, было бы предательством назвать так испытываемое им чувство любви к женщине.

— Богдан, Богдан? — позвала его женщина, с любопытством взирая на него своими кошачьими глазами.

— Прощу прощения, кажется, я попал в омут собственных мыслей, — усмехнулся,

пытаясь вернуть себе самообладание.

Она улыбнулась, тепло и по-доброму, заставив его напрячься. Богдану казалось, будто это женщина могла прочесть его мысли, знала, о чем он думает и чего опасается.

«Но, разве это возможно?» — спрашивал себя мысленно, успокаивая тем фактом, что перед ним просто красивая женщина. Всего-то...

— Вы вспоминали тот вечер, не так ли? — спросила она, на этот раз не отрывая от него взгляда. — Что такого вы могли вспомнить, что смогло заставить Вас врасплох?

— Как Вас зовут? — спросил мужчина, снимая очки и кладя их на маленький плетеный столик со стеклянной столешницей.

— Мои имя не поможет Вам ответить на вопрос, — пожала плечами женщина, снова улыбнувшись. — Думаю, оно лишь помешает. Знаете, гораздо легче открыться незнакомому человеку, чем тому, кого ты знаешь годами.

— Почему? — спросил он, хмурясь. Ему и вправду было интересно, ее голос будто гипнотизировал, заставляя раскрыть все тайны и секреты, что таятся в глубине души.

— Незнакомец не осудит, — пожала она плечами. — Да и если так, разве Вам важно мнение совершенно постороннего человека, которого Вы больше никогда не увидите, а может, даже и не вспомните? — задала риторический вопрос женщина, положив ногу на ногу и облокотившись на спинку кресла. — Я готова стать Вашим слушателем.

— Вероятность того, что мы с Вами еще встретимся, не обнадеживающе велика, — усмехнувшись заметил мужчина.

— Я не привыкла осуждать, — пожала она плечами.

Богдан задумался. Готов ли он рассказать незнакомой женщине, чьего имени он даже не знает то, о чем боялся говорить вслух долгие годы. Мужчина на протяжении долгих лет жил в клетке, дверка которой была распахнута настежь, но добровольно выпорхнуть из нее Богдан так и не решился. Возможно сейчас, после смерти отца, он наконец-то сможет выбрать *себя*, при этом не отказываясь от своей семьи.

— Вы когда-нибудь чувствовали себя обязанной кому-то? Чувствовали, что принимаемые Вами решения просто обязаны быть правильными? — спросил Богдан, смотря женщине прямо в глаза.

Она не стала говорить, лишь просто покачала головой, смотря на него в ответ. Мужчина не видел в ее глазах ни жалости, ни осуждения, лишь поддержку и это стало решающим. Ведь на протяжении многих лет он боялся сказать правду.

— Почти всю свою жизнь я чувствовал себя обязанным, искренне верил, что от принятых мной решений зависит будущее этой семьи, — проговорил Богдан, усмехаясь, будто смеясь над собственной нелепой жизнью. — Мне пятьдесят шесть лет, только вдумайтесь, *пятьдесят шесть*, а я и дня в этой жизни не прожил так, как мне бы этого хотелось!

— И Вы вините своего отца в этом? — спросила его женщина.

— Не только, — покачал он головой. — Безусловно, отец был для меня идиолом, я любил его, всю жизнь стараясь найти одобрение в грозном взгляде зеленых глазах. А когда находил, делал все возможное, чтобы увидеть его еще раз!

— Получается, своей жизнью Вы обязаны отцу? — уточнила она, но Богдан лишь рассмеялся в ответ.

— Да, этим жалким подобием счастливой полноценной жизни я обязан ему, — кивнул

он. — Сначала работа на его фирме, потом брак с Леной, место директора...,- перечислял Богдан.

— Но Вы все равно не были довольны своей жизнью...

— Когда каждый день встаешь в шесть утра, чтобы пойти на нелюбимую работу и ложишься вечером в кровать с нелюбимой женщиной — твоя жизнь отвратна и довольным ею может быть только идиот!

Женщина, сидящая напротив него, лишь пожала плечами и усмехнулась. Богдан начал злиться, он изливает ей душу, а она насмехается над ним! И в этот момент, неожиданно для самого себя, он почувствовал себя капризным ребенком, которому не дали конфетку, а он начал кричать и топтать ногами. Но почему, почему ему так важно, чтобы эта посторонняя женщина поняла его, прониклась его историй. Богдану необходимо было получить ее одобрение...

— Вы никогда не задумывались, Богдан, что ни Ваш отец, ни Ваш брат и даже ни Ваша жена, которую Вы не любите, не виноваты в том, что Вы несчастны? — спросила она, сузив свои кошачьи глаза. Богдан нахмурился, он не мог понять к чему клонит эта женщина, о чем хочет попросить его задуматься. — Ваша потребность в одобрении, вот ключ проблемы, о которой Вы так много говорите, — пожала плечами незнакомка, поджав губы.

— Хотите сказать, что это *Я* виноват в том, что так и не смог стать счастливым? — нахмурившись спросил он, выпрямив спину. Он не мог принять, что все эти годы винил в своем несчастье кого-то другого, когда сам был истинной причиной. — Но...но разве я мог отказаться от своей семьи?

— Вам не нужно отказываться от своей семьи, Вам просто было нужно выбрать *себя* и свои потребности, — пожала плечами женщина, поднимаясь на ноги.

— Куда Вы!?! — озадаченно спросил Богдан, ему хотелось продолжить разговор. Он был уверен, что именно она та, кто поможет разобраться ему в том клубке, в котором, как оказалось, он сам себя и запутал.

— Думаю, Вам стоит разобраться в том, *чего* Вы на самом деле хотите и в том, *что* мешает Вам жить той жизнью, о которой мечтаете, — ответила женщина, идя к двери, что вела на кухню.

— Мы сможем еще встретиться с Вами, чтобы поговорить? — спросил Богдан.

— Обязательно, — улыбнувшись кивнула женщина. — Но Вы должны понять, что *исправить* Вашу жизнь можете лишь Вы сами. Поверите в себя, и в то, что Вам не нужны чье-то одобрение, тогда сможете быть счастливым!

— Мне больше не у кого его просить, — прошептал мужчина в ответ, но шатенки с кошачьим взглядом уже не было на веранде.

Богдану и вправду больше не у кого было просить одобрения, он больше никогда не сможет увидеть его в зеленых глазах со светлыми редкими ресницами. На морщинистом лице больше не появится улыбка при виде него, а слабые руки больше никогда не смогут обнять. Почему-то только сейчас мужчина по-настоящему смог осознать, что его отца больше нет, теперь ему придется найти новый смысл жизни. Разница лишь в том, что в этот раз он сделает, пожалуй, последний в своей жизни *правильный выбор*, который позволит ему стать счастливым.

Глава 8

Вероника вышла из кухни в просторную столовую и удивленно приподняла бровь, увидев майора Воронцова, что все это время ждал их с Богданом, оседлав один из стульев. Мужчина не поменял ни позу, ни выражение лица при виде нее, он все еще был серьезен и собран. Она поймала себя на мысли, что работа с майором давалась ей не так легко, как она ожидала в самом начале. Обычно мужчин пугала ее бешенная сильная энергия, Вероника не привыкла останавливаться и всегда следовала своим желанием. Воронцов же был полной ее противоположностью — серьезный мужчина с кучей тайн, закрытый человек, который не пускал в свою личную жизнь никого. Его личные границы были настолько узки, что, казалось, любая отвлеченная тема, не касающаяся работы, могла вывести его из себя или заставит закрыться еще больше. По правде, он напоминал девушке одно растение — «мимоза стыдливая», чьи листья свертываются при прикосновении к ним. Вот только майор, пожалуй, выпускает свои колючки.

— Долго ждете? — поинтересовалась Вероника, подходя ближе. Мужчина все еще сидел на стуле, уперевшись подбородком о ладони, которыми он обхватил спинку стула.

— Недолго, — пожал он плечами, все еще смотря на нее своими голубыми глазами. — Что Вам удалось узнать? Подробности того вечера? — задал вопросы майор, оставаясь сидеть все в той же позе.

— Возможно, но я не вправе говорить об этом с Вами, — пожала плечами в ответ Вероника, заправляя за ухо прядь карамельных волос.

— Это Вы сейчас так не смешно пошутили? — уточнил Воронцов с сомнением приподняв светлую бровь.

— Уверена, что как служителю закона Вам, майор, известно о статье тринадцать в Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», — совершенно серьезно произнесла женщина, сложив на груди руки.

— Врачебная тайна, Вы сейчас серьезно это говорите, Вероника Александровна? — с сомнением уточнил Воронцов, поднимаясь на ноги и поправляя темно — синее пальто.

— Я рада, что Вам известен подобным термин и Вы, как я думаю, осведомлены о правилах получения от меня подробностей разговора с моим клиентом, — улыбнулась она, разведя руками. Вероника не стала бы отрицать, если бы ее конечно спросили, что выводить из себя майора Воронцова ей доставляет особое сатаническое удовольствие. Но, как бы ей не хотелось, она и вправду не могла рассказать подробности их с Богданом Марковичем разговора, Вероника все-таки была врачом, пусть и лечила не тело, а душу.

— Добровольное письменное согласие пациента, — сквозь зубы проговорил Воронцов.

— Верно, — улыбнулась она, подходя ближе к мужчине. — И, если Вы, конечно, не против, майор, я бы поехала домой. Моя здесь работа, как я понимаю, окончена? — уточнила девушка, чуть приподняв голову, чтобы посмотреть Воронцову прямо в глаза.

— Против, — тихо произнес мужчина, наклоняясь чуть ближе к ее лицу.

Она затаила дыхание, смотря в его голубые глаза и не могла отвести взгляд. Майор словно загипнотизировал ее, но через считанные секунды чары рассеялись, когда мужчина снова открыл свой рот и протянул:

— Остался еще один свидетель, — проговорил Воронцов выпрямившись и, развернувшись на сто восемьдесят градусов, пошел к выходу из дома. Вероника поспешила за

ним, звук ее каблуков заглушал толстый ковер с коротким ворсом. Ковры в этом доме были повсюду и возвращали девушку в воспоминание о детстве. Лето у бабушки, вишневые деревья с красно-бордовыми ягодами, которые росли в саду, деревянные качели, что специально для нее смастерил Полковник и *ковры*... Бабушка Люда просто обожала ковры, которые висели у нее даже на стенах. Наверное, она так отдавала дань почтения распавшемуся Советскому союзу.

— Куда Вы идете? — спросила Вероника, когда Воронцов открыл входную дверь и в дом проник поток холодного осеннего воздуха, заставив девушку поежиться от холода.

— На улицу, — пожал плечами ответил майор, стоя в коридоре и держа дверь открытой. — Вы идете? — усмехнувшись спросил он, словно издеваясь.

Как назло, именно сегодня в машине Вероники не лежало легкое пальто или пиджак, она оставила его дома. Девушка даже и помыслить не могла, что вместо теплой уютной гостиной ей придется гулять по огромной площади особняка под порывами холодного ветра.

— Могли бы просто сказать, что не справитесь без меня, — ответила она майору, гордо приподняв подбородок и вышла на улицу. Тонкий шифон блузки совсем не грел, но сдаваться так просто она не собиралась. — Нам обязательно вести допрос на улице? — уточнила Вероника, оборачиваясь к Воронцову.

— Свежий воздух полезен для здоровья, да и погода сегодня отличная, — пожал он плечами, сбегая по ступенькам вниз. — Только ветер слегка холодный, Вам так не кажется? — словно насмехаясь спросил Олег, стоя у подножия лестницы и смотря на продрогшую девушку.

— Ни сколечко, — сквозь зубы протянула Вероника, медленно спускаясь по лестнице из белого камня. — Показывайте куда идти.

Воронцов пожал плечами и пошел по дорожке, выложенной бежевой квадратной плиткой, в обход дома, туда, где он увидел в окне столовой высокую светловолосую женщину в белом пальто. Она все еще гуляла в саду меж деревьями и, казалось, специально пряталась от полиции. Олег пару раз обернулся, чтобы убедиться, что Вероника Александровна идет за ним. Так и было, девушка шла за Воронцовым, стуча своими каблуками по каменной плитке, ее карамельного цвета волосы отбрасывал за спину ветер, а сама она продрогло от холода. Мужчина не сомневался — еще пару минут и она сдастся, попросит его вернуться в теплый дом, но до тех пор он и слово не скажет, желая проучить высокомерную психологиню.

— Кто эта женщина? — озадаченно спросила Вероника, останавливаясь рядом с майором. Дальше дорожка заканчивалась и начинался газон, сейчас больше напоминающий огромный участок чернозема вперемешку с песком и травой.

— Сводная сестра Марка Альбертовича по отцу, — пожал плечами в ответ Олег Воронцов и шагнул прямо в грязь. Еще пару дней назад здесь прошли сильные дожди, поэтому грязи здесь было по колени. Но это не смутило мужчину, и он пошел дальше, стараясь выбирать места, где не так много жидкой грязи.

— Вы что, издеваетесь? Я не собираюсь наступать сюда! — воскликнула Вероника, начиная злиться.

— Тогда сделайте мне подарок на все ближайшие праздники — напишите заявление на увольнение! — крикнул в ответ Воронцов, продолжая идти.

— Еще чего, — фыркнула девушка, не собираясь сдаваться так легко и, подумав

немного, сбросила свои любимые небесно-голубые туфли и, закатав белоснежные штанины по колено, босыми ногами аккуратно наступила на грязь. — Ты будешь купаться в этой грязи, майор, — пообещала она сама себя и продолжила путь, как ни в чем не бывало.

Олег, увидев это, остановился и, удивленно уставившись на девушку, думал, не переборщил ли он с воспитательными мерами. Воронцов был поражен ее упорством или же сумасшествием и представить себе боялся, что его ждет дальше. А ведь он был уверен на миллион процентов, что ответочка не заставит себя долго ждать.

— Мы идем или Вы так и будете стоять и глазеть на меня? — усмехнулась Вероника, останавливаясь перед майором, ее ноги уже по щиколотку были в грязи.

— Принимаете грязевые ванны, Вероника Александровна? — спросил мужчина, хоть в его глазах и читалось сожаление. Но это, решила девушка, его все равно не спасет.

— Люблю быть на «ты» с природой, — едко ответила она, проходя мимо. Женщина в белом пальто, заметив их, остановилась под одной из яблонь и с любопытством наблюдала за парочкой. Таких безбашенных идиотов она давно не встречала, хоть и не могла похвастаться насыщенной событиями жизнью.

— Возьмите хотя бы пальто, — не предлагал, просил мужчина.

— Обойдусь, — хмыкнула Вероника и, откинув назад карамельного цвета волосы, продолжила свой путь. Воронцов быстро догнал ее и теперь они шли плечом к плечу.

Не лишенная красоты взрослая женщина, стоявшая под яблоней, чьи плоды только начали созревать, поглаживала кончиками пальцев с ярко красным маникюром кашемировый шарф в черно-белую клетку. Она растянула пухлые губы, покрашенные алой матовой помадой в усмешке, и приветственно кивнула, как только сумасшедшая парочка подошла к ней.

— Так сильно встретиться со мной еще никто не хотел, — заметила она, кивая на испачканные в грязи ноги Вероники.

— Вероника Александровна просто очень целеустремленная женщина, — ответил Воронцов, но еще одна представительница рода Толстых лишь громко рассмеялась.

— Возможно Вы и правы, молодой человек, но этим поступком она просто хотела поставить Вас на место, — пожалала она плечами и подмигнула девушке. — И, кажется, у нее это получилось!

— Кхм, — кашлянул Воронцов, снимая свое пальто. — Нам бы хотелось поговорить с Вами о вчерашнем вечере, — проговорил мужчина, набрасывая на плечи Вероники свое темно-синее пальто.

— Конечно, но сначала, думаю, нам стоит вернуться в дом, — кивнула женщина, срывая несколько краснобоких яблок. — Веронике Александровне стоит принять душ, а Вам, молодой человек, заварить ей чай.

В доме наверняка было теплее, нежели на улице, но Вероника остановилась у подножия лестницы, держа в руках туфли. Ей не хотелось заходить внутрь в подобном виде. И нет, дело даже не в том, что о ней подумают новые коллеги и родственники умершего, девушке не хотелось доставить неприятности и испачкать хотя бы сантиметр чистых полов, большинство из которых были покрыты коврами.

— Вы не хотите зайти внутрь? — обернувшись поинтересовалась светловолосая женщина, остановившись на середине белокаменной лестницы. Воронцов предпочел остаться рядом с Вероникой и смотрел куда-угодно, но только не на нее.

— Не хочется портить ковры, — усмехнувшись ответила девушка, рассмешив своим ответом сестру Марка Альбертовича. На ней были высокие резиновые сапоги на тракторной желтой подошве, которая вся была вымазана в грязи. Обувь совершенно не подходила ее классическому пальто белого цвета, но женщину это не волновало, как и большие следы от грязных подошв, которые она оставляла после себя на белоснежных ступенях лестницы.

— Вы очень милая, Вероника Александровна, — протянула женщина, улыбаясь. — Не переживайте об этом, в конце концов можно купить новый ковер, — пожала она плечами и продолжила свой подъем, больше не останавливаясь.

— Может, Вы попросите кого-нибудь вынести мне хотя бы полотенце? — уточнила Вероника, а потом вскрикнула от неожиданности. — Что... что Вы творите! — воскликнула девушка, оказавшись на руках у майора, которому надоело стоять в одной рубашке под холодными порывами ветра. Мужчина, подхватив психологиню на руки, и понес в дом. — Сейчас же поставьте меня на землю!

— Как только донесу Вас до ванной комнаты, — ответил майор и даже глазом не повел, когда заносил девушку в дом. Сестра Марка Альбертовича любезно придержала дверь паре, кинув на Воронцова заинтересованный взгляд, хоть до последнего старалась скрыть свою настороженность.

— Гостевая ванная прямо по коридору, налево и до конца, — крикнула вслед майору женщина, улыбаясь, пока мужчина не скрылся за поворотом.

В коридор поспешно вышла Софья, которая все это время наблюдала за Воронцовым из окна, как только он покинул дом. За ним хвостом вечно таскалась эта стервозная особа, смотрящая на нее с высока. Девушка подошла к тёте своего жениха и, попытавшись растянуть губы в приветливой улыбке, спросила:

— Они Вас тоже допрашивали, Маргарита Альбертовна?

— Мы еще не успели поговорить, — ответила женщина без особого энтузиазма, снимая свое белоснежное пальто и кашемировый шарф.

Резиновые сапоги Маргарита сняла и отставила в сторону, сменив их на замшевые батальоны с десятисантиметровой шпилькой и декоративным металлическим замком спереди. Женщина осталась лишь в простом черном платье прямого кроя чуть ниже колен, которое украшала брошь из белого золота в виде пиона. В центре которого переливался красный пироп.

— Вероника Александровна простыла, было бы правильно с нашей стороны предложить ей чашку горячего чая, — протянула она, отдавая в руки Сони верхнюю одежду. — Попроси Женю тебе помочь, — распорядилась, проходя в большую гостиную. Она заняла место у окна и, вздохнув, растянула губы в довольной улыбке.

Мужчина нес застывшую в его руках Веронику Александровну по коридору и не понимал почему вообще это делает. Сказать по правде, Олег еще ни одну женщину не носил на руках и сейчас понял почему. Все женщины — эгоистки, ищущие мужчину лишь для того, чтобы те выполняли все их прихоти. Вот и сейчас, смотря на недовольное выражение лица Вероники, которую он нес в ванную, сведённые к переносице светлые брови и поджатые губы, ему прямо здесь и сейчас хотелось разжать руки и отправить ее в незабываемый, только, короткий полет...вниз.

— Откройте дверь, — попросил он, останавливаясь перед дверью, как мужчина

надеялся, ведущую в ванную комнату.

Женщина ничего не ответила, только повернула круглую ручку и открыла дверь, внутри было темно. Она нащупала слева от проема выключатель и через секунду над их с майором головами загорелся тепло-оранжевый свет. Воронцов поставил Веронику в душевую кабину и, ничего не сказав, вышел из душа.

— А пальто свое забрать не хотите? — крикнула она ему вслед, но тот ничего не ответил. Женщина закатила глаза и потянулась к крану с водой.

Через несколько минут Вероника Александровна, надев наконец-то свои небесно-голубые туфли, вышла из ванной комнаты, держа в руках темно-синее пальто майора. Она не стало заострять на этом внимание, но все-таки подметила, что аромат, исходивший от одежды Олега Воронцова, был прекрасен. Терпкий, даже немного горький и свежий запах мужского парфюма, заставил ее с наслаждением прикрыть глаза.

В гостиной ее уже ждал майор, сидящий все на том же диване, только теперь на столике рядом стоял поднос с заварочным чайником, конфетницей на ножке и три пустые чашки с блюдцами. Вся посуда была составляющей одного сервиза из фарфора с позолоченными краями и гравировкой на каждой единице — заглавная прописная *T* с витиеватыми линиями.

— Любимый сервиз моего покойного брата, привезенный мной из Парижа, где его делали на заказ, — улыбнувшись произнесла Маргарита, подходя ближе и, наклонившись, взяла чайник и начала разливать янтарно-красную жидкость по чашкам, которая имела яркий аромат. — *Оолонг*, когда-нибудь приходилось пробовать? — спросила она, протягивая Веронике чашку с чаем.

— Я больше предпочитаю кофе, — ответила девушка, принимая из рук женщины блюдце с чашкой чая и, под ее внимательным взглядом, делая маленький глоток. — Очень насыщенный вкус...

— В отличие от обычного черного, *оолонг* при его обработке, ферментацию не доводят до конца, что оставляет внутренние слои чайного листа нетронутыми, сохраняя присущую им структуру, — произнесла она, беря в руки блюдце с чашкой и возвращаясь к окну. — Марк ненавидел чай, предпочитая ему виски, — тихо произнесла Маргарита, поджав губы. — Известно, что послужило причиной смерти? — спросила она, сузив свои зеленые глаза.

— Мы не имеем права разглашать подобную информацию, — серьезно произнес Воронцов, сидя на диване. Он все это время не сводил с женщины взгляда, нет, ее поведение не казалось ему слишком наигранным, но и искренности он в нем не видел. Она напоминала ему актрису, которая давно заучила все слова и жесты наизусть и теперь *проживала* свою роль, не снимая маску ни на минуту.

— Значит, нет, — пожала плечами Маргарита Альбертовна, не удостоив мужчину даже взглядом. — Но, как я понимаю, Вы хотите меня о чем-то спросить. Что Вы хотите знать?

— В каком часу Вы приехали вчера на праздник? — спросил Воронцов, не сводя с женщины напряженного взгляда.

— Я приехала последней, возможно, около девяти, — пожала плечами Толстых, делая глоток горячего чая. — Впрочем, Вы можете это проверить — я вызвала такси с помощью приложения.

— Во сколько Вы покинули дом? — спросил майор все тем же ледяным тоном.

— Не нужно быть таким серьезным, я ведь не особо опасный преступник, — засмеялась

Маргарита Альбертовна, поворачиваясь к Олегу лицом. Вероника все это время переводила заинтересованный взгляд то на мужчину, то на его собеседницу и не понимала, почему майор так негативно настроен по отношению к этой очаровательной и милой женщине. Но вмешиваться не спешила.

— Это покажет следствие, — без какого-либо намека на улыбку ответил мужчина.

— О, ну раз Вы настаиваете, — снова засмеялась Маргарита, растягивая алые губы в приторно сладкой улыбке. — Я не помню, во сколько уехала, даже не помню, как смогла вызвать такси. Знаете, мы так хорошо отпраздновали юбилей Марка, что я немного перебрала с алкоголем.

— Что Вы помните из событий того вечера? Оставались ли Вы с погибшим наедине? Были ли за столом конфликты? — посыпались вопросы со стороны майора, но такой напор ничуть не застал женщину врасплох. Она лишь усмехнулась, отметив про себя, что в этот раз ей придется постараться, чтобы очаровать этого мужчину. У нее не так много развлечений в жизни, чтобы отказываться от подобных авантюр.

— Почти ничего не помню, — вздохнув произнесла Маргарита Альбертовна, поставив чашку с остывшим чаем на одну из полок с семейными фотографиями, ни на одной из которых ее не было. Она сложила на груди руки, красный драгоценный камень в броши на ее груди сверкнул, преломив луч света. — Прошу меня простить, сегодня такой трудный день, да и, сказать по правде, ночь была беспокойной... Если у Вас больше нет ко мне вопросов, мне бы хотелось поехать домой и отлежаться.

— Конечно! — воскликнула Вероника, опередив с ответом майора. Тот смерил девушку недовольным взглядом своих голубых глаз, но промолчал.

— Благодарю, — тепло улыбнулась Веронике Маргарита Альбертовна. — Если Вам понадобится моя помощь, позвоните, — произнесла она и вышла из комнаты.

— У Вас нет права отпустить свидетеля без разрешения старшего по званию, а в Вашем случае, непосредственного начальства, — хмуро прокомментировал поступок девушки Воронцов, поднимаясь на ноги.

— У Вас не было никаких оснований держать ее здесь насильно, она даже не подозреваемая! — парировала в ответ Вероника Александровна, ставя чашку с отвратительным крепким чаем с дурацким названием обратно на стол.

— Любой в этой семье может оказаться убийцей, — произнес мужчина. — Завтра утром я жду подробный психологический портрет каждого члена семьи, — дал указание майор, беря с подлокотника дивана свое пальто. — А сейчас вы можете быть...

— Товарищ майор! — воскликнул капитан Кабанов, вбегая в комнату. — Мы кажется что-то нашли.

В кабинете Марка Толстых почти все осталось по-прежнему, парни настолько аккуратно проводили обыск, что невооружённым глазом невозможно было бы заметить хоть какие-то изменения. Вероника Александровна с любопытством рассматривала все вокруг, подмечая для себя некоторые детали — зачастую мы не задумываемся о таких простых вещах, как наклон букв в росписи, порядок на рабочем столе или цвета, в которые оформлена наша квартира. На самом деле, самая незначительная, на первый взгляд, деталь, может многое сказать о человеке.

— Что вы нашли? — спросил Воронцов, заходя в кабинет и бросая быстрый взгляд на двух незнакомых ему людей — понятых.

— Да пару интересных вещичек, — ответил ему старший лейтенант Кукушкин, держа в руках в силиконовых перчатках маленький осколок. — Лежал под ножкой стола, с первого взгляда и не найдешь.

— Это хорошо, — кивнул Олег. — Осталось узнать кто убрал остальные осколки и куда.

— М-м, как интересно, — протянула Вероника Александровна, наклонившись над клочком бумаги, что лежал в горе бумаг на столе.

— Ничего не трогайте руками! — рявкнул майор так громко, что женщина недовольно сморщила нос.

— Я знаю правила, — закатила она глаза, а потом вернулась к мелким напечатанным строкам. На клочке бумаги было лишь несколько предложений, последнее из которых прерывалось на паре слов:

«Любовь к семье делает нас не просто слабыми, а уязвимыми. Мы пытаемся бороться, скрываем свою уязвимость от окружающих, но правда, как бы хорошо скрыта она не была, все равно достигнет нас. Моя семья, живущая так долго, за что уже стоит мне благодарить Бога, как и я сам, тоже не смогли убежать от правды.

Осознание тленности всего, что меня окружает, достигло не так давно. Я долго пытался переосмыслить свою жизнь и пришел к выводу, что прожил ее не так, как требовало того мое сердце. Поэтому, мне хочется попросить прощения не только у моей жены или детей, но и у человека, которого я лишил...»

Дальше предложение обрывалось, второй части страницы на столе не было. Вероника внимательным взглядом пробежала по столу, но увидела лишь книги и скомканные листы бумаги. Её заинтересовало это...письмо, исповедь, а, может, часть завещания Марка Альбертовича?

— Это нужно взять с собой, — сказала она, указывая рукой на клочок бумаги.

— Это всего лишь бредни старика, — фыркнул Кукушкин, получив в ответ презрительный взгляд Вероники Александровны и недовольный майора Воронцова.

— Если Веронике Александровне нужны эти, как ты выразился, «бредни старика» для работы, то будь добр, запиши это в протокол, как улику, — приказал Воронцов, подходя ближе. — Что это? — спросил он у женщины.

— Возможно часть завещания или исповеди, — пожала она плечами.

— Без разницы, главное, чтобы это помогло нам в поимке убийцы, — хмуро проговорил Олег, быстро пробегая глазами по строчкам текста.

— Вы правда думаете, что его убил кто-то из родных? — тихо спросила Вероника,

смотря на красивое сосредоточенное лицо мужчины, стоящего всего в метре от нее.

— Даже самая прочная семья — не прочнее карточного домика, — задумчиво протянул майор, разглядывая семейную фотографию в небольшой прямоугольной рамке на рабочем столе умершего.

— О чем это Вы? — озадаченно спросила Вероника.

— Как минимум у половины был мотив убить главу семейства, а как максимум — у всех, — пожал плечами Воронцов, показавшись женщине в этот момент уж слишком загадочным.

— Нельзя же подозревать всех вокруг, — поджав губы произнесла она, смотря в его голубые глаза.

— Это моя работа, — просто ответил мужчина и, разорвав их зрительный контакт, вернулся к подчиненным, что зачитывали понятым протокол. Сегодняшний рабочий день для психолога-консультанта Вероники Александровны подошел к концу.

Следующее утро оказалось тяжелым для майора Воронцова, мужчине впервые не хотелось идти на работу. На самом деле, он даже не знал с чем это было связано — с проблемным не сработавшимся коллективом, который больше напоминал Олегу циркачей на арене или стаю непослушных собак, дрессировщиком которых должен был стать именно он или вся соль в невыносимой и раздражающей зеленоглазой женщине с кошачьим взглядом, из-за которой Воронцов вчера, по меньшей мере, раз пять был на грани срыва.

Но Олег не был слабаком, который бросает работу и отказывается от обязательств при первых трудностях. Он позавтракал, приготовив себе яичницу, сделал несколько глотков крепкого чая без сахара и лимона, прикрепил к поясу кобуру с пистолетом и, накинув сверху пальто, вышел из квартиры. На улице дул холодный ветер, а небо заволочло серыми тучами, из соседнего подъезда одновременно с майором вышла молоденькая девушка — блондинка с маленькой пушистой светлой собачкой на поводке, которая противно пискляво гавкала каждое утро под его окнами, которые выходили во двор.

— Доброе утро, — улыбнулась ему блондинка, но мужчина прошел мимо, даже не взглянув на нее. — Хам, — бросила она ему вслед, но снова не получила в ответ никакой реакции.

Воронцов сел в свою машину и повернув ключ зажигания, поехал на работу. На часах было 8:20 утра.

Олег жил не так далеко от участка, поэтому не успев собрать все пробки, приехал на работу одновременно со своими новыми коллегами — Дмитрием Елагиным и Вероникой Александровной. Женщина заехала на закрытую парковку первой, в этот раз припарковавшись по правилам, рядом с ней оставалось одно свободное место. Его, как и предполагал Воронцов, как можно быстрее постарался занять Дмитрий, что у него весьма успешно получилось. Олег припарковался чуть дальше на противоположной стороне парковки и остался сидеть в машине, решив понаблюдать за парой. Он и сам не знал какая сила заставила его совершить подобную совершенно не свойственную ему глупость.

— Мы снова встретились! — услышал Олег бодрый голос Елагина, чуть опустив боковое стекло.

Вероника Александровна, в этот раз одетая в еще менее строгий костюм, чем вчера, вышла из машины, недовольно поджав губы при виде мужчины. Это заставило майора

усмехнуться, но он быстро пришел в себя и вернул своему лицу отстраненное выражение. Женщина потрогала край высокого воротника короткого черного платья с разноцветными вертикальными вышитыми линиями, которые визуальнo делали её еще стройнее. Сегодня она предпочла туфлям на шпильке оранжево-коричневые ботфорты до середины бедра с заостренным носом и на высоком скульптурном каблуке. На плечи психологиня накинула пальто цвета темный шоколад, ее красивое лицо обрамляли карамельного цвета локоны. Вероника Александровна улыбалась, хотя ее улыбка показалась Олегу напускной.

— Не разделяю Вашего энтузиазма, — культурна отшила Елагина женщина, но тот, видимо, пропустил это мимо ушей, перегородив ей дорогу.

— Не помню говорил ли Вам, но у Вас отличный вкус, Вы явно разбираетесь в машинах! — продолжал разбрасываться комплиментами мужчина, в то время, как Вероника недовольно поджала пухлые губы, покрашенные темно-оранжевой помадой. Она никогда не любила надоедливых мужчин, не умеющие закрывать рот в нужное время и не знающих меры. — Двигатель мощностью триста шестьдесят пять лошадей, способный разогнаться почти до триста километров в час! Просто фантастика!

— Не помню говорила ли Вам, — протянула в ответ Вероника, скопировав манеру общения мужчины. — Но я купила эту машину, потому что мне понравился ее *цвет*.

— Вы купили машину за девять миллионов потому что Вам понравился..*цвет*? — с сомнением уточнил Елагин, усмехнувшись.

— Не вижу в этом ничего предрассудительного или смешного, — пожала плечами Вероника, наклоняясь, чтобы достать из машины сумку квадратной формы морковно-красного цвета с золотистым логотипом известного бренда. Она хлопнула дверью машины, и та автоматически включила сигнализацию.

— Простите, я не хотел...,- мужчина начал было размахивать руками, пустив в ход одну из своих фирменных улыбок, но это лишь больше разозлило женщину.

Воронцов вышел из машины, поставив ее на сигнализацию, и размашистым шагом пошел в сторону парочки. Он не знал почему помогает ей, возможно, это просто порыв, которому не стоит искать объяснения.

— Вероника Александровна, — позвал он женщину, которая сразу же перевела недовольный взгляд своих кошачьих зеленых глаз в его сторону. При виде него черты ее лица расслабились и, возможно ему показалось, но она с облегчением выдохнула.

— И Вам доброе утро, майор! — в свойственной себе насмешливой манере ответила она.

— Еще пять минут, и Вы опоздаете на работу, — предупредил мужчина, проходя мимо.

— Тогда, думаю, мне стоит поторопиться, — протянула она, идя за ним следом, задевая плечом застывшего в недоумении Елагина.

Вероника никогда не была одной из тех женщин, которым надо вставать на час раньше, чтобы успеть к намеченному времени выхода из дома определиться с цветом белья, туфель или помады. О таких вещах она предпочитала задумываться заранее, например, вечером, за просмотром фильма или готовкой ужина. Сегодня девушка приехала ровно за пятнадцать минут до начала рабочего дня, успев еще утром, пока чистила зубы, просчитать примерно затраченное время на дорогу с учетом пробок. И все шло по плану, пока, по нелепой случайности, Вероника не встретила на пути крохотное препятствие, которое, к ее сожалению, не понимает слово «нет».

— Вы купили машину за девять миллионов потому что Вам понравился...*цвет?* — с сомнением уточнил молодой мужчина со слишком завышенным самомнением, что никогда не привлекало Веронику в противоположном поле. Он смотрел на нее снисходительным взглядом, словно она тупоголовая курица, которая просто нелепо пошутила.

Конечно, девушка купила эту машину не из-за цвета, хоть он и сыграл решающую роль при выборе между её бабл гам и *Mercedes-Benz*. Дорогая машина, на которую Вероника заработала сама, работая без выходных целый год, была ее мечтой, поэтому, к выбору своей будущей подружки она отнеслась основательно. Но в какой-то степени она не соврала этому наглому мужчине, машина для женщины — скорее аксессуар, нежели металлическое чудо, способное разогнаться до трехсот километров в час.

— Не вижу в этом ничего предрассудительного или смешного, — пожалала плечами Вероника, наклоняясь, чтобы достать из машины сумку квадратной формы морковно-красного цвета с золотистым логотипом известного бренда — подарок отчима на...*просто* подарок. Папе Коле, сколько девушка себя помнит, никогда не нужен был повод, чтобы заставить ее улыбаться. Это его качество, одно из множества, которое заставляло Веронику боготворить его, как мужчину.

— Простите, я не хотел...,- начал было оправдываться мужчина, имя которого Вероника даже не помнила. Она попыталась пройти, но он загородил ей проход, продолжая нелепо улыбаться, словно это должно было изменить ее настрой по отношению к нему.

На этот раз Веронике повезло, майор стал ее спасением, хоть об этом она никогда ему и не признается. Мужчина, проходя мимо, в своей идиотской манере *указывать всем на их косяки*, сделал девушке замечание.

— Вероника Александровна, — позвал Воронцов женщину, которая сразу же перевела на него взгляд своих кошачьих зеленых глаз. При виде него черты ее лица расслабились, и она с облегчением выдохнула, надеясь, что ни один из мужчин этого не заметил.

— И Вам доброе утро, майор! — усмехнувшись ответила Вероника Александровна помахав Воронцову, словно Английская королева на параде.

— Еще пять минут, и Вы опоздаете на работу, — предупредил мужчина, проходя мимо.

— Тогда, думаю, мне стоит поторопиться, — протянула она, пытаясь протиснуться между своей машиной и застывшего в недоумении мужчиной, которого нечаянно задела плечом.

Вероника догнала майора уже у входа в полицейское отделение, он вошел первым, но, увидев ее в отражении стеклянных дверей, придержал дверь. Девушка вошла следом, стуча своими каблуками о плиточный пол темно-серого цвета.

— Мне ждать благодарности? — как бы невзначай поинтересовался майор, доставая из кармана пальто свой пропуск.

— Вы про то, что придержали для меня дверь? — засмеялась Вероника Александровна, останавливаясь рядом.

— Я только что спас Вас от назойливого поклонника, — ответил ей Воронцов, но на его лице не было и намек на улыбку. Мужчина приложил свой пропуск к горячей красной панели, через секунду та сменила цвет на зеленый и турникет опустился, пропуская майора.

— Скорее, поспособствовали тому, что я пришла на работу вовремя, — усмехнулась в ответ Вероника, все еще стоя по другую сторону турникета. Пропуск ей все еще никто так и не выдал.

— Ваш пропуск...,- задумчиво протянул Воронцов, но договорить ему не дал стажер, чей вопль был слышен на весь этаж. Парень со всех ног бежал ко входу и чуть не сбил майора. Обегая его, Николай, споткнулся и чуть не упал.

— Вероника Александровна, у меня Ваш пропуск, — задыхаясь просипел парень, его лицо было таким же красным, как спелый помидор, а ко лбу прилипли мокрые пряди русых волос.

— Как удачно, — улыбнулась ему в ответ женщина, беря из протянутой ладони прямоугольную пластиковую карточку однотонного белого цвета с синим гербом полиции РФ. — Спасибо,...как тебя зовут? — спросила она, проходя через турникет.

— Николай Левин, стажер, — улыбнувшись и выпрямив спину представился русоволосый парень.

— Очень приятно, — улыбнулась женщина.

— Если все формальности учтены, то теперь мы можем пойти работать? — хмуро спросил майор.

Вероника лишь усмехнулась, и они с Николаем пошли за майором Воронцовым на цокольный этаж. Серые стены коридора практически сливались с полом, светло было только за счет ярких прямоугольных светильников под потолком. Они быстро спустились по лестнице, которая насчитывала всего девять ступеней, не останавливаясь прошли мимо кабинета Воронцова и еще двух дверей, которые вели неизвестно куда. Служебная комната, как предположила девушка, находилась в самом конце, именно туда и направлялся майор.

Внутри было тихо. В правом углу за стоящими у окна друг напротив друга столами сидели уже знакомые ей мужчины и тихо переговаривались. В левом углу квадратной комнаты находилась маленькая кухня с небольшим прямоугольным металлическим столом со стульями и диваном. Матовая стеклянная дверь, ведущая в еще одну комнату на этот раз, была открыта. Прямо напротив этой двери, отделив себе место двумя еще пустыми стеллажами, на некоторых полках которых стояли зеленые растения в небольших горшках, стоял небольшой рабочий стол с ноутбуком и сидела за ним миниатюрная шатенка, которая весело смеялась над шутками высокого худощавого парня в фиолетовой шапке, сидящего на краю ее стола.

— Доброго утра, уважаемые коллеги, — ледяным тоном произнес майор, заставив Веронику поежиться. Настроение у всех присутствующих сразу упало от отметки «отлично» до отметки «паршиво». Что показалось женщине не таким уж и удивительным, с таким — то начальством.

— Доброе утро, — хором ответили они, не сговариваясь встали с насиженных мест, и нервно переглянулись.

— Сегодня мы с вами познакомимся с подробностями дела, которое поручили нашему отделу и начнем работу над подтверждением алиби всех членов семьи, — начал Воронцов, смотря своим стальным взглядом сразу на всех и ни на кого вовсе. — Сейчас мне бы хотелось познакомить вас с психологом-консультантом, Вероникой Александровной, которая так же будет работать над этим делом, — Вероника улыбнулась всем присутствующим, но в ответ была лишь тишина. Все внимательно слушали майора и, как ей показалось, даже дышали через раз. — Через пятнадцать минут всем быть на своих местах, — распорядился мужчина. — И еще, будьте добры, разберите вот эту крепость!

Шатенка недовольно засопела, но промолчала. «Мудрое решение», — подумала про

себя Вероника, сбрасывая с плеч теплое пальто и ища глазами вешалку или шкаф.

— Давайте, я Вам помогу, — любезно предложил свою помощь молодой парень в фиолетовой шапке, подходя ближе. — Младший лейтенант Еремей Ковалевский, специалист в сфере информационных технологий, программист и немного хакер, — улыбнулся он, протягивая руку.

— Вероника Александровна, психолог, — в ответ улыбнулась женщина, пожимая руку. — Не подскажите, куда я могу повесить свою верхнюю одежду?

— Конечно, вон там в углу есть шкаф, — ответил Еремей, указывая ладонью в сторону дальнего угла комнаты.

— Вероника Александровна, мне бы хотелось обсудить с Вами показания Богдана Толстых, — нетерпеливо протянул Воронцов, смотря на наручные часы из простого металла. Вероники не составила труда легко определить материал и это было точно не белое золото и не платина.

— Извините, Олег Михайлович, — обратился к майору стажер. Тот перевел на парня хмурый взгляд своих голубых глаз.

— Что.

— Полковник Радов просил зайти к нему...

— Хорошо, сейчас решу вопрос с Вероникой Александровной и приду, — кивнул Воронцов, следя за тем, как женщина идет размеренным шагом к шкафу, неся в руках пальто цвета горького шоколада.

— Нет, вы неправильно поняли, — покачал головой Николай, поправляя свою непослушную челку. — Александр Александрович просил зайти к нему Веронику Александровну, — сглотнув произнес он, косясь на женщину. — *Срочно*, — добавил он, сглотнув.

Вероника поднималась по лестнице на второй этаж, где в кабинете ее ждал Полковник и раздумывала над тем, о чем он хочет поговорить с ней. По правде говоря, тем для разговора у них было немного — работа и... *все*. Вероника сомневалась, что, войдя в кабинет, там её ждет что-то более реальное нежели еще одна просьба, больше похожая на шантаж со стороны мужчины. С другой стороны, иного ждать не приходится, разве что очередной лекции на счет ее *«незаконной шарлатанской работы»*.

— Доброе утро, — радостно улыбнулся полковник Радов, когда девушка зашла в кабинет намеренно забыв постучать. Раз он ее ждал к чему лишние жесты.

— Оно было добрым пару секунд назад, — съязвив ответила девушка, присаживаясь на самый дальний от полковника стул. Она не то чтобы не хотела сидеть с ним рядом, тем более после его шантажа, а просто находиться в одной комнате со своим биологическим отцом.

— Ты как всегда не в силах сдержать порыв и не съязвить, — недовольно покачал головой Александр Александрович, сведя светлые, слегка поседевшие брови к переносице.

— Зачем звал? — спросила Вероника, сложив на груди руки.

— Мне нужна твоя помощь в одном деле, — ответил мужчина, вставая с кресла и беря в руки папку с делом № 12678. Полковник в свои пятьдесят шесть был высоким мужчиной с широкими плечами и подтянутой фигурой, не смотря на возраст Радов не брезговал заниматься спортом. Он отодвинул соседний с Вероникой стул и сел рядом с дочерью, положив перед ней картонную папку с бумагами по интересующему его делу.

— И что это? — без особого энтузиазма спросила девушка, пролистав и быстро просмотрев бумаги. Она и дня не прослужила в полиции после окончания Академии, поэтому, давно забытые термины и формулировки ей уже ни о чем не говорят. Вероника узнала лишь мужчину на фотографии, это был один из ее клиентов, с которым они периодически встречалась — Роман Зубов. Мужчину мучили кошмары, связанные с детством — он видел, как отец убил его мать. О криминальном прошлом и настоящем она ничего не знала.

— Один из твоих *постоянных клиентов*, — ответил полковник Радов, облокотившись о спинку стула и сложив на груди руки.

— Говоришь так, будто я проститутка, — поджав губы прокомментировала Вероника, отодвинув от себя папку с бумагами по делу Зубова. — Но я все равно не понимаю, к чему ты клонишь, — пожалала плечами девушка.

— Как бы я не хотел это признавать, — протянул мужчина, смотря куда-то в сторону. Это помогло Веронике понять, что ему неприятен этот разговор, в принципе, она была солидарна с ним. Вот только ее покорило с каким пренебрежением и недовольством Радов говорит о ее работе и клиентах, хотя прекрасно знал, что ничем незаконным она не занимается, а они...это уже Веронику не касается — всё, о чем она когда-либо говорила с пациентами, никогда не выйдет за пределы комнаты. — Ты являешься ценным кадром для полиции и твои знания...

— Ценным для полиции, а если говорить точнее, для *тебя* являются сведения, которые мне поведали мои пациенты, — перебила его Вероника больше не желая слушать. Её бесило как скрупулёзно Полковник подбирает слова, будто она дура, которая так просто может

выложить ему все карты на стол. — Ты действительно рассчитываешь на то, что я вот так просто возьму и расскажу тебе все? — усмехнувшись спросила она, не веря в абсурдность происходящего.

— Если есть *что* рассказать...,- задумчиво протянул Радов, барабанил пальцами по столешнице стола.

— Я скажу тебе в первый и в последний раз, — выдохнув произнесла Вероника, поднимаясь на ноги. — Моя работа здесь заключается лишь в помощи раскрытия убийства Марка Толстых. Большого от меня не жди! — сказала она и пошла к выходу из кабинета.

— Если ты боишься за свою жизнь...

— Я боюсь за свою репутацию, как на моей основной работе отразится твоя выходка, только и всего, — покачала головой девушка, взявшись за ручку двери. — И да, будет хорошо, если какие-либо вопросы впредь мы будем решать через майора, — кивнула она, и вышла в коридор.

Не успела Вероника закрыть дверь в кабинет полковника Радова и сделать в направлении лестницы шаг, как врезалась в чью-то твердую мускулистую грудь.

— Ой, прошу прощения! — обратилась женщина к белой рубашке, а потом через секунду в нос ей ударил знакомый терпкий запах одеколona. Она подняла глаза и столкнулась с недовольным взглядом голубых глаз майора. — Майор, — усмехнувшись протянула Вероника, кокетливо прикусив губы. — Признайтесь, Вы уже и десяти минут не можете провести без меня.

— С недавних пор, я мечтаю провести без Вас хотя бы сутки, Вероника Александровна, — хмуро ответил Воронцов, смотря в кошачьи зеленые глаза сверху вниз. — Мне нужна характеристика по каждому из семьи Толстых, что подметил Ваш тонкий взгляд психолога, — произнес, смотря на свою грудь обтянутую хлопковой тканью рубашки в поисках следа от помады. К счастью майора его там не оказалось, иначе пришлось бы отдавать вещь в химчистку, помада Вероники Александровны была очень стойкой.

— Без проблем, — цокнув языком ответила женщина, делая маленький шагок назад, чтобы было удобнее смотреть Воронцову в глаза. — Но сначала Вам необходимо получить письменное подтверждение моего клиента, — развела она руками, предвкушая очередную недовольную гримасу на лице мужчины. Но ее не последовало.

— Хорошо, — кивнул Воронцов, заставив девушку удивленно округлить глаза. — А пока мы будем ехать, Вы предоставите мне характеристику других членов семьи. Они же не являются Вашими клиентами? — спросил майор.

— Н-нет, — покачала головой Вероника Александровна, немного опешив от такой спокойной, даже безразличной реакции, на ее очередную провокацию.

— Отлично, тогда предлагаю Вам пойти и взять верхнюю одежду, я подожду Вас у выхода, — кивнул мужчина и, развернувшись, быстро пошел к лестнице.

Придя в себя, Вероника быстро пошла в служебное помещение отдела. Где оставила свое пальто и сумочку. В коридоре было тихо, только изредка из-за двери раздавались какие-то странные звуки — срезет, недовольные ругательства и грохот. Девушка аккуратно открыла дверь, ведущую в общую комнату, и удивленно застыла на пороге. Середина кабинета, которая раньше пустовала, сейчас была занята небольшим диваном желто-коричневого цвета, который раньше стоял в уголке кухни. По бокам от него стояли два небольших кожаных потертых кресла, которым было больше лет, чем Веронике, а у стены

напротив — теперь стояла большая стеклянная доска, на которой висели фотографии членов семьи Толстых и белым маркером были написаны их имена и кучу стрелочек, назначения которых женщине не было понятно. Работа шла полным ходом — мужчины передвигали стеллажи, которые не угодили Воронцову, а миниатюрная шатенка держала в руках горшки с цветами и смотрела на весь этот беспорядок со стороны. Коля мыл полы в кухне, а Еремей настраивал компьютеры ребят, окружив себя ими, сидя за железным столом на кухне с поднятыми вверх ногами, чтобы стажеру было удобно мыть пол.

Вероника Александровна тряхнула головой и, решив не отвлекать ребят от работы, быстро забрала свое пальто с сумкой и вернуться к Воронцову. Она сделала шаг вперед и, не заметив у себя на пути большую вазу с сушенными ветками, задела ее ногой и та, рухнув, разбилась.

— Ой, — с сожалением воскликнула она, уставившись на беспорядок, который устроила.

— Ну, майор же сказал куда-нибудь ее деть, — почесав затылок протянул Игорь Кабанов.

— Вы не обращайтесь на меня внимание, я тихонечко возьму пальто и уйду, — улыбнувшись протянула Вероника Александровна, обходя разбитую вазу.

— Вы только под ноги смотрите, — ответил ей Еремей, не отрывая взгляд от компьютера.

— Вероника Александровна, — обратился к женщине стажер, снимая оранжевые резиновые перчатки, которые были ему на два размера больше. — Тут заходил судмедэксперт и просил передать Олегу Михайловичу результаты экспертизы. Может, Вы их ему передадите? — спросил он, протягивая ей черную папку с бумагами.

— Без проблем, — кивнула она, надевая пальто и беря в руки сумку.

Воронцов и правда ждал ее у выхода, мужчина стоял у дверей с другой стороны турникета. Как только женщина приложила пропуск к панели, и та загорелась зеленым, мужчина развернулся, не став дожидаться ее, вышел на улицу, направившись в сторону своей машины.

— Мы что, поедem на Вашей? — немного удивившись спросила Вероника, когда майор открыл дверь со стороны водительского сидения.

— А Вы предпочитаете болтать, сидя за рулем? — серьезно спросил мужчина, приподняв бровь.

— Ладно, — выдохнула она, обходя машину и открывая переднюю дверь. — Вам тут передали результаты медицинской экспертизы, — произнесла Вероника, садясь в машину.

— Бросьте на заднее сидение, потом посмотрю, — ответил Воронцов, заводя машину.

Они ехали в полном молчании. В какие-то моменты обоим казалось, что вот-вот и его собеседник должен заговорить, но, никто так и не решился. Вероника никогда не была стеснительной женщиной, она всегда первой начинала разговор, стараясь вовлечь собеседника в беседу и узнать о нем как можно больше. С майором Воронцовым женщина чувствовала себя неуверенным подростком, который боится ляпнуть при взрослом дяде какую-то несусветную чушь. Ей это очень не нравилось. Олег, будучи неразговорчивым и скрытным мужчиной, старался поддерживать и развивать только те темы, которые были связаны с его непосредственной работой. Только с Сан Санычем он мог позволить себе снять верхний слой брони. С этой женщиной, которая, Воронцов не будет отрицать, была

красива, умна и остроумна, он боялся даже говорить о работе. Ему казалось, будто своими кошачьими зелеными глазами она видит мужчину насквозь.

— Вы должны были рассказать о своих выводах насчет членов семьи убитого, — сглотнув все-таки начал разговор Воронцов. Они попали в пробку, а сидеть в угнетающей тишине еще минут сорок уже было выше его сил.

— С какого начнем? — тут же оживилась Вероника Александровна, улыбнувшись. Она повернула голову, чтобы встретиться с майором взглядом, но тот смотрел куда угодно — прямо на пробку, на свои руки на руле, на ноги, обтянутые темной джинсой — но только не на нее.

— Елена, — пожал он плечами, вспоминая первого человека, с которым им удалось поговорить.

Елена Толстых, высокая темноволосая женщина с карими глазами, которые не могли скрыть ее высокомерия. Её строгий костюм, прямоугольные очки в тонкой металлической оправе и поджатые тонкие губы — все показалось мужчине таким показательным и неестественным. Елена будто хотела показать не только своим поведением, но и видом, к какой семье она принадлежит и какой имеет статус.

— Женщина, которая всю жизнь пытается добиться от мужа хоть капли внимания. Знаете, она одна из тех жен, которые пытаются добиться идеала во всех сферах жизни — карьера, материнство, социальная принадлежность, муж. Проблема лишь в том, что за красивой картинкой, что видят окружающие, скрывается глубоко несчастная *женщина*, которая просто хочет быть любимой, — ответила Вероника и тяжело вздохнула. Она не имела права проявлять жалость, ведь, как бы нам не было трудно смотреть на боль другого человека, мы должны понимать, что *он* сам сделал этот выбор. А наша жизнь лишь череда этих выборов.

— Она могла убить свекра? — спросил Воронцов, ему было совершенно неинтересно слушать о неудавшейся личной жизни женщины, о которой он забудет спустя неделю, как раскроет дело.

— Ну, искать мотив — это Ваша работа, а не моя, — хмыкнула Вероника Александровна.

— Мне просто интересно Ваше мнение, — хмуро ответил майор, медленно двигаясь вперед, пробка не хотела рассасываться.

— Нет, она любила Марка Альбертовича, как отца, — покачала головой Вероника и на секунду задумалась. — Возможно, Елена детдомовская и убитый был для нее идеалом, примером настоящего мужчины.

— Хорошо, — кивнул Воронцов. — Дальше, Евгений.

— Евгений не заинтересован в том, чтобы брать на себя ответственность. В душе он все еще подросток, который уверен в том, что если будет падать, то внизу его будет ждать подушка из родительских любви, денег, помощи и поддержки. Будучи уже достаточно взрослым мужчиной, он не задумывается о том, что будет через неделю, месяц или год, — пожав плечами ответила женщина. Хотя она и посчитала Евгения Толстых добрым и заботливым человеком, но так или иначе от нее не могло ускользнуть то, что решение жениться не было поспешным или не обдуманым — это всего лишь была прихоть маленького мальчика, возможно, сделанная для того, чтобы доказать старшему брату и отцу, что он вырос.

Впервые майор был согласен с Вероникой. Евгений, который был старше его почти на

одиннадцать лет, больше был похож на тинейджера, что катается на электронном самокате и в ночи разукрашивает стены гаражей или зданий. И он не мог отрицать очевидное — ребенок, опору и поддержку он находит лишь в родителях, не мог отрубить руку, которая кормила его с серебряной ложки.

— Он мог убить отца? — спросил Воронцов только ради искреннего интереса. Доводы женщины, сидящей по правую руку от него, не казались ему не имеющими смысла.

— Мог, — без сомнений ответила Вероника. Им повезло, что они стояли, иначе майор точно бы врезался в ближайшую ехавшую перед ним машину. Он перевел на женщину удивленный взгляд, а та лишь усмехнулась в ответ.

— Поясните, — попросил Воронцов.

— Если мы будем разбирать психологический портрет Евгения, то все ответы лежат на поверхности. С детства он был любимым ребенком, которому все разрешали и поддерживали в каждом новом увлечении. В отличие от старшего брата, младшему не нужно было из кожи вон лезть, чтобы получить лишнее внимание или похвалу, даже самой уродской картине в мире, — произнесла Вероника Александровна, полуразвернувшись к майору, хоть это и было сделать немного сложно из-за мешающего ремня безопасности. — А вот когда отец отказал сыну в поддержке, и они перестали общаться — Евгений возненавидел отца. Он почувствовал себя брошенным и, к сожалению, больше ничего не сможет перебить это чувство одиночества, которое мужчина испытал. Тем более, не стоит забывать, что ребенок, которым в душе является Женя, намного обидчивее и злопамятнее взрослого человека.

— Хорошо, — кивнул Воронцов, все еще осмысляя все сказанное женщиной. Ему никогда раньше не приходило в голову, что причина убийства человека может быть намного глубже, чем простой мотив из мести, желания наживы или желания освободиться. — Софья?

— Вы ей понравились, — лукаво протянула Вероника, заставив майора недовольно нахмуриться. Он ненавидел навязчивых женщин, особенно тех, которые, будучи не свободными, все еще надеются найти вариант получше.

— Это не так важно, — ответил он, а женщина в ответ лишь неопределенно пожала плечами.

— Она еще совсем молодая девушка, которая не знает, чего хочет на самом деле. Это то же самое, что выбирать между плохим парнем и хорошим, удобными кедами или красивой шпилькой, распущенными длинными локонами и эксцентричным каре нестандартного цвета. Проблема лишь в том, что Соне нужно все и сразу, прямо сейчас. Она еще слишком молода, чтобы определиться, слишком не зрела для построения семьи, но, возможно, именно это в ней и нравится Евгению, — поджав губы ответила Вероника.

— Он сам такой же, — кивнул Воронцов.

— Именно, — согласилась с ним женщина. — Но Соня не злобный гений, она не то чтобы не смогла бы придумать план и увидеть возможность, скорее девушка просто не смогла бы довести начатое до конца. Она трусиха!

Олег нахмурился, ведь девушка не показалось ему *«трусихой»*, даже наоборот, раскованной и уверенной в себе. И пусть Соня не вызвала у него никаких эмоций как женщина, он не мог не заметить ее привлекательность и задуматься над тем, что девушка могла выбрать совершенно другого мужчину, молодого и желающего жить на полную катушку, как и она. Возможно, все дело в наследстве.

— А как насчет наследства? — спросил Воронцов у Вероники. — Разве желание получить много денег и жить в свое удовольствие не стоит у современных молодых девушек на первом месте?

— Не знаю почему вы решили, что у современных женщин есть какой-то мистический список, — засмеялась Вероника. — Но даже если и так, то жить в свое удовольствие можно и другим способом. Не обязательно кого-то убивать! — машины потихоньку начали двигаться и уже через пару минут Олегу удалось повернуть на перекрестке и выехать на свободную дорогу. — Тем более Евгений сам сказал, что отдаст все наследство отца на благотворительность.

— Думаю, это скорее было сказано, чтобы позлить старшего брата, — ответил ей майор. — Да и достанется ли им хоть что-нибудь?

— Меня больше интересует тот человек, о котором говорил Марк Альбертович в своем письме. Кому он мог сломать жизнь настолько, что решил покаяться в такой форме? — женщину и вправду озадачило это дурацкое письмо.

— Стоит спросить у Богдана или Елены, возможно, они что-нибудь знают об этом, — пожав плечами ответил Олег, сверяясь с навигатором. — Кажется, мы приехали.

Они заехали в огромный двор с детской площадкой, которую окружали детский сад, школа, парковая зона и жилой комплекс состоящий из четырех домов, в каждом из которых было, по меньшей мере, тридцать этажей.

Вероника Александровна вышла из машины, аккуратно хлопнув дверью, и осмотрелась. Она жила в подобном жилом комплексе, правда детский сад и школа в нем не были предусмотрены. Зато, каждое утро девушка могла пить свежесваренный кофе в кофейне в доме напротив и за пять минут добраться до салона красоты.

— Вы знаете номер подъезда? — спросила Вероника у майора, пока тот что-то искал в своем телефоне.

— Дом три, квартира триста сорок семь, — ответил мужчина, кладя в карман пальто свой мобильный и, ставя машину на сигнализацию, ключи. — Идемте?

— Да, — кивнула девушка, поправляя пальто на своих плечах. — Я хотела...

— Молодой человек, — окликнула пожилая женщина Воронцова, гуляя по двору со своей собакой — короткошерстый *Керн-Терьер* серо-коричневого цвета, который напомнил майору щетину щетки для обуви, которая была у него в детстве. — Здесь нельзя парковаться! — недовольно воскликнула дама в темно-фиолетовом пальто с большими металлическими пуговицами. Её седые короткие волосы были накручены и торчали в разные стороны, а тонкие губы были так сильно сжаты, что побелели.

— Не волнуйтесь, всего час и я уберу свою машину, — пожал плечами Воронцов считая, что разговор окончен. Его выводы оказались слишком поспешными.

— Никто не собирает Вас ждать, Вы не поезд и не такси, — закатив глаза ответила ему милая на первый взгляд старушка, цокнув языком. — Убирайте свою машину *сейчас же!* — воскликнула она и в тон ей твякнула ее мелкая собачка.

— Простите нас за доставленные неудобство, но, может, нам как-то удастся разрешить возникший вопрос, — мягко улыбнулась Вероника, выходя вперед. — Понимаете, мы с моим...*другом* очень спешим, этот район нам не знаком, и мы не знали, что здесь нельзя парковаться!

Пожилая женщина нахмурилась над чем-то раздумывая. Ее собака, видимо почувствовав настроение хозяйки, притихла и гипнотизировала недобрым взглядом майора, по крайней мере, мужчине показалось именно так. Седовласая дама поправила свою прическу правой рукой, обтянутой черной кожаной перчаткой и, самодовольно улыбнувшись, произнесла:

— Знаете, пожалуй, ничего страшного и не произошло, — протянула она снисходительно, ожидая достойной благодарности за проявленную доброту. Вероника, видя это, улыбнулась еще более лучезарнее.

— Спасибо Вам огромное! Вы даже не представляете, как сильно выручаете нас, — воскликнула она.

— Ну что Вы, — отмахнулась женщина, а на ее лице появился румянец. — Дональд, пойдем. До свидания, молодые люди!

— Всего доброго! — помахала ей вслед девушка и развернулась к застывшему в недоумении майору. — Пойдемте?

— Вы не перестаете меня удивлять, — покачал он головой, поджав губы. Вот только звучало это не как комплемент, а как обвинение в преступлении. — Вы о чем-то хотели спросить, — напомнил Воронцов, как только они зашли в лобби дома, которое занимал весь первый этаж.

— Возможно, я хотела узнать, чем вы вечно недовольны, майор, — хмыкнув спросила

Вероника Александровна.

— Здравствуйте, мы пришли к супругам Толстых в триста сорок седьмую квартиру, — холодным тоном произнес Воронцов, оставляя Веронику без ответа и обращаясь к молодому человеку в белой рубашке и бордовом классическом жилете на пуговицах с бейджиком, на котором было написано его имя «Сергей».

— Я позвоню в квартиру, если они захотят вас принять...,- протянул парень, потянувшись за стационарным телефоном.

— Они захотят, — ответил ему Олег, доставая из кармана пальто полицейское удостоверение и показывая его парню. — Мы из полиции.

— А..., я..., то есть, вы можете пройти, — испуганно проямлил молодой человек, взявшись за ворот белоснежной рубашки. — Вас проводить?

— Не стоит, просто скажите куда идти, — покачал головой Воронцов, убирая удостоверение.

— Прямо, с обеих сторон будут лифты. Какая, Вы говорите, у них квартира? — уточнил Сергей, указывая за свою спину.

— Триста сорок семь, — улыбнувшись ответила ему Вероника.

— Семнадцатый этаж.

— Спасибо, — поблагодарила она парня за помощь и последовала за Воронцовым, который уже нажал на кнопку вызова лифта и ждал, пока тот приедет.

— Почему Вы всегда всем улыбаетесь? — спросил он, смотря на неподвижные металлические двери лифта.

— Вам это не нравится? — усмехнувшись спросила Верника, вставая рядом с мужчиной и бросая задумчивый взгляд на его красивый, но вечно напряженный или равнодушный, профиль.

— Меня это бесит, — пожав плечами честно ответил Олег, заходя в кабину проехавшего лифта.

— Это было грубо, — протянула женщина, в ее голосе прослеживались нотки удивления. Она не думала, что майор настолько прямолинеен или же это все-таки, присущая многим мужчинам, грубость.

— Зато честно, — произнес Воронцов, нажимая на кнопку с цифрой нужного этажа. Он кинул быстрый взгляд на Веронику Александровну и заметил, как она нервно выкручивает пуговицу пальто.

— У Вас боязнь замкнутых пространств? — с сомнением поинтересовался мужчина. Он никогда раньше не сталкивался с подобным и не знал, что будет делать, если они вдруг застрянут.

— Просто не люблю маленькие помещения без окон, — уверенным голосом сообщила ему женщина, улыбнувшись. Весь оставшийся путь наверх они провели в полном молчании.

На лестничной клетке горел яркий белый свет, блестящая чистотой плитка слепила глаза. На этаже было всего три квартиры с идентичными дверями из красного дерева со стальными ручками. С правой стороны на стене у каждой квартиры висела металлическая табличка с выгравированным номером. Воронцов подошел к двери, рядом с которой был прикреплен прямоугольник с номером 347 и нажал на маленькую кнопку звонка, что был расположен под ним.

— Товарищ майор, — удивленно воскликнула открывшая дверь Елена. Женщина была в

привычном деловом костюме кофейного цвета в мелкую белую клетку. — И Вы...

— Вероника Александровна, — напомнил женщине Воронцов, проходя в квартиру. Ему, как поняла Вероника, не требовалось приглашение.

— Вы могли хотя бы предупредить, что собираетесь приехать, — недовольно протянула Елена, идя за майором. — Проходите в гостиную, прямо. Нас могло не быть дома!

— Преступники же не предупреждают, когда убивают, — холодно ответил ей Олег. Наверное, он хотел пошутить, но у него, как подумала Вероника, вышло неудачно.

— Полицейский юмор, да? — поджав губы уточнила Елена.

— Именно.

— Присаживайтесь, — вздохнула она. — Чай, кофе или воды? — спросила, застывая в дверях.

— Ничего не нужно, — покачал головой Воронцов, отвечая за них двоих. — Мы хотели бы поговорить с Вами и с Вашим мужем вдвоем.

— Хорошо, я схожу за ним, — кивнула Елена и скрылась в коридоре.

Их не заставили долго ждать, уже через несколько минут в комнату стремительно вошел Богдан Маркович, на ходу завязывая галстук. За ним следовала Елена, неся в руках пиджак мужчины и его кожаный черный портфель.

— Доброе утро, — кивнул мужчина, присаживаясь в низкое кожаное кресло ярко-оранжевого цвета, без подлокотников и на металлических ножках. — Мы могли бы ускорить нашу встречу, мне нужно на работу?

— Я прошу Вас ознакомиться и поставить подпись вот на этом документе, — произнес Воронцов, доставая из внутреннего кармана пальто скрученный в трубу лист бумаги с печатью полицейского отделения и его подписью.

— Что это? — озадачено спросил Богдан, переводя встревоженный взгляд на жену.

— Не смотри на меня, я бухгалтер, а не юрист, — фыркнула она, сложив на груди руки.

— Добровольное письменное согласие на разглашение необходимых для следствия сведений из Ваших разговоров с психологом, то есть Вероникой Александровной, — объяснил майор, протягивая мужчине бумагу.

— Когда это ты успел обзавестись психологом? — нахмутив темные брови спросила Елена, смотря на мужа с негодованием.

— Не твое дело, — огрызнулся он, переводя взгляд на Веронику Александровну. — Мне стоит это подписать.

— Это только Ваше право, — ободряюще улыбнулась она мужчине. — Но вы можете быть уверены, Богдан Маркович, что следствию я предоставлю лишь Ваш психологический портрет и мое личное мнение, как психолога, не более, — пожала плечами Вероника. — Все подробности нашего разговора останутся между нами, уверяю!

— Хорошо, — кивнул Богдан, доставая из кармана пиджака, что висел на спинке, авторучку.

— У меня к вам с женой есть еще пару вопросов, — произнёс Воронцов, убирая подписанную бумагу обратно во внутренний карман.

— Могу я пока воспользоваться уборной? — улыбнувшись спросила Вероника, поднимаясь с дивана.

— Конечно, выйдете из гостиной и поверните налево, пройдите до конца коридора — справа будет гостевой туалет, а слева наш. Не перепутайте, — проговорила Елена, все еще стоя в закрытой позе. Женщине явно не нравилось все происходящее, ее очень напрягло

присутствие в ее доме полицейского и девушки, с которой ее муж открыто обсуждает их супружескую жизнь и не только.

Вероника быстро преодолела коридор, вот только намеренно потянулась к ручки левой двери. Внутри было очень просторно, свет зажегся автоматически, как только она открыла дверь. Плитка была ненавязчивого молочного и оливного цветов, у дальней стены стояла овальная глубокая ванна на серебряных скульптурных ножках. Справа от нее стоял обычный унитаз, а слева находилась квадратная раковина с тумбой, над которой висело большое круглое зеркало с подсветкой. Здесь не было ничего необычного, Вероника даже не знала зачем вообще сюда зашла и что могла здесь увидеть. Выходя, ее внимание привлекла высокая плетеная корзина в форме цилиндра. На ее бортике висела черная оверсайзная толстовка с Человеком-Пауком во всю грудь, которая показалась девушке очень знакомой.

Гениальная мысль в голове женщины рождается так же внезапно, как и иррациональное желание спустить всю свою зарплату на сумку из новой коллекции *Prada*. Вероника не задумываясь вышла из ванной комнаты и вернулась обратно в гостиную, где ее ждали майор Воронцов, о чем-то беседующий с Богданом Марковичем, и Елена. Женщина стояла у окна и смотрела во двор. Сейчас ей было просто необходимо проверить свою теорию, хотя, как психолог, она не имела права самовольно лезть в личную жизнь пациента, пока он сам не поведет ее в подробности. Но с недавних пор Вероника Александровна работает в полиции, а им, как известно, порой не нужен веский повод, чтобы копнуть поглубже.

— Вероника Александровна, у Вас что-то случилось? — спросил Олег, переводя на девушка обеспокоенный взгляд. Вероника не видела себя в зеркало и не знала, как она выглядит глазами майора. Ее щеки горели, глаза светились и о спасательной улыбке она совершенно забыла.

— Не-ет, — протянула она, качая головой для убедительности. — Просто вспомнила, что совсем забыла!

— О чем Вы забыли? — нахмурившись спросил Воронцов, потеряв всякий интерес к своему собеседнику. Богдан и Елена переглянулись, оба не понимали, что происходит и почему поведение спокойной и уравновешенной женщины поменяло полярность за считанные минуты, что она провела в их ванной.

— У меня сегодня занятия...по йоге, — через силу улыбнулась Вероника Александровна. Сейчас все ее мысли были заняты лишь дурацкой толстовкой с Человеком-Пауком и зацепкой, что она возможно смогла найти. Женщине нужно было, как можно скорее, покинуть квартиру супругов Толстых и поехать к маме Ази.

— По йоге? — с сомнением спросил Воронцов, это не понятное слово ему ни о чем не говорило. — Любите сидеть на гвоздях? — решил предположить он.

— Это называется *садху*, — произнесла Елена, складывая на груди руки. — Йога — это система физических упражнений, способствующих обретению гармонии со своим физическим телом и душой, один из методов самопознания.

— О, да, Лена три раза в неделю ходит на йогу, — кивнул Богдан, соглашаясь с женой.

— Это помогает почувствовать себя обновлённой, — с блаженной улыбкой на устах произнесла женщина, ее плечи расслабились, а сама она выдохнула с несвойственным ей облегчением.

Майору понадобились все его железные нервы, чтобы остаться безмолвным относительно данной темы. Мужчина не разбирался в подобных шарлатанских учениях, что помогают бездельникам обманывать и наживаться на богатых, решивших разбавить свою

рутинную жизнь новым хобби. Например, таких, как Елена. Она бы лучше, чаще проводила время со своим мужем и пыталась спасти их брак, а не открывала очередную чакру, думал майор.

— Вероника Александровна, я думаю, — начал мужчина, переводя взгляд на женщину. Вернее, на пустое место, где раньше стояла Вероника.

Пока Елена рассказывала о своих занятиях йогой, так удачно отвлекая майора, Вероника потихоньку вышла из квартиры, тихо прикрыв за собой дверь. Она прошла мимо лифта, нашла дверь, ведущую на аварийную лестницу, и начала быстро спускаться вниз, на ходу вызывая такси. Пока она спустилась на первый этаж и прошла мимо паренька, даже не сказав: «До свидания», такси уже ожидало ее у главного входа в здание.

— Добрый день, — произнесла Вероника, открывая заднюю дверь такси. — Стриптиз-клуб «Цветник», побыстрее, будьте добры! — сказала она, садясь в машину.

В этот момент на улицу буквально выбежал майор Воронцов, еще в самом начале их разговора заподозривший неладное. Он не привык доверять людям и не напрасно, как оказалось. Олег даже не сомневался в правильности своего решения, когда быстро попрощался с Богданом и Еленой, покидая их квартиру. Вероника Александровна соврала ему, ложь он презирал больше всего остального. Мужчина быстрым шагом направился к своей машине и, не теряя ни секунды, повернул ключ зажигания и, стараясь держаться на достаточном расстоянии, чтобы не быть обнаруженным, но и не потерять машину такси из виду, поехал следом за Вероникой.

Олег даже не удивился, когда вместо йога-клуба или куда там ходят заниматься самопознанием, такси остановилась прямо напротив стриптиз-клуба «Цветник». Воронцов был наслышан об этом заведении — разврат, богатые озабоченные клиенты, разбрасывающиеся деньгами направо и налево и, конечно, наркотики. Но, к сожалению, у него не было полномочий закрыть данное заведение, как и ни у кого в городе. Клуб находился под защитой очень влиятельного человека, вора в законе, Князева Демида Андреевича. О нем ходили легенды, даже в те времена, когда еще был жив отец Олега.

Мужчина припарковался неподалеку, вышел из машины, медленно направился к главному входу в клуб. Он видел, как Вероника Александровна проскочила внутрь, а охранники и взглядом не повели, пропуская ее без всяких вопросов. В этот момент майор еще больше разозлился, внутри него начал закипать вулкан из ярости, гнева и ненависти. Теперь он понял о какой *крысе* говорил Сан Саныч, неужели бывший прокурор Смолин был настолько ценной пешкой на шахматной доске, что его, Олега, решили убрать так быстро, еще и с помощью какой-то бабы.

— Заведение закрыто, — проговорил грузный охранник в черном классическом костюме и белой рубашке. На груди у него висел бейджик с именем «Влад», а за лапами пиджака скрывался пистолет в кобуре, что висела под грудью. И что-то подсказывала Олегу, что оружие было точно не игрушечным, а огнестрельным.

— Да ладно, парни, — усмехнулся Воронцов, делая шаг вперед. В этот же момент два охранника закрыли вход в клуб своими спинами, смотря на майора предупреждающим взглядом.

— Иди отсюда, мужик, — покачав головой произнес второй. — Для таких как *ты* клуб работает в среду и субботу с десяти вечера до четырех утра.

— Никому не нужны проблемы, — поддержал напарника первый.

Олег и бровью не повел, развернулся и направился обратно к машине. Ничего, он подождет Веронику Александровну снаружи. Рано или поздно она выйдет и направится к тому, на кого работает. И если не сегодня, то в скором времени Воронцов точно ее поймает и тогда она пожалеет, что появилась в его жизни.

Вероника беспрепятственно вошла в клуб и сразу же пошла к лестнице, ведущей на второй этаж, который занимали VIP-комнаты и большой кабинет мамы Ази. Она прошла мимо бармена — молодого мужчины с пирсингов на правой светлой губе и подкрашенными черным карандашом глазами. В светлых волосах Аркадия, который просил называть себя «Кад» и никак иначе, появилось несколько новых цветных прядей — еще месяц назад они были синими, а сегодня красные. Он весело присвистнул, когда Вероника Александровна прошла мимо. На сцене девушки уже всю готовились к вечернему шоу, две брюнетки одновременно крутились на шесте, выгибаясь и управляя собственным телом словно змеи.

— Вероника! — удивлено и одновременно радостно воскликнула Азалия Аврамовна, застывая на последней ступени лестницы. Вероника остановилась на первой ступени, улыбнувшись. — Какими судьбами, цветочек мой? Так рада тебя видеть, после того случая я волновалась и...

— Я к Вам по делу, Азалия Аврамовна, — ответила Вероника, смотря, как темноволосая женщина аккуратно спускается по винтовой лестнице из черного мрамора без перил. Сегодня на ней был обтягивающий красный кожаный комбинезон, замок на груди которого был полностью расстегнут, открывая вид на большую грудь Мама Ази. Её икры туго обхватили любимые высокие лакированные сапоги на пятнадцатисантиметровой тончайшей шпильке.

— Какие же у тебя ко мне могут быть дела, Вероника? — заинтересованно протянула она, беря меня под локоть. — Шампанское, мартини, виски? — предложила Мама Ази, ведя меня к бару.

— Сок, — улыбнулась.

— Ка-ади, милый, налей Веронике Александровне персиковый сок! Мне как обычно, — крикнула она бармену, ведя меня в сторону диванов. — Я слушаю, мой цветочек.

— Моя просьба-а, — начала замявшись.

— Не помню, чтобы ты мялась, — хмыкнула Азалия Аврамовна, поудобнее устраиваясь на диване — облакачиваясь на кожаную спинку и вытягивая ноги.

— Мне нужно видео с камер наблюдения со вчерашнего утра, — набравшись смелости произнесла девушка. — А именно тот отрезок, когда мы с Вами шли по коридору.

— У тебя что-то пропало? — спросила женщина, сведя темные густые брови к переносице.

Кад поставил на низкий стеклянный столик перед нами высокий стакан с персиковым соком и рюмку текилы с кусочком лайма. Вероника покачала головой, ответив:

— Нет, это необходимо для моей новой работы.

— И кем же ты теперь работаешь, мой цветочек? — спросила мама Ази.

— Помогаю полиции разобраться в одном убийстве, — вздохнув призналась Вероника, ожидая, какую реакцию даст женщина.

Азалия Аврамовна усмехнулась, потом, взяв со стола рюмку текилы и, запрокинув голову, осушила ее, закусила мякотью лайма. Женщине потребовалось всего пару секунд, чтобы перевернуть информацию. Она засмеялась, увидев озадаченное лицо Вероники:

— Ну, раз, так надо, — пожала она плечами, поднимаясь на ноги. — Тогда пошли!

Кабинет Азалии Аврамовны был огромным и занимал практически половину второго этажа. Внутри, кабинет представлял собой полукруг, одна из стен которого была полностью стеклянной, большую часть времени оставаясь зашторенной тяжелыми бархатными шторами глубокого бордового оттенка. Напротив, у противоположной стены, стоял небольшой письменный стол из красного дерева на высоких резных ножках, напоминающих лапы льва. Вместо рабочего кресла на колесиках, Азалия Аврамовна предпочитала сидеть в большом квадратном кресле с невысокой стеганной спинкой, обтянутое кожей, имеющей цвет красного вина. На стенах, обклеенных обоями гранатово-красного оттенка, висели картины в тяжелых позолоченных рамах, на которых женщина была изображена со своими девочками, сыном и президентом России, конечно, подобная картина была лишь воображением самой мамы Ази.

На полу, в центре комнаты, лежал большой овальный ковер с затейливым орнаментом и коротким ворсом. Под потолком висела люстра из позолоченного металла. Хрустальные прямоугольники, соединяясь друг с другом, образовывали три круга разного диаметра, что переливались всеми цветами радуги, при попадании на них света, благодаря центральной лампе у основания люстры.

— Проходи, цветочек мой, — произнесла Азалия Аврамовна, открывая дверь своего кабинета из красного дерева, на которой были вырезаны цветы: бутоны мака, розы, ирисы, орхидеи и хризантемы.

Женщина вошла в кабинет и стук ее каблуков сразу заглушил ворс ковра. Она прошла к своему столу, на котором стоял монитор от известного бренда — последнее слово техники. Мама Ази наклонилась над клавиатурой и быстро открыла необходимую программу, своевременно введя код безопасности.

— Напомни мне, Вероника, какой временной промежуток тебе нужен? — спросила она, поворачивая ко мне голову.

— Я приехала к Вам около десяти, — задумчиво проговорила, подходя ближе.

— Угу, ищу, — кивнула женщина, поджав губы, покрашенные матовой алой помадой.

— Почему Вы так просто даете мне доступ к видео с камер наблюдения и даже не просите ничего взамен? — озадаченно спросила Вероника Александровна, останавливаясь у противоположной стороны стола.

— Есть две причины, — пожав плечами ответила Азалия Аврамовна, опускаясь в кресло. — Я точно знаю, что мои девочки тут ни при чем и видео с камер это докажет, — уверенно произнесла она, смотря Веронике в глаза.

— А что второе? — спросила Вероника, веря каждому слову этой сильной и независимой женщины, которая оберегает дорогих ей людей и верит в их непричастность несмотря ни на что.

— Если полиция заявится сюда с ордером — у меня будут проблемы, — усмехнулась женщина, пожимая плечами. *Мой друг* в последнее время стал острее реагировать на все, что связано с твоими новыми коллегами. А проблемы никому не нужны, в том числе и тебе.

— Бойтесь за мою жизнь, — засмеялась Вероника, не воспринимая всерьез слова мамы Ази.

— Тебя знают в наших кругах, уж слишком много информации в твоей красивой

головке, — покачала головой женщина, не отрывая от меня взгляда своих черных глаз. — Пока ты никому не мешаешь — можешь ходить и не оглядываться, но если сольёшь полиции информацию...

— Я не стукач, — покачала головой, наклоняясь вперед и опираясь ладонями о лакированную столешницу стола.

— Это пока, — поджав губы ответила Азалия Аврамовна и повернула ко мне монитор с четким цветным изображением. — Этого парня ищешь?

— Вы его раньше здесь видели? — спросила, вглядываясь в изображение. Толстовка была идентична той, что я видела в квартире Толстых, вот только лицо под капюшоном невозможно было разглядеть.

— Я нет, мои мальчики — возможно, — пожала плечами женщина. — Мне нужно что-то знать или...

— Вашим девочкам ничего не угрожает, — покачала головой, отрывая взгляд от изображения и поворачивая голову к Азалии Аврамовне. — Мне нужно поговорить с Миланой.

— У нее через двадцать минут выступление, — ответила женщина. Она явно не хотела, чтобы Вероника общалась с ее лучшей танцовщицей, еще и наедине.

— Это не займет много времени, — пожала в ответ плечами Вероника Александровна, направляясь к двери.

У Миланы, как у главной звезды «Цветника», были привилегии, одна из них — отдельная примерная, размером больше напоминающая целый магазин с одеждой, которой у девушки было хоть отбавляй. Внутри было светло, искусственный свет лился практически из каждой дырки, куда были понапиханы светильники, торшеры, светодиодные ленты и огромные зеркала с подсветкой. Вся комната была отделана в ярко-розовых и фиолетовых тонах, у одной из стены стояли напольные вешалки в длинный ряд, которые были полностью забиты блестящими нарядами. У противоположной стены стоял белый туалетный столик с персиковым пушистым пуфиком, на котором сидела Милана в полупрозрачном белом халатике в кружевной комбинации того же цвета и нежно-розовых пушистых тапочках на небольшом каблуке.

— Милана, добрый день, — произнесла Вероника, заходя внутрь и плотно закрывая за собой дверь. Она брезгливо сморщила нос, внутри пахло ужасно сладкими духами, от которых у женщины защипало в носу.

— Вероника Александровна? — удивленно воскликнула девушка, ее аккуратные светлые бровки взлетели к линии волос. — Мамми не говорила, что у нас с Вами запланирована встреча, — произнесла она, поворачиваясь к ней лицом.

— Я по другому вопросу, — ответила женщина, выходя в центр комнаты.

— Простите, но я не даю уроки, — усмехнувшись ответила малолетняя пигалица с ангельским лицом.

— Я зарабатываю на жизнь, пользуясь своими мозгами, — в той же манере ответила Вероника, сдерживая смехок, когда с лица Миланы исчезла самодовольная улыбка. — Поэтому, уроки танцев на шесте — мне ни к чему, — пожала она плечами, присаживаясь на малиновый диван в форме губ, скрещивая ноги и снимая с плеч пальто.

Вероника только сейчас заметила, насколько внешне Милана была не похожа на Елену, они были полными противоположностями друг друга. Ультрамариновые глаза молоденькой

девушки, которой совсем недавно исполнилось всего двадцать три, горели. В них не трудно было прочесть насколько раскованно и комфортно она чувствует себя в жизни, которую проживает. Молодая, с фарфорового цвета кожей, небольшой аккуратной грудью и длинными ногами, она могла дать фору не то, что взрослой женщине, перешагнувшей порог сорока пяти лет, но и своим ровесницам. Пухлые розовые губы, острые скулы и платинового цвета волосы делали ее самой настоящей принцессой из сказки, мечтой для многих мужчин. Не было ничего удивительного в том, что Богдан обратил на нее свое внимание. Вот только, что эта молодая и красивая девушка, которая еще не познала дефицита внимания, нашла во взрослом неуверенном в себе мужчине, который так крепко был привязан к своей семье.

— Я задам всего пару вопросов и как только получу на них честный ответ — уйду, — пожалала плечами Вероника Александровна, оглядывая комнату, замечая по правую руку от себя небольшой столик с закусками, выбор которых удивил женщину, и бутылки с питьевой водой и соком.

— Задавайте, — пожалала плечами Милана, поглаживая подушечками пальцев камешки бриллиантов в своем колье, что висело на ее шее. Квадратные камни, скрепленные между собой в ровную змейку, держали эффектную каплю розового сапфира, что красиво лежала в ложбинке между грудей девушки.

— Какое у Вас красивое колье, — протянула Вероника Александровна, смотря прямо на длинную лебединую шею Миланы. — Белое золото, настоящие бриллианты и розовый сапфир, который так же называют «*Падпараджа*». Знаете перевод?

— Не-ет, — покачала головой девушка, инстинктивно прикрывая ладонью драгоценный камень.

— Подобный цветку лотоса, — улыбнулась Вероника. — Очень поэтично, не правда ли?

— Правда, — кивнула девушка, сглотнув.

— Такой подарок способен сделать не каждый... *мужчина*, — задумчиво протянула Вероника Александровна, поднимаясь на ноги, оставляя свою сумку и пальто лежать на диване. — Не каждой женщине...

— Не понимаю к чему Вы клоните, — тихо проговорила Милана, хмуря лоб.

— Я плавно подхожу к своему вопросу, — пожалала плечами Вероника, закидывая в рот соленую оливку из вазочки.

— Какому?

— Вам о чем-нибудь говорит имя Богдан Толстых? — спросила женщина, внимательно следя за реакцией девушки.

— Н-нет, никогда раньше не слышала, — покачала головой Милана, сжав в кулак левую ладонь, что до этого момента мерно лежала на колене.

— Хорошо, — кивнула Вероника, начиная медленно ходить по комнате, напряжение в комнате нарастало и Милана начинала заметно нервничать. — Я заметила, что ты перестала употреблять алкоголь, неужели ты решила отказаться от розового мартини и шампанского? — спросила женщина, смотря на себя в зеркало. Но периферийным зрением продолжала следить за реакцией девушки на свои слова.

— Проблемы со здоровьем, — сглотнув ответила девушка.

— Да, немного опухшие ноги трудно не заметить, — кивнула Вероника, поворачиваясь лицом к девушке. — Возможно, стоит перестать есть так много соленого, — пожалала плечами, кивая в сторону стола, полного разнообразных солений.

— Я учту, — сквозь зубы ответила Милана.

— Хорошо, что ты исключила из своего рациона и клубнику, она может поспособствовать развитию аллергии у ребенка, — кивнула Вероника, словно подтверждая собственные мысли. — Советую пить больше рыбьего жира и пробиотиков, — ободряюще улыбнулась она Милане.

— Я все еще не понимаю, о чем Вы говорите! — нервно воскликнула девушка, теряя самообладание. Она все еще старательно делала вид, что не понимает, к чему клонит Вероника Александровна, но с каждой минутой её уверенность в собственных актерских талантах улетучивалась.

— Лучше, конечно, обратиться к хорошему специалисту, — продолжала рассуждать Вероника, провоцирую девушку на эмоции. — А их, если честно, сейчас не так уж и много!

— Хватит! Прекратите...пожалуйста, — тихо добавила девушка, закрывая лицо руками. — Что Вы хотите знать, я расскажу! Все! Все расскажу, — пообещала она, тяжело дыша.

— Насколько хорошо ты знаешь Богдана? — спросила Вероника.

— Я расскажу, *всё*, но у меня есть условие, — проговорила Милана, смотря на нее глазами, полными слез. Веронику это не растрогало, она не верила подобного рода девушкам и их лживым слезам. Они еще в первый месяц работы у Азалии Аврамовны овладевали навыками манипулирования мужчинами, но Вероника не была мужчиной и уж точно не собиралась вестись на подобный развод.

— Какое же? — усмехнувшись поинтересовалась она у беременной танцовщицы.

— Я собираюсь оставить ребенка, — выдохнула она, обнимая себя за плечи. — У меня есть деньги, но нет связей. Мне нужен гинеколог!

— Хороших гинекологов сейчас полно, пойди в любую платную клинику и...

— Мне не нужен хороший, — покачала головой девушка. — Мне нужен *самый лучший!*

— И чем я могу тебе помочь? — немного озадаченная выдвинутым условием спросила Вероника.

— У Вас есть связи, я знаю, — уверенно произнесла девушка, больше не играя роль беззащитного белокрылого ангелочка с глазами, полными слез.

— Допустим, — не стала отрицать очевидное женщина. — И к какому же гинекологу ты хочешь попасть на прием?

— Русанова Алла Викторовна, — произнесла Милана, смотря на Веронику Александровну. — Слышали о ней?

— Еще бы, — усмехнувшись ответила женщина, стараясь скрыть свое удивление и... разочарование. — У нее запись на прием расписана на ближайший год!

— Два! — поправила ее девушка. — Я была у нее в клинике неделю назад, меня дальше ресепшна даже не пустили.

— Это *слишком большое* одолжение, тебе не кажется? — спросила Вероника, хотя понимала, что Милана вряд ли откажется от своего условия.

— Ваше право отказаться, — развела она руками в ответ. — Ну как, поможете?

— Помогу, — кивнула Вероника Александровна, не став затягивать с ответом. Ей побыстрее хотелось разобраться с этой историей и поехать в клинику, договариваться с Аллой Викторовной. Просить об одолжении она не любила, но сейчас Вероника была в безвыходной ситуации. Ей необходимо было узнать правду и что-то ей подсказывало, что именно Милана является тем алиби, которое может спасти Богдана от подозрений майора Воронцова.

— Мы познакомились с Богданом чуть меньше года назад, — начала говорить Милана, получив желанное согласие. — Кажется, он впервые был у нас в клубе, стоял в стороне и бросал в сторону сцены лишь короткие взгляды, словно боялся осуждения кого-то со стороны, — усмехнулась девушка, вспоминая вечер их знакомства. — Мы познакомились случайно, я выходила из клуба, таксист тупанул и подъехал к центральному входу. Там были два пьяных мужика, а охрана...не знаю, где были ребята. Эти двое начали приставать ко мне, а Богдан...он спас, правда его лицо немного пострадало, — она снова улыбнулась, поднимая взгляд на Веронику. — Я знала, что он был женат, — кивнула Милана, предугадывая следующий вопрос женщины. — В тот вечер он довез меня до дома, я попыталась его поцеловать и он сказал, что женат.

— Но тебя это не остановило? — вздернув бровь уточнила Вероника Александровна.

— Он уехал, я думала, что мы больше никогда не увидимся, — пожалала плечами девушка, отвечая.

— Почему ты была так уверена, что он не вернется?

— Богдан не был похож на тех мужчин, которые обычно приходили в клуб. Да, он был хорошо одет, ездил на дорогом автомобиле, но не был озабоченным взрослым мужиком, любителем поглазеть или потрогать молодое женское тело, — покачала головой Милана. — Но через неделю он снова пришел, дождался меня после работы, бог знает, сколько он стоял под дождем на улице у самого входа!

— Невозможно было не растаять, — с сарказмом протянула Вероника, она не собиралась скрывать своего осуждения, хоть и не имела на это особого права.

— Он красиво ухаживал, дарил цветы и подарки, — кивнула девушка, подтверждая ее слова. — Возможно, я поступила неправильно, аморально и недостойно, но...но я согласилась быть его любовницей.

— Не навсегда, конечно.

— Богдан сказал, что брак с Еленой — лишь формальность и он не любит эту женщину. Он заверил меня, что в семье его держит только сын и дело отца! — воскликнула Милана, сжимая в ладони драгоценный камень в форме капли. — И я пообещала подождать.

— Когда ты сказала ему, что беременна? — спросила Вероника, медленно идя к дивану. Девушка не успела ответить, в дверь постучали, а потом в проёме показалась голова молодого парня.

— Милан, твой выход через пять минут, — сказал он, не отводя взгляда от полуобнажённого тела девушки.

— Скажи мамми, что я еще не готова, пусть меня сдвинут на пару номеров, — ответила ему Милана, недовольно хмуря брови.

— Но...

— Закрыв дверь с той стороны! — рявкнула она совершенно не ангельским голосом и парень тут же ретировал, плотно закрыв за собой дверь.

Девушка смахнула прядь волос, что упали на лицо, облизнула губы и вернулась к разговору с Вероникой:

— Неделю назад, — выдохнула она, ей было неприятно вспоминать тот вечер. — Я взяла отгул, не пришла в клуб и попросила Богдана приехать. — Его реакция была...двойкой, не совсем мне понятной.

— Он предложил сделать аборт? — Вероника обязана была задать этот вопрос, хоть и

слабо верила, что мужчина способен на такой поступок. Он не показался ей жестоким.

— Нет, он очень обрадовался, но...,- Милана задумалась, сцепив руки в замок. — Пообещал, что расскажет все отцу, а пока снимет мне домик где-нибудь у моря. Он захотел, чтобы я уехала!

— Ты отказалась, — резюмировала Вероника.

— Здесь вся моя жизнь, любимая работа, а беременность, — Милана поджала губы, не в силах больше говорить об этом. Она так устала постоянно думать о будущем, а ведь теперь ей придется обеспечивать не только себя, но и ребенка. Девушка все еще до конца не верила, что Богдан сможет отказаться от семьи, хорошо, если хотя бы будет обеспечивать ее и малыша.

— В ночь на понедельник вы виделись? — спросила женщина, переходя к самому главному.

— Да, у меня была смена и он приехал, — кивнула Милана, прикусив губы. — Он был пьян, говорил о том, что его отец все знает. Пообещал решить все вопросы и в ультимативной форме сказал, что мне нужно уехать из города на время развода.

— Вчера утром...

— Да, Богдан снова приходил, — недовольно поджав губы кивнула Милана. — Уже трезвый, принес этот веник, которым и получил по морде, — она закатила глаза, поднимаясь на ноги.

— Ты действительно хочешь, чтобы он ушел из семьи? — спросила Вероника, поднимаясь следом. Она накинула на плечи пальто и взяла в руки сумку. В принципе ответы на все интересующие вопросы она уже получила.

— Богдан не уйдет, Лена сама его выгонит, — пожалала плечами девушка, выбирая наряд для выступления. Большинство из всей этой красоты за последнее время стала ей мала.

— Спасибо за честность, — кивнула Вероника Александровна, берясь за ручку двери.

— Не забудьте про свое обещание, — напомнила ей Милана.

— Сейчас же этим займусь, — кивнула Вероника, выходя в коридор и заказывая такси в приложении. Пока она шла к выходу из «Цветника», набрала номер клиники, владелицей которой являлась Русанова.

— Клиника женского здоровья «Фемина». Меня зовут Екатерина, чем могу Вам помочь? — послышался мелодичный приветливый голос в динамике.

— Мне бы хотелось записаться на прием к Алле Викторовне, — проговорила Вероника, выходя из клуба.

— Конечно, ближайшая свободная дата двадцать первое августа двадцать третьего года. Удобное для Вас это время? — уточнила девушка.

— Сегодня через двадцать минут, — ответила Вероника, открывая дверь машины такси.

— Но...

— Ладина Вероника Александровна, она меня примет, — сказала женщина и сбросила звонок. — Клиника «Фемида» и побыстрее, будьте добры!

Майор прождал чуть меньше часа, прежде чем увидел, как Вероника Александровна выходит из здания клуба и садится в подъехавшее такси. Он медленно тронулся, стараясь держаться на приличном расстоянии от движущегося по проезжей части автомобиля. Олег понятия не имел, куда следует женщина, но это интересовало его гораздо меньше, чем целое полицейское расследование, которое он развернул в своей голове. Мужчина вспомнил все разговоры, попытался уловить хотя бы какой-то намек в словах Вероники о ее задании. Все это заставляло ненавидеть и презирать эту умную и красивую, но лживую женщину больше с каждой секундой.

Наконец машина такси подъехала к загороженной высоким кованым забором территории, на которой располагался центр женского здоровья «Фемида». Клиника представляла собой двухэтажное белокаменное здание в виде буквы О, в центре которого располагался небольшой парк со стеклянным куполом. Даже в холодное время года в нем было тепло, росло большое количество разнообразных растений, привезенных владелицей из своих путешествий, и вечнозеленый газон, на котором часто можно было увидеть группы женщин разных возрастов, занимающихся лечебной гимнастикой, йогой или проходящих психологические тренинги с лучшими специалистами центра.

Майор увидел, как Вероника Александровна опустила стекло и что-то сказала в домофон, через секунду ворота автоматически открылись, и машина такси въехала на территорию центра. Ворота практически сразу закрылись и возможности попасть внутрь, у Воронцова не оказалось. Тогда мужчина, логически рассудив, понял, что таким способом ему мало что удастся узнать о новой коллеге. Но, будучи майором полиции и начальником Особого отдела, у него было гораздо больше возможностей, нежели те, которыми он в действительности пользовался. Почему бы ему не сделать исключение для Вероники Александровны и собрать на нее подробное досье? Олегу уж очень захотелось познакомиться поближе с женщиной, что так внезапно появилась в его жизни.

— Здравствуйте, отдел Внутренних расследований. Вас приветствует виртуальный цифровой помощник *МВД18.2*, чем я могу Вам помочь? — раздался механический голос из динамика телефона.

— Майор Олег Михайлович Воронцов, запрос на получение личного дела Ладиной Вероники Александровны, — проговорил мужчина, смотря прямо на кованые ворота клиники, откуда выезжала машина такси, в котором приехала Вероника.

— Личный номер Вашего удостоверения для подтверждения, пожалуйста.

— *A-234597*, - ответил майор.

— Олег Михайлович Воронцов, дата рождения *14 ноября 1991 год*. Стаж службы — девять лет два месяца и двадцать четыре дня. В звании «*Майор полиции*» два месяца и десять дней. Подтвердите или опровергните данную информацию, — зачитал цифровой помощник фрагмент из личного дела майора.

— Подтверждаю.

— Ваш код доступа, — запросил механический голос.

— *854007*.

— Товарищ майор, Ваш запрос принят и отправлен на рассмотрение. Вас поставят в известность после одобрения, — произнес механический голос и отключился.

Вероника вошла в светлый холл клиники, потянув на себя одну из тяжёлых стеклянных дверей с матовым покрытием. Внутри было тепло и безлюдно. На ресепшене сидела молодая девушка с темно-русскими волосами, заплетенными в хитроумную косу на затылке. Женщина прошла к белоснежной стойке регистрации, к которой были прикреплены большие объемные буквы из желтого металла, составляющие слово «Фемида». Её шаги отдавались звонким стуком каблуков по мраморному белому полу с золотистыми прожилками.

— Добрый день, чем могу Вам помочь? — улыбнулась девушка, показывая белоснежные зубы, на ее бейджике было выгравировано курсивом имя *Екатерина*. Скорее всего эта та девушка, с которой Вероника разговаривала по телефону около получаса назад.

— Ладина Вероника Александровна, я звонила Вам...

— Да-да, конечно, — тут же закивала Екатерина, не дав женщине договорить. — К сожалению, Алла Викторовна сейчас на осмотре, но она просила подождать её в кабинете.

Девушка улыбнулась еще шире, выдавая Веронике Александровне одноразовый пропуск-карточку, который был необходим, чтобы пройти непосредственно в саму больницу, приложив ее к цифровой панели стеклянных распашных дверей с матовым покрытием. Они находились слева от стойки регистрации, справа от нее находились идентичные двери, но только для выхода из клиники.

— Хорошо, — кивнула Вероника, забирая из рук девушки пропуск.

— Если Вы подождете минуту, то я вызову сопровождающего, который проводит Вас до кабинета, — сказала Екатерина, потянувшись к смарт-часам на своем запястье, чтобы отправить запрос в приложение клиники, доступ к которому был только у сотрудников и пациентов центра.

— Не стоит, я найду дорогу, — кивнула Вероника Александровна, проходя к дверям и прикладывая одноразовый пропуск к панели, на которой в синем мигающем кружке находился закрытый замочек. Если пропуск был действителен — замок открывался и разблокировал двери. После выхода из центра, пропуск необходимо было бросить в специальный контейнер, который отправит его на переработку.

Вероника шла по белоснежному, ярко освещенному, просторному коридору клиники, который мягко закруглялся, образуя в конечном счете кольцо. Кабинет Главврача центра находился на втором этаже и представлял собой овал со стеклянным куполом, вместо крыши. Дверь была не заперта, поэтому Вероника Александровна свободно зашла внутрь, попадая в просторный кабинет, интерьер которого был выполнен в стиле минимализма. Простые белые стены, лишённые декора и вычурных узоров. Лишь на двух, противоположных друг другу, стенах висели картины в стиле конструктивизма. Посередине кабинета, прямо в центре купола, стоял небольшой квадратный стол с мраморной столешницей и небольшое квадратное кожаное кресло с высокой спинкой черного цвета, и с металлическими подлокотниками, которые плавны переходили в ножки. По другую сторону стола стояли два аналогичных кресла только из белой кожи. В кабинете не было цветов, ненужных торшеров или светильников, лишь тонкие, почти незаметные при дневном свете, светодиодные ленты над плинтусом и по периметру потолка, которые начинали работать лишь в темное время суток. Даже шкафы для хранения документов и верхней одежды были спрятаны в стену, дверь которых появлялась благодаря легкому нажатию руки. Все в кабинете Русановой было продуманно до мельчайших подробностей, которые женщина прорабатывала сама, когда работала над архитектурой здания и декором каждой комнаты.

— Ничего не изменилось, — хмыкнула Вероника, занимая кресло, обтянутое белой кожей и смотря на блестящую поверхность стола, не обремененную никаким лишним декором. На столе не было фотографий или памятных вещей и статуэток. В правом углу стоял лишь тонкий прямоугольник, на экране которого высвечивалось время, дата и погода.

Вероника прождала недолго. Не более, чем через десять минут дверь кабинета открылась и внутрь зашла красивая женщина в платье миди с треугольным вырезом насыщенного изумрудного цвета, как и её глаза. Поверх которого был надет белоснежный халат с вышитыми на правой груди черными нитками фамилией и инициалами «*Русанова А.В.*». Карамельные волосы женщины были уложены в низкий пучок, на ее красивом лице почти не было косметики. Она улыбнулась бледными губами и села в своё кресло, положив на стол ежедневник в твердом кожаном темно-синем переплете, в нижнем левом углу которого тоже были выведены позолоченными буквами её фамилия и инициалы.

— Рада тебя видеть, — продолжала улыбаться Русанова, смотря на девушку, словно в зеркало. Она не могла избавиться от мысли, словно смотрит на саму себя, только двадцать семь лет назад. — Я было очень удивлена, когда мне сказали о твоём намерении приехать.

— Я не планировала приезжать, — вздохнув ответила Вероника, облачиваясь на спинку кресла. — Так сложились обстоятельства.

— И почему каждый наш разговор постоянно начинается с загадочной фразы, — усмехнувшись задала риторический вопрос Алла Викторовна.

— Возможно, я научилась этому у тебя, — пожала плечами девушка, усмехнувшись.

— Я по натуре загадочна, — в тон ей ответила Русанова, сцепляя руки с аккуратным, практически бесцветным маникюром, в замок. — Так что же это за повод, что не мог подождать хотя бы до выходных?

— Не люблю откладывать на завтра то, что могу сделать сегодня, — ответила Вероника, отведя взгляд.

— Теперь я поняла почему ты тянешь! — весело протянула женщина, усмехнувшись. — Тебе что-то от меня нужно. О боги, неужели я дожидая до этого дня!

— Ха-ха-ха, — недовольно закатила глаза Вероника, вздохнув. — Но ты права.

— И какая же услуга тебе нужна? Говори, я жду с нетерпением, — хитро прищурилась Алла Викторовна, показательно потирая ручки.

— Я прошу тебя взяться за ведение беременности одной девушки, — сказала Вероника, смотря в зеленые глаза Русановой. Женщина, услышав подобное, тут же изменилась в лице, недовольно поджав губы. — Пожалуйста..., *мама...*

Алла Викторовна, вздохнув, устала облокотилась на мягкую спинку кресла. Только в присутствии двоих своих самых близких людей она могла показать, насколько устала, насколько тяжело ей дается каждодневная работа, которая занимает практически все свободное время. Женщина никогда бы не отказала дочери в её просьбах, но она, к сожалению, была всегда самостоятельной и не нуждалась в помощи. Русанову, это не обижало, она гордилась, что маленькая девочка с зелеными глазами и карамельными волосами, которые она давно уже не заплетала в косы, превратилась в прекрасную женщину.

— Это не то, о чем можно так просто попросить, — покачала головой женщина, крутя на безымянном пальце правой руки единственное украшение — простое кольцо из желтого золота.

— Не думала, что ты *так просто* мне откажешь, — пожалала плечами Вероника, скопировав манеру и интонацию Русановой.

— Не нужно тренировать на мне психологические приемы, я твоя мама, а не преступник, — произнесла Алла Викторовна, потянувшись за ежедневником.

— Ты уже знаешь, — хмыкнула себе под нос девушка, она не ожидала, что мама так скоро узнает о ее новой работе. Нет, Вероника не собиралась скрывать, что теперь работает в полиции психологом-консультантом, она хотела оттянуть тот момент, когда мама узнает о том, *с кем* она работает.

— Спасибо твоему *отцу*, — недовольно проговорила женщина, заставив Веронику удивленно округлить глаза. В отличии от девушки, Русанова никогда не отрицала тот факт, что отцом ее дочери является именно полковник Радов, который на момент их знакомства был всего лишь в звании капитан. Алла уже давно не держала никаких обид, ненависть прошла так же скоро, как и придуманная когда-то любовь. Когда становишься старше понимаешь, что жизнь слишком коротка, чтобы тратить её на ненависть или любовь к кому-то, кому это попросту не нужно.

— Как мило с его стороны, — закатила глаза Вероника, мысленно отправляя проклятия в адрес биологического отца.

— Ника! — воскликнула Алла Викторовна, поднимая глаза от ежедневника. Ее время было расписано по минутам.

— Серьезно, мама? — иронично приподняла бровь девушка, смотря на Русанову с непониманием. — После всего, что он сделал, ты еще его защищаешь?

— Он ничего не сделал, — покачала головой Алла, смотря в зеленые глаза дочери. — И даже, если Саша не был хорошим и правильным отцом, о котором ты мечтала, это не делает его плохим человеком. Это не значит, что он *тебя не любит*.

Русанова понимала боль и отчаяние, которое испытала маленькая девочка, ждущая отца, который так и не приходил. Разве могла она судить Веронику, когда сама плакала по ночам в надежде, что завтрашним утром он постучится в дверь и останется с ними навсегда. Люди разочаровывают, со временем осознаешь и привыкаешь к данному факту, но лишь со временем. Время, как не странно, все-таки лечит.

— У меня есть *papa*, — выдавила Вероника, хмурясь. — И я больше не желаю продолжать этот разговор!

— Как хочешь, — пожалала плечами Алла Викторовна, старательно пряча улыбку. Да, у Вероники и вправду был папа, который любил её всем сердцем, хоть она и не была его биологической дочерью. *Коля*. Русанова никогда бы не подумала, что мужчина из пресловутых женских романов, мелодрам и детских сказок все-таки существует. Возможно, в этой жизни она сделала не один хороший поступок, раз встретила его.

— Что начет моей просьбы? — спросила девушка минуту спустя, тишина действовала ей на нервы, с мамой она ссорится не хотела.

— У меня есть свободное окно в пятницу в пять вечера, — ответила Алла Викторовна. — Но это будет стоить в полтора раза дороже, у твоей клиентки есть такие деньги? — уточнила Русанова.

— Есть, — кивнула Вероника, хоть и не была до конца в этом уверена.

— Прекрасно, я сообщу Кате, что должна позвонить девушка по поводу приема в пятницу, — улыбнулась женщина, ставя пометку у себя в ежедневнике.

— Спасибо, — выдохнула Вероника, мама действительно оказала ей огромную услугу. — Я тогда пойду.

— Может, воспользуешься своей золотой картой VIP-клиента и посетишь СПА, сходишь на шоколадное обертывание? — лукаво улыбнувшись спросила Алла Викторовна.

— У меня нет такой карты, — хмыкнула девушка, мечтая оказаться на массаже в умелых руках Геннадия или Таксина.

— Ни у кого нет такой карты, — цокнув языком ответила Русанова. — У Таксина, кстати, сейчас есть свободный час, — как бы невзначай протянула она, подходя к дочери. — Давай, я возьму твою пальто и сумку, а ты воспользуешься моим гостеприимством.

— Это сли-ишком заманчивое предложение, — вздохнула Вероника, поднимаясь на ноги и позволяя снять со своих плеч пальто.

— От которого ты не в праве отказаться, — хмыкнула женщина.

Олег Воронцов влетел в отделение полиции, чуть не сбив с ног проходящую мимо молодую девушку, несущую в руках целую стопку закрытых дел в архив. Все окружающие, даже не знакомые с майором лично, поняли, что мужчина был не в лучшем своем настроении и старались быстро уйти с его пути. Воронцов открыл дверь своего кабинета и прошел внутрь, скинул пальто, повесил его на вешалку и сел за стол, на котором лежала небольшая стопка личных дел всех сотрудников его отдела. Конечно, личного дела Вероники Александровны там не было, что разозлило его еще больше.

Олег не хотел принимать в расчет то, что его поспешная и слишком эмоциональная реакция на предполагаемое предательство женщины, с которой он знаком все пару дней, выглядит довольно странно и, по сути, должна натолкнуть майора на кое-какие мысли. Возможно, все дело в последних месяцах, которые круто изменили жизнь мужчины. О нем узнала почти вся страна, после того, как Воронцов раскрыл громкое дело о коррупционере Смолине, который был прокурором Москвы. Мужчина получил новое звание и стал начальником отдела, что тоже было немаловажно в его карьере. В личной жизни мужчины, в отличие от шторма на работе, был штиль. Олег никогда не задумывался о создании семьи, после смерти отца, а потом и матери, он потерял веру в родственные связи. Ему было трудно подпускать к себе людей, а пускать кого-то на свою территорию, в сердце и разум, казалось для него чем-то из разряда фантастики. У майора были отношения, но все они мигом заканчивались, если вдруг женщина поднимала тему свадьбы и рождения детей. Воронцов не видел себя мужем, отцом и семьянином, который будет приходить домой в семь, а по выходным водить детей в парк или кино.

— Товарищ майор, — в дверь постучали, отвлекая Воронцова от размышлений.

— Входи, — разрешил мужчина и на пороге его кабинета появился стажер, держащий в руках маленькую белую флешку.

— Олег Михайлович, Еремей собрал информацию по Маргарите Толстых, как Вы просили, — проговорил парень, подходя ближе и кладя перед майором маленькую флешку.

— Для чего у Вас там стоит принтер, а в нем лежат бумаги? — недовольно спросил мужчина, решив выплеснуть свою злость на всех, кто сегодня попадетс ему под руку.

— Так ведь удобнее, — неуверенно тихо протянул парень, делая неуверенный шаг назад.

— Для меня или для вас? — уточнил Воронцов, постукивая ручкой по отполированной столешнице стола. — Через пять минут жду все в напечатанном виде, — хмуро проговорил

он, и не глядя взял верхнюю папку с личным делом сотрудника. — Задача ясна?

— Так точно, — быстро закивал стажер и покинул кабинет.

— Не команда, а черт-те что, — тяжело вздохнул мужчина, открывая папку и встречаясь с карими глазами девушки, чья фотография была приклеена в левом верхнем углу. — Зими́на Ксе́ния Деми́довна, — вслух прочел Воронцов. — Ма́ть Зими́на О́льга Рома́новна умерла в 2018 году, отец — неизвестен.

Ещё у Олега была дурацкая привычка, мужчина пропускал через полицейскую базу данных ДНК и отпечатков пальцев своих коллег или новых знакомых, чтобы узнать не причастны ли они к какому-либо ранее закрытому делу. Недоверие мужчины было настолько сильным, что он хотел знать каждую мелочь, даже самый незначительный факт из их жизни. Воронцов, не задумываясь, открыл свой ноутбук и, вбив свой код доступа, запустил процесс распознавания ДНК и поиск по отпечаткам пальцев.

— Не понял, — ошарашено произнес Воронцов, круглыми от удивления глазами, уставившись в экран ноутбука.

Олег с недоумением смотрел на результаты поиска и с каждый секундой все больше склонялся к тому факту, что программа неисправна. То, что увидел мужчина не могло быть правдой, если только...

В кармане штанов зазвонил телефон и Воронцов, наконец оторвав взгляд от экрана, посмотрел на дисплей мобильного телефона, на котором мигала надпись «Сан Саныч».

— Да, — ответил Олег и услышал недовольный, даже злой голос полковника Радова.

— Зайди ко мне, сейчас же! — проговорил он, старательно сдерживая себя, чтобы не прикрикнуть.

Воронцов быстро поднялся на ноги и вышел из кабинета, прихватив с собой папку с личным делом старшего лейтенанта Зиминой. Он прекрасно понимал, что только один человек мог предоставить ему объяснения, ведь только полковник мог скрыть данную информацию, не поставив в известность Олега. В последнее время, у Сан Саныча входила в привычку доставлять майору неприятности. Это не очень нравилось Воронцову, он начинал медленно закипать.

— Можно? — постучав уточнил майор, и заглянул в кабинет. Полковник сидел за своим рабочим местом и нетерпеливо барабанил подушечками пальцев по лакированной столешнице стола.

— Входи, Олег, — кивнул мужчина, следя за Воронцовым недовольным взглядом. Он никогда не смотрел на Олега подобным образом. Полковник был для него семьёй, другом, наставником, но не грозным начальником и уж тем более врагом. Майор никогда не задумывался над тем, что такого может произойти в их жизни, чтобы он почувствовал на себе весь гнев этого сурового мужчины.

— Хорошо, что ты меня позвал, как раз хотел кое-что с тобой обсудить, — начал было Воронцов, присаживаясь на стул и кладя перед собой папку, но Сан Саныч резко его прервал, подняв ладонь.

— Скажи, Олег, — начал мужчина, вздохнув. — Я хоть раз давал тебе повод, чтобы ты мог усомниться во мне или в принимаемых мною решениях?

— Не-ет, — недоумеваая ответил Воронцов, качая головой. Он понятия не имел, о чем говорит полковник.

— Тогда какого...ляда, Олег, ты за моей спиной запрашиваешь отчет по Веронике... Александровне, — строго спросил Радов, постепенно начиная злиться и повышать голос.

— Не понимаю, как первое и второе могут быть связаны, — честно признался мужчина, приподнимая светлые густые брови.

— Разве не помнишь, — не по-доброму усмехнулся Сан Саныч, задавая, скорее, риторический вопрос. — Это я пригласил Веронику Александровну поработать в нашем отделе и мне не понятно, почему у тебя возникают вопросы по поводу её *прошлого*, — объяснил Радов.

— Мне просто нужно проверить кое-какую информацию, лично для себя, — пожал плечами ответил Воронцов. Мужчина искренне не понимал, что заставило полковника так занервничать, он всего лишь хотел убедиться в своих подозрениях или опровергнуть их.

— И какую же информацию ты хочешь проверить? — поджав губы недовольно спросил Радов.

— Сейчас это не имеет особого смысла, — уклончиво ответил Олег, еще рано было говорить об этом с Сан Санычем.

— Да нет, самое время выставить меня идиотом! — рявкнул мужчина, с глухим стуком опуская ладонь на стол. — Зная тебя и твое недоверие по отношению к людям, Олег... не удивлюсь, если в твоей голове уже созрела теория вселенского заговора, — покачал он головой, успокаиваясь.

— Не понимаю, какая тебе разница, — пожал плечами Воронцов и, прищурился глазами, внимательно посмотрел на полковника. — Ну посмотрел бы я собранное на нее досье, убедился в своей неправоте и дело с концом. К чему весь этот разговор, — задумчиво протянул Олег, в его голове начали крутиться шестеренки и мысли пошли куда-то в совершенно сумасшедшем направлении.

— Я...,- начал говорить полковник, но его прервал звонок телефона на мобильный Воронцова. На экране высветился номер, по которому мужчина вчера звонил в отдел Внутренних расследований. Олег, недолго думая, принял вызов и переключил динамик на громкую.

— Добрый вечер, товарищ майор. Хотим уведомить, что на Ваш запрос Вы получили отказ. Причина — особый уровень доступа в связи с близким родством субъекта с полицейским служащим старше Вашего звания, — послышался механический голос в динамике. Как только цифровой помощник зачитал ответ, разговор автоматически был завершен.

Олег перевел задумчивый взгляд на недовольного полковника и внезапно к нему пришло озарения. Конечно, спустя столько лет, Воронцов и подумать не мог, что у Сан Саныча есть семья, о которой он не знал. Все дело в том, что на протяжении всех этих лет он прекрасно знал, что полковник Радов одинокий волк, который, если и не наслаждается одиночеством, то давно чувствует себя в этом состоянии комфортно.

— Она твоя дочь, — не спрашивал, утверждал Олег. Теперь все стало на свои места — поведение полковника во время их первой встречи с Вероникой Александровной, сегодняшняя реакция на его запрос и отказ в доступе, который расставил все на свои места. — Не могу поверить, — покачал головой Воронцов, все еще ошарашенный подобным открытием.

— Эта не та тема, на которую я хотел бы говорить, — ответил мужчина, опустив глаза на свои сцепленные в замок руки. Плечи его были напряжены, да и сам полковник выглядел бледно. Этот разговор доставлял ему сильный дискомфорт, он привык скрывать свою личную жизнь и существование дочери, хоть и считал Олега своим *сыном* он никогда не собирался рассказывать ему о Веронике.

— Я думал, мы семья, — проговорил Олег, почему-то он чувствовал себя обманутым.

— Семья, но Вероника...Александровна это другое, — покачал головой Сан Саныч. — Я просто надеюсь, что теперь все глупые необоснованные подозрения с нее сняты и вы спокойно продолжите работать над делом вместе.

— Ты точно все знаешь о ней? — спросил Воронцов не собираясь сдаваться так просто. Вопрос удивил Радова настолько, что тот поднял недоумевающий и даже испуганный взгляд на мужчину.

— Не понимаю, о чем ты, — покачал он головой.

— Я так понимаю, вы не близки, — протянул майор, заставив полковника недовольно

нахмурить брови. — Чем она занималась до работы в отделе, в каких кругах общалась, кто её пациенты...

— Олег...

— Нет, я не доверяю этой женщине, пусть она хоть трижды твоя дочь, — покачал он головой, складывая на груди руки. — Её дорогие вещи, машина, поведение, сомнительные места, в которые она ездит, люди, с которыми общается...

— Олег...

— Я хочу быть уверен, что она меня не подставит, — не унимался мужчина, у которого, кажется, напрочь сорвало крышу. — Я не хочу умереть от пули в спину, просто потому что не досмотрел, потерял бдительность. Не собираюсь умирать, потому что перешел дорогу хозяевам этой твари Смолина...

— Олег! — рывкнул Радов, снова ударяя ладонью по столешнице. — Прекрати сейчас же!

— Извини, — покачал головой Воронцов, потирая ладонями лицо. — Я...я не знаю, что на меня нашло.

Сан Саныч с минуты молчал, а потом тихо заговорил, смотря в окно на пасмурное серое небо:

— Это тяжело, жить с ощущением того, что любой может оказаться предателем, — вдохнув произнес мужчина. — Я всегда был один, одинокий волк, который никому не доверял, не верил в настоящую дружбу, братство, семью..., пока не встретил твоего отца. Миша был потрясающим человеком, добрее и справедливее которого я не знал, — Олег слушал внимательно, стараясь услышать каждое слово об отце, которого практически не помнил. — Чуть позже, я встретил молодую девушку, студентку медицинского, и влюбился. А я ведь даже хотел на ней жениться, — горько усмехнулся Сан Саныч, вспоминая дикие девяностые.

— Тогда почему не женились? — спросил Воронцов.

— Когда она забеременела, мы с твоим отцом только начали дело о распространении наркотиков, к которому местный бандит, Лютый, приобщал беспризорников, обычно это были детдомовцы, — полковник не хотел вспоминать те времена, когда он совершил главную ошибку в своей жизни. Жалел ли он? Скорее нет, чем да. — Веронике и года не было, когда наше с Мишей расследование начало приобретать очень опасный поворот и тогда я понял, что не хочу, чтобы моя дочь росла в этом жестоком мире. Чем дальше они были от меня, тем меньше шансов было, что они увидятся с людьми, которые могли причинить им вред.

— Она знает на что ты пошел ради нее? — спросил Олег, у него внутри все сжалось. Он чувствовал какую боль все эти годы носит внутри себя полковник.

— Нет и никогда не узнает, — покачал головой Сан Саныч понимая, что как бы не хотел уберечь дочь от жестокого мира, он все равно ее настиг.

Александр Радов, одинокий волк, который был воспитан в детском доме и знал лишь один способ, как добиться желаемого — сила. Будучи еще в звании капитана, почти тридцать лет назад, он познакомился с женщиной, который изменил его жизнь, перевернув все его представления о любви и семье с ног на голову. В девяностые он познакомился с Мишей Воронцовым, веселым, добрым и честным милиционером, который напоминал ему персонажа дядю Степу из детского стихотворения. Миша изменил его жизнь, показал, что такое семья, научил дружить и помог поверить в то, что быть одиноким — значит быть

слабым.

Сан Саныч никогда не рассказывал Олегу об отце, не потому что не хотел, а потому что не мог. Мужчина все эти годы винил себя в смерти лучшего друга, винил себя в том, что позволил другу пойти на ту встречу, которая была назначена именно ему. А ведь у Радова не было семьи, Вероника и Алла переехали, он почти не поддерживал с ними связь, отдалился от Миши и от его семьи в надежде, что никогда не испытает чувство потери. Это единственное, чего полковник Радов боялся больше всего на свете — потерять то, чего у него никогда не было и то, что подарил ему Миша. *Знание того, что он не один.*

Сейчас, когда он смотрит в глаза Олега, что так напоминает ему его лучшего друга, которому, по воле судьбы, не было суждено увидеть в какого мужчину превратится его мальчик, полковник, как никогда осознавал, что, прожив большую часть своей жизни, ему всё еще есть, что терять. Олег и Вероника, два абсолютно разных человека, но таких ценных для него. Его родная дочь, которой он причинил слишком много боли и крестный сын, которого на могиле отца он поклялся защищать.

Полковник Радов как сейчас помнит тот жуткий вечер, когда погиб его напарник, товарищ, друг, член его семьи...

Тусклый свет лампы освещал документы, лежащие на деревянном столе, стоящем у окна. На улице рано стемнело и резко похолодало, с неба хлопьями падал снег, заметая только с утра расчищенные дорожки. Осталось всего пара недель до Нового Года, Саша Радов обещал Алле прийти в костюме Деда Мороза и вручить маленькой Никуше, уже купленной женщиной, подарок. Миша был так рад, он до сих пор надеялся, что его лучший друг одумается и вернется в семью.

В тот вечер они засиделись допоздна, Саша все ждал, когда Воронцов поднимется со скрипучего деревянного стула, разомнет шею, как он обычно это делал, оденется и пойдёт домой к семье, к сыну, которому недавно исполнилось семь. Тогда он не знал, что его лучший друг уже знает о людях, с которыми он связался и о долге, который он должен вернуть.

— Тебя Люба не потеряет? — как бы невзначай спросил Саша, вчитываясь в материалы дела. *Очередной висяк, который уже третий в этом месяце. С каждым днем бандиты убивают всё больше, а подчищают за собой всё меньше.*

— Люба уже спит, — хмуро ответил Михаил, откладывая в сторону дописанный отчет и, сложив на груди руки, откинулся на спинку стула. *Тот противно скрипнул.*

— Тогда тем более, пора идти, — кивнул мужчина, не поднимая на друга взгляда.

— Ждешь, пока я уйду, чтобы подменить улики по виснякам? — стальным голосом спросил Воронцов, напряженно сжав челюсть. — Думаешь, что сделаешь дело и они отстанут от тебя, простят долг?

Саша напрягся, его ладони вспотели и стало тяжело дышать. Он никогда не врал другу, за столько лет не было ни разу, чтобы он хоть что-то утаил. Честность — это то, что он ценил в Мише больше всего на свете и то, к чему он так стремился.

— Не понимаю, о чем ты, — покачал он головой, закрывая папку с делом и завязывая ту на узел и тугой бантик. — Я уже собираюсь уходить.

— Не ври мне, Саш, — покачал головой Воронцов, прожигая друга осуждающим взглядом. — Я видел записку, которую ты выкинул.

— Копался в моём мусоре? — усмехнулся капитан Радов, поднимаясь и выключая лампу. *Теперь в кабинете стало еще темнее, горел лишь тусклый свет от лампы на столе*

Миши и лампочка под потолком, еще чуть-чуть и она перегорит.

— Твоего мусора стало так много, что он начал засорять все вокруг, — покачал головой Миша, поднимаясь на ноги следом за другом. — Прошу, расскажи мне всё, мы что-нибудь придумаем! — с нотками мольбы в голосе говорил мужчина, пристально смотря на друга. — Вместе, как семья!

— У тебя есть семья, Миша, — покачал головой Саша, не собираясь втягивать в свои дела друга. — Вот и возвращайся к ней, я не стою твоего времени и жертв, — вздохнул он, доставая из шкафа дубленку.

— ТЫ — моя семья, Саша! — крикнул Воронцов, подлетая к другу и хватая его за грудки. — И я никогда тебя не оставлю, слышишь!

И он позволил помочь, нырнуть в то же дерьмо, в котором варился сам. Он корил себя, но разве может скорбь, ненависть к самому себе и боль, будто с тебя живьем сдирают кожу, а потом заживо сжигают на костре, исправить хоть что-то. Жизнь человека, что был достоин дожить до старости и умереть, будучи седым морщинистым стариком, сидя в качалке и укрытый пледом, на крыльце своей дачи, которую он поменял на свою. Саша Радов, глупый испуганный мальчик, обреченный навечно остаться одиноким и расплачиваться за свои грехи. Именно таким полковник видел своё отражение в зеркале, именно такую судьбу он себе выбрал.

Наказание ли это божье, стечение обстоятельств, злой рок, проклятье, судьба...

Мужчина знал лишь одно — его вина, от которой нет спасения, его жизнь, что больше похожа на ад и его долг, который он выполнит ценой собственной жизни — это всё, что заставляет его просыпаться каждое утро и засыпать каждую ночь. Он умирает со светом луны и возрождается с лучами солнца. И это звучало бы поэтично, если бы не предательство, которое тяготит его уже долгие годы.

Она плакала, он видел, как красивая молодая женщина с золотистыми волосами, которые, будто в мгновение потеряли свой блеск, стояла у могилы мужа, а по её щекам текли тихие, безмолвные слезы. Её глаза говорили больше, чем слова, её слезы были водой, в которой она пыталась утопить свою боль. Боль, которую причинил ей самый близкий друг, крестный отец её сына, человек, которого она считала семьёй.

Они остались одни, все близкие, друзья, коллеги ушли, оставив жену в последний раз проститься с мужем. Мужчина был единственным, кто не смог сделать и шагу, его ноги будто вросли в землю. Казалось, что сама земля разверзнется, поглотит его и живьем похоронит рядом с другом, которого он убил.

— Прости меня, — прошептал Саша, аккуратно кладя руку на плечо Любы Воронцовой. Женщина медленно покачала головой, не отрывая взгляда от деревянного креста с металлической табличкой.

— Ты ни в чем не виноват, Саша, — прошептала она, положив свою холодную ладонь поверх его. — Он так хотел спасти всех, что не смог спасти себя...

«Он так хотел спасти всех, что не смог спасти себя», — слова, что стали его проклятьем, его кошмаром и виной, длиной во всю жизнь.

Капитан Воронцов погиб. Возвращаясь поздно вечером домой, его сбила машина. Несчастный случай — именно так сказали близким родственникам, коллегам и всем, кто задавался вопросом об обстоятельствах смерти лучшего человека, которого когда-либо знал этот мир. Правду знали лишь полковник Радов, его высшее начальство и трое мужчин,

закопанных в лесу в безымянных могилах. Одного он убил в то же мгновение, когда увидел изувеченное тело друга на белом снегу, он остался сидеть за рулём той машины навечно. Другого спустя час погони, он остался навечно стоять на коленях перед ним с приоткрытым ртом, когда умолял его пощадить. Третьего Саша нашел двумя неделями позже, уже после похорон. Он остался навечно сидеть на берегу моря, держа в руках кружку *красного* пива.

Сегодня на улице было пасмурно. Небо заволочло серыми тучами. Холодные порывы ветра заставляли людей, стоящих на кладбище у могилы, уложенной красными розами, сильнее кутаться в ворота пальто. Тихие, скромные похороны маленького человека, что просто любил свою страну и дело, которым занимался — именно так просил проводить его в последний путь Марк Альбертович. Он уже не мог видеть свою жену, старательно пытающуюся не плакать, смотря на портрет мужа, выгравированный на надгробном камне, не мог видеть и своих детей, печаль на лицах которых была практически незаметна. Со стороны можно было подумать, что люди, стоящие у могилы писателя, посторонние, проходившие мимо и остановившиеся, чтобы почтить его память. Марк Альбертович умер три дня назад, его смерть была быстрой, но болезненной. Об этом знал только он, как и о том, кто был виновен в этом происшествии.

Майор Воронцов стоял у маленькой церквушки, стены которой были выкрашены в зеленый цвет. Мужчина издали смотрел на семейство Толстых. Они образовали полукруг у могилы погибшего родственника. Здесь были все: Алевтина Дмитриевна, одетая всё в тот же черный балахон и шифоновый платок, покрывающий седую голову. На её плечи был бережно накинут теплый пуховик. Богдан Маркович с женой Еленой, что держала его под локоть и успокаивающе гладила по руке; Евгений, лицо которого исказила печаль, а зеленые глаза были полны слёз; Маргарита Альбертовна, стоящая чуть в стороне в своём белоснежном пальто. Её руки в кожаных черных перчатках держали десять красных гвоздик, а по лицу женщины невозможно было прочесть её эмоции.

— Вы один из родственников? — спросил Олега высокий худощавый пожилой мужчина, останавливаясь рядом с ним. Он был одет в классический черный костюм и белоснежную рубашку с атласным галстуком черного цвета с узорами, вышитыми золотистыми нитями. На его длинном крючковатом носу держались маленькие очки в круглой тонкой металлической оправе. В руках незнакомец держал коричневый портфель с массивной застежкой-тумблером из крокодиловой кожи.

— Нет, — кратко ответил Воронцов, продолжая смотреть на членов семьи, которые по очереди начали прощаться с умершим и покидать кладбище.

— Я, так понимаю, Вы из полиции, — кивнул облысевший мужчина с седыми бакенбардами, убеждаясь в ранее сделанных выводах. — Шредор Вениамин Иосифович, адвокат семьи и, конечно, покойного Марка Альбертовича, — произнес он, поворачиваясь к Олегу и протягивая ему руку.

— Майор Воронцов, — кивнул мужчина, пожимая руку адвоката.

— Полагаю, Вы будете присутствовать на чтении завещания, — произнес Вениамин Иосифович, кивнув проходящей мимо Маргарите Альбертовне. Женщина первая простилась с братом и поспешила покинуть кладбище, желая скорее вернуться в дом. Она не любила долгих прощаний, ненавидела похороны и старалась находиться в обществе так называемой семьи не больше, чем это предписывали правила приличия. Маргарита прошла мимо, лишь на секунду задержав взгляд на майоре Воронцове, этот мужчина зацепил её и она уже думала, как лучше подобрать время, чтобы получше с ним познакомиться.

— Маргарита Альбертовна.

— Вениамин Иосифович, — в тон ему произнесла женщина, проходя мимо.

— Если это не нарушает волю покойного, — произнес майор, как только сестра умершего отдалилась на достаточное расстояние.

— Не нарушает, — покачал головой адвокат.

С кладбища уже выходили Евгений и Богдан с Еленой, Алевтина Дмитриевна всё ещё стояла у могилы мужа, не решаясь уйти. Это не осталось без внимания мужчины, и он поспешил к ней.

— С Вашего позволения, — кивнул Вениамин Иосифович и, не дождавсь ответа, оставил Воронцова.

Мужчина старался аккуратно ступать по грязным дорожкам с осенней листвой, приближаясь к вдове. Она почувствовала его, приятный запах одеколona защекотал в носу, но поворачиваться к нему не собиралась. Алевтина Дмитриевна скорбела и не желала ни с кем говорить об этом, её душевная боль, что с каждым днём становилась всё сильнее, была лишь её ношей.

— Приношу свои искренние соболезнования, — произнес Шредор, поравнявшись с сутулившейся женщиной.

— Ты даже цветы не принёс, — сказала она. Её голос звучал, будто сталь.

— Я принес кое-что получше, — усмехнулся адвокат, хлопая по кожаной стенке портфеля.

— Думаешь, я буду радоваться деньгам, что он мне оставил? — покачала головой Алевтина Дмитриевна. — Или дому, в котором тошно жить?

— Тебя удивит то, как он распорядился своим состоянием, — пожал плечами Вениамин Иосифович, большего он сказать не имел права.

— А разве мне есть до этого дело, — вздохнув ответила женщина. — Мои дети, словно голодные псы, вцепятся друг другу в глотки, как только ты огласишь завещание. Их жены, словно зрители в Колизее будут требовать больше зрелищ, лишь бы оторвать кусок побольше, — качала она головой, упираясь на трость и не отрывая взгляда от портрета умершего мужа. — Будь моя воля, я сожгла бы всё дотла, — прошептала она, принимая руку, протянутую Шредером. Они медленно двинулись к поджидающей их машине.

В большой гостиной стояла звенящая тишина, напряжённую атмосферу только ухудшал, стоящий в дальнем углу комнаты майор Воронцов. Он пристальным взглядом своих голубых глаз оглядывал всех присутствующих, не оставляя без внимания нервное постукивание Богдана носом туфли по полу, капельки пота, выступившие на лбу Евгения, жевание нижней губы Елены, которая за последние пять минут съела всю помаду и полное спокойствие Маргариты Альбертовны. Женщина стояла у окна и медленно пила чай, её лицо выражало полное удовлетворение.

— Мы опоздали, очень просим нас извинить, — послышался скрипучий голос Вениамина Иосифовича, который зашел в гостиную, держа под руку Алевтину Дмитриевну. Он проводил женщину до дивана и помог сесть.

— Вы задерживаете не нас, а себя, — прокомментировала Маргарита Альбертовна, ставя блюдце с пустой чашкой на верхнюю каменную полку камина.

— Марго, совсем не понимаю, что ты здесь делаешь, — подала голос Елена, положив ногу на ногу. — Разве *papa* недостаточно содержал тебя при жизни, может, пора начать обеспечивать себя самой?

— Ни тебе говорить мне об этом, дорогая, — усмехнувшись ответила женщина, она

даже не посмотрела в сторону жены племянника. — Если бы не Марк, Богдан был сейчас лабораторной крысой, а ты старой бездетной девой, — цокнула она языком.

— Ах ты су-у...,- прошипела Елена, но муж дернул её за рукав серого пиджака и она замолчала на полуслове.

— Мне кажется, мы можем начать, — произнесла Алевтина Дмитриевна, кивнув.

— Конечно, — согласился Вениамин Иосифович. Мужчина занял единственное свободное кресло, садясь так, чтобы все могли его видеть и слышать. Он положил к себе на колени портфель и, щелкнув замок, открыл его, доставая кожаную бордовую папку, внутри которой лежало нотариально заверенное завещание Марка Альбертовича Толстых. Подлинная и единственная копия. — В начале мне хотелось бы выразить свои соболезнования всем членам семьи, — откашлявшись произнес он, поднимаясь на ноги. — Мы потеряли прекрасного человека, доброго и великодушного, любящего и справедливого мужа, отца и брата, — говорил он, жестикулируя свободной рукой. В это время все присутствующие, включая майора Воронцова, еле сдерживали зевок. Всем хотелось быстрее услышать волю умершего и отправиться по домам. — Я помню время, когда Марк Альбертович был молод и здоров и впереди была, казалось, вся жизнь. Богдан, Женя, мне трудно понять Вашу боль, хоть я и сам потерял отца. Это было давно, но боль потери, тоска до сих пор со мной, — вздохнул он, доставая из нагрудного кармана платок, промокивая им сухие глаза. — Маргарита Альбертовна, — обратился Шредор к женщине, она перевела на него равнодушный взгляд. — Смерть единственного брата — большая потеря, надеюсь, мои искренние соболезнования смогут хотя бы на мгновение ослабить Ваши страдания!

— Безусловно, — протянула женщина, поджав губы, накрашенные алой помадой. — Вы даже не представляете, насколько Выши слова ценны для всех нас! — с чувством произнесла она, приложив ладонь к груди. Там, где в дневном свете переливалась брошь из драгоценных камней.

— Благодарю, — кивнул мужчина, принимая все слова женщины за истинную правду.

Вениамин Иосифович еще раз вздохнул, прочистил горло и, подняв папку с подушки кресла, раскрыл ее. Мужчина был готов прочесть завещание, все в комнате с предвкушением ожидали, когда адвокат начнет.

— Сегодня мы собрались здесь, чтобы...,- начал мужчина, но его перебил звонкий женский голос.

— Прошу прощения за опоздание, надеюсь, я ничего не пропустила? — спросила Вероника Александровна. Войдя в комнату, женщина улыбнулась, а на неё уставились шесть пар удивленных глаз. И только майор Воронцов готов был проклясть этот день и женщину, что всё еще не давала покоя его разуму и сердцу.

Вероника сдержала ухмылку, когда на неё уставились шесть удивленных пар глаз и лишь одни, небесно-голубые, раздражительно прищуренные, сделали вид, будто её здесь нет. Женщине все еще не удалось разгадать майора Воронцова. Он был для неё задачей под звездочкой, которая скрывала в себе очень много подводных камней. Но Веронику Александровну редко когда пугали *опасные воды*.

— А Вы вообще кто, позвольте узнать? — недовольно проговорил высокий худощавый мужчина с крючковатым носом, который напомнил Веронике индюка.

— Ладина Вероника Александровна — психолог-консультант, помогаю полиции с расследованием, — пожав плечами ответила женщина, проходя между диванами, на которых сидели члены семьи.

— Кхм-кхм, хорошо, — кивнул в ответ адвокат, как будто она спрашивала у него разрешения. Вероника прошла прямо в угол, в котором стоял недовольный майор, и встала рядом, чуть касаясь мужчину плечом. — Теперь, полагаю, мы можем продолжить, — вздохнул Шредор и, поправив очки, продолжил официальную часть.

— Вы, как всегда, не вовремя, — тихо проговорил майор, смотря прямо перед собой.

— Напротив, майор, — усмехнувшись тихо ответила ему Вероника Александровна. — Я всегда прихожу в самый ответственный момент!

— Мне кажется, Вы слишком преувеличиваете свою значимость, — холодно произнес Воронцов, складывая на груди руки.

— Вам всего лишь кажется, майор, — прошептала Вероника и через мгновение встретилась с холодными голубыми глазами. — Вы что-то хотите сказать? — уточнила она, хотя ей было очень трудно сохранить самообладание и не потерять мысль при столкновении с голубыми омутами, от которых пробежали мурашки по коже.

— Вы...

Начал было мужчина, но его перебил усилившийся голос Вениамина Иосифовича, которых перешел к главной части чтения завещания покойного Марка Альбертовича Толстых. Части, которую все присутствующие ждали с нетерпением.

— Исходя из последней воли покойного Марка Альбертовича, всё его имущество было разделено между его ближайшими родственниками, а именно...,- протянул мужчина и замолчал. Он облизнул подушечку пальца и попытался перевернуть страницу, которая поддалась лишь на третий раз. Шредор поправил очки и, откашлявшись, продолжил. — Семейный особняк, площадью триста сорок восемь квадратных метров с прилегающей к нему территорией, площадью четыре гектара земли, находящийся в деревне Позднякова, покойный завещал своей супруге Толстых Алевтине Дмитриевне с полным его содержанием. Марком Альбертовичем несколько лет назад был открыт счет на Ваше, Алевтина Дмитриевна, имя, на который были переведены средства.

В комнате стояла напряженная тишина, все, включая Веронику и Олега, ждали дальнейшего развития событий. Нет, мужчине и женщине было плевать на деньги, их мало интересовало наследство покойного, которое он разделил между своими неблагодарными детьми. Пару больше интересовало поведение присутствующих, их реакция, которой, пока, не последовало.

— Это и так было понятно, продолжайте, — поторопила Шредора Маргарита Альбертовна, её лицо отчетливо выражало усталость.

— Тебе вряд ли что достанется, Марго. Разве что пару сотен на первые месяцы, — хмыкнула Елена, всё еще помня про едкий выпад в свою сторону.

— Главное, чтобы твой муж получил хотя бы один процент акций, а то придется бомжевать, — не осталась в долгу сестра покойного.

— Сказала старая нахлебница, что годами сидела на шее *папы*, — парировала Елена, а все окружающие устало вздохнули. Вероника была, наверное, единственной, кого эта перепалка забавляла.

— Спешу напомнить, что ты старше меня почти на девять лет, *дорогая*, — засмеялась Маргарита Альбертовна, подмигнув рассерженной женщине, лицо которой исказила гримаса ненависти.

— Дамы, я могу продолжить? — уточнил Вениамин Иосифович, всем своим видом показывая недовольство данной ситуацией.

— Безусловно, — кивнула Маргарита и все снова перевели взгляд на адвоката.

— Квартиру в районе старого Арбата, площадью пятьдесят квадратных метров, в которой на данный момент проживает Маргарита Альбертовна Толстых, покойный завещает ей же, как и пять миллионов рублей, которые будут перечислены на её счет в течение двух дней, — произнес Шредор и Маргарита Альбертовна довольно улыбнулась. Женщина получила всё, на что рассчитывала, *почти*.

— Всё-таки оторвала себе кусок, *тварь*, — с ненавистью проговорила Елена, заставив мужа бросить в её сторону осуждающий взгляд.

— Не бойся, *дорогая*, жирных кусков хватит на всех, — усмехнувшись ответила женщина, заправляя за ухо прядь светлых волос, выбившихся их низкого пучка. — Хотя, если подумать, *тебе лично* вряд ли, что достанется, — задумчиво протянула она.

— Я сейчас выгоню Вас отсюда, дамы! — прикрикнул Вениамин Иосифович, но это не произвело на присутствующих должного эффекта.

— Ваше дело читать, Вениамин Иосифович, — ответил ему Богдан. — Так читайте!

— Квартиру, площадью двадцать семь квадратных метров в Одинцово, Марк Альбертович завещал своему сыну Евгению Марковичу Толстых, — продолжил адвокат. Евгений с благодарностью кивнул, хоть и был недоволен тем фактом, что денег ему отец не оставил. — Все оставшиеся свои сбережения, суммой в восемь миллионов семьсот восемьдесят тысяч рублей, покойный завещал благотворительной организации, направленной на сохранение и распространение русской литературы, а также десять процентов от этой суммы Союзу писателей Москвы, — в заключение сказал Вениамин Иосифович, переворачивая страницу. — На этом, с распределением денежных средств и недвижимости Марка Альбертовича, мы закончили.

Всё это время Вероника и Олег молча наблюдали за членами семьи Толстых, на лицах которых отражался весь спектр испытываемых ими эмоций. Только Елена и Маргарита Альбертовна не сдерживали себя в выражениях с помощью едких высказываний в сторону друг друга. От Вероники не ускользнула с какой отрешённостью на всё это смотрела Алевтина Дмитриевна, женщина равнодушна была не только к скандальным репликам, но и к тому, как умерший супруг распорядился своим состоянием. Богдан и Евгений, напротив, очень нервничали и безуспешно пытались это скрыть. Пока ни один из них не был доволен исходом.

— Пакет акций типографии «Вектор», которыми Марк Альбертович владел единолично, так же был разделен им соответственно, — прочёл мужчина и промокнул белоснежным платком чуть вспотевший лоб. — Кхм, по тридцать процентов получают Богдан Маркович и Евгений Маркович, а сорок процентов покойный завещал своему внуку Вадиму Богдановичу Толстых. До совершеннолетия, которое наступит в двадцать пять лет, его акциями будет управлять его мать, Елена Васильевна Толстых, — договорил Вениамин Иосифович и, подняв голову, столкнулся с удивленным, даже шокированным взглядом Богдана. Его жена, Лена, довольно улыбнулась и, выпрямив спину, села ровнее.

— А...

— Предвидя Ваш вопрос, Богдан Маркович, — кивнул Шредор, обращаясь к мужчине. — Акции невозможно продать или подарить, пока Вадим Богданович не вступит в права наследования.

— А ведь кто-то рассчитывал забрать себе всё, — с напускным расстройством

протянула Маргарита Альбертовна.

— Заткнись, старая алкоголичка! — рявкнул Богдан, вскакивая с дивана. — Я единственный, кто заслужил эти акции, единственный!

— И мне снова приходится напоминать, что я моложе, — засмеялась женщина в ответ, разведя руками. — Как не стыдно, Богдан, завидовать собственному сыну, — поджав губы прокомментировала Маргарита. — А ведь он не рвал ж. у все эти годы, чтобы оторвать кусок пожирнее!

— У меня хотя бы дети есть, — осадил её разозлившийся мужчина, ударив по больному. Все в семье знали о трагедии, случившейся больше двадцати лет назад, но Богдан был слишком ослеплен ненавистью. Сейчас он ненавидел собственного отца за то, что тот даже после смерти оставил его в дураках.

— Что на счет правообладания всеми произведениями Марка Альбертовича? — спросила Елена, взяв мужа за руку и усадив его обратно на мягкую подушку дивана. Маргарита Альбертовна отвернулась на мгновение, чтобы смахнуть слезу и снова надела на лицо маску равнодушия. Сегодня Олегу удалось наконец-то увидеть хоть одну искреннюю эмоцию этой женщины.

— Безусловно Марк Альбертович позаботился и об этом, — кивнул Вениамин Иосифович и, закрыв кожаную папку, потянулся за портфелем. Мужчина достал запечатанный конверт. Все, в ожидание, следили за действиями адвоката, не отрывая взгляд от белоснежного прямоугольника. — Я прочитаю Вам письмо, последние слова покойного, откуда Вы узнаете его последнюю волю, — кивнул он, открыл письмо и, развернув его, прочел первую строчку. — *Любовь к семье делает нас не просто слабыми, а уязвимыми...*

Вероника и Олег удивленно переглянулись, они оба узнали то самое письмо, часть которого лежала на столе в ночь убийства и была забрана в качестве улики. Сомнений не оставалось — человек, знавший о письме заранее и, скорее всего, оторвавший его часть, и является убийцей. Вопрос лишь в том, кто это? Поможет ли исповедь Марка Альбертовича распутать клубок семейных тайн и интриг или запутает следствие еще больше.

— Любовь к семье делает нас не просто слабыми, а уязвимыми, — прочел первые строки Вениамин Иосифович и все присутствующие замерли в ожидании. — Мы пытаемся бороться, скрываем свою уязвимость от окружающих, но правда, как бы хорошо скрыта она не была, все равно настигнет нас. Моя семья, живущая так долго, за что уже стоит мне благодарить Бога, тоже не смогли убежать от правды, — после этих слов мужчина сделал паузу, поднимая взгляд на присутствующих. Все в тот же момент напряглись, ожидая, или опасаясь чего-то, майору так и не удалось понять. Неужели Марк Альбертович хочет раскрыть все их постыдные секреты, которых, к слову, у каждого из присутствующих в этой комнате, кто имел хоть какое-то отношение к семье, было больше, чем достаточно.

Богдан не выдержал первым, он дернулся, отводя взгляд в сторону, желая смотреть в окно или прямо перед собой, не встречаясь ни с кем взглядом. Веронику эту не удивило, у мужчины, в отличие от других, чьих тайн она пока не знала, было, чего опасаться. Любовница и еще не рожденный ребенок повисли на шее Богдана, словно тяжелый камень на веревке, что тянул его к одну. Он каждый день задавался вопросами, которым не было конца. Примет ли Милану с их ребенком семья? Как преподнести Лене его желание развестись? Останется ли у него хоть что-то после развода? *Не обманывает* ли его Милана?

— Осознание тленности всего, что меня окружает, настигло не так давно, — продолжил Шредор, поправив очки. — Я долго пытался переосмыслить свою жизнь и пришел к выводу, что прожил ее не так, как требовало того мое сердце. Поэтому, мне хочется попросить прощения не только у моей жены или детей, но и у человека, которого я лишил самого ценного — любви, которую она заслуживала, — мужчина снова замолчал, как будто в тексте были пометки, где было необходимо сделать драматическую паузу.

Вероника старалась внимательно наблюдать за реакцией окружающих. Евгений был следующим, у кого сдали нервы, он поднялся на ноги, чем притянул к себе удивленные взгляды окружающих, и на ватных ногах прошел к деревянному, покрытым лаком, комоду, на котором стоял графин с водой и стакан. Шредор замолчал, давая Евгению попить и вернуться, заняв своё место. Мужчина взял графин и налил себе воды, потом медленно, взял его в руку, которая немного дрожала, и одним глотком осушил весь бокал. Налил себе еще воды и вернулся со стаканом обратно.

— *Рита*, — продолжил Вениамин Иосифович и, услышав своё имя, Маргарита Альбертовна улыбнулась краешком рта. Для всех присутствующих, кто заметил её, эта мимолетная улыбка осталась загадкой. Что она означала, знала лишь сама женщина. — Я был плохим братом и другом, слишком поздно понял, что семья — это не штамп в паспорте или одна мать, которая вас родила. Семья — это твой дом, в котором тебя ждут и любят, только за то, что ты просто *есть*.

В ответ на это Лена лишь недовольно фыркнула. Нет, женщина не всегда ненавидела сестру человека, которого считала отцом. Её родители ушли рано, когда девочке было

девятнадцать — папа умер от рака печени, он даже не захотел бороться, в чем Елена винила его даже сейчас, а мама спустя несколько месяцев, она угасла на глазах. Женщина всегда верила, что любовь должна выглядеть именно так, когда ты, прожив жизнь, уже не представляешь себя без другого человека. Тогда у нее осталась лишь бабушка, которая умерла от старости за год до её встречи с Богданом, которого она полюбила с первого взгляда. Рита же, на первый взгляд добрая и милая женщина, в первые годы с которой они были настоящими подругами, изменилась в одно мгновение. Она стала холодной, алчной и самодовольной, словно из её мира в один миг убрали все краски.

— Денежки утекают сквозь пальцы, словно вода, — усмехнулась в ответ Маргарита Альбертовна, она единственная из присутствующих, кто всё еще сохраняла равнодушие на лице и не выдавала эмоций, что бурлили внутри, словно лава.

— Сначала нужно дочитать письмо до конца, прежде чем делать выводы, — подал голос Богдан, у него все еще оставалась надежда.

— Пора бы принять тот факт, дорогой, что Марк видел в тебе лишь пешку, — пожалала плечами женщина. — А, как всем известно, пешка не может стать королём.

— Так же, как и дворняжка не станет породистой сукой, — выплюнул в ответ мужчина, но Рита в ответ лишь рассмеялась.

— Я, с вашего позволения, уважаемые, продолжу, — недовольно проговорил Вениамин Иосифович, ему уже порядком надоела эта семейка, которая ведет себя на чтении завещания, словно торгаши на базаре. Он мысленно усмехнулся, ведь они даже не подозревают, какой сюрприз для них подготовил Марк Альбертович.

— Давайте уже быстрее закончим, — нервно произнес Евгений, доставая из кармана брюк платок и промокивая им выступавшие на лбу капельки пота.

— Это письмо — прощание, прощание с теми, кто сейчас находится в этой комнате и слушает мои последние слова. Мне хочется быть кратким, поэтому о своём решении постараюсь сказать в нескольких предложениях, — Шредор снова замолчал, откашлялся, и прочел оставшиеся пять строк. Три из которых повергли в шок всех присутствующих в этом зале, включая самого адвоката, который впервые читал это письмо вместе со всеми. — *Никто из вас не достоин права владеть и распоряжаться моими детективами, которые я писал на протяжении всей жизни. Правообладателем моих книг с этого момента является Союз писателей Москвы, который имеет право издавать произведения, лишь на русском языке. После моей смерти останется моё последнее творение, роман, который я смог доверить лишь одному человеку — тебе, Рита. Я знаю, что ты единственная, кто действительно издаст его. Роман «Семейное древо»...о нас. С любовью, Ваш Марк Толстых,* — прочел последнюю строчку писатель и в гостиной наступила тишина.

Все присутствующие перевели шокированные взгляды в сторону Маргариты. Она стояла, с высоко поднятой головой, и улыбалась всем без исключения. Ей не из-за чего бело грустить, ведь в это мгновение она стала очень богатой женщиной.

— Нет, это невозможно, — прошептала Елена, крепко сжимая ладонь мужа, на его колене. Богдан все еще был в шоке и не мог собрать мысли в кучу. — Это не то завещание, эта *тварь* его подменила! — воскликнула она, указывая пальцем на, стоящую у окна, женщину.

— Это исключено, Елена Васильевна, — покачал головой Шредор. — Содержание документов хранилось в строгом секрете, даже я не знал содержания письма и имя наследника.

— Вы лжете! — воскликнула она. — Папа бы не оставил Богдана ни с чем!

— Хочу заметить, Елена Васильевна, — нахмурился Вениамин Иосифович. — Что Марк Альбертович завещал обоим своим сыновьям по тридцать процентов акций издания.

— Это ни что по сравнению с правами на авторство на написанные детективы и новый роман! — всё еще кричала женщина, размахивая руками.

— Боюсь, оспорить завещание у Вас всё равно не получится, — усмехнувшись заметил адвокат. — Ваш свёкор обо всем позаботился и прошел обследование. У нас на руках есть заключение врача о дееспособности Марка Альбертовича.

В комнате было тихо, за окном небо заволочло серыми тучами и капал мелкий дождик и надежды, что сегодня выглянет солнце, уже не было. Почти все разъехались по домам. Вениамин Иосифович отбыл первым, не став больше задерживаться. Евгений последовал примеру мужчины и, сев в свою старенькую Ладу серого цвета, поехал к Софье. Елену пришлось буквально выталкивать за двери особняка. Алевтина Дмитриевна, осуждающе качая головой, смотрела на то, как её сын тащит свою жену на выход, крепко ухватив чуть выше локтя. Маргарита уехала последней, она дождалась такси, с улыбкой на лице, слушая оскорбления и проклятия в свой адрес от женщины, с которой они когда-то были подругами. Алевтина не знала, что произошло в жизни молодой красивой тридцатилетней женщины, которая в один миг превратилась в колючего ежика, не подпускающего к себе никого.

— Простите за беспокойство, — послышался тихий красивый женский голос со стороны входа в гостиную. Женщина подняла взгляд и встретилась с зелено-коричневыми кошачьими глазами. Кажется, эта молодая девушка была помощницей того полицейского, что ведет расследование о смерти её мужа.

— Вы меня не побеспокоили, — лениво ответила Алевтина Дмитриевна, пожав плечами. Она сидела в небольшом кресле у камина, в котором потрескивали дрова, и наслаждалась тишиной. За последние несколько безумных дней, это был первый раз, когда ей удалось побыть наедине с собственными мыслями. — Ваш начальник уже уехал, если Вы хотели узнать об этом.

— Он не мой начальник, — усмехнулась в ответ девушка, заправляя за ухо прядь карамельных волос. — Но, если Вы позволите, мне хотелось бы побеседовать с Вами, — произнесла она и прошла вглубь комнаты.

На девушке был двубортный твидовый пиджак в зеленую и белую клетку с бронзовыми старинными пуговицами и белая водолазка с воротником стойкой, широкие длинные брюки насыщенного изумрудного цвета, которые почти доставали до пола, и из-за низа которых выглядывал заостренный нос белых кожаных ботильонов на высоком каблуке в форме конуса. Она улыбалась, в её глазах Алевтина Дмитриевна не увидела ни капли фальши, лишь искреннее желание поговорить. Женщина кивнула ей, указывая на стоящее напротив кресло. Девушка присела, сжав колени и лодыжки вместе отведя голени слегка в сторону, держа спину прямо, не касаясь спинки кресла.

— Не напомните своё имя? — спросила вдова Марка Альбертовича, положив руки на подлокотники.

— Вероника, — ответила девушка, слегка улыбнувшись.

— Раз тот мужчина не Ваш начальник, то кто же он? — любопытствовала Алевтина Дмитриевна, вопросительно приподняв тонкую светлую бровь.

— Я помогаю следствию, мы *временные* коллеги, если можно так выразиться, —

улыбнулась Вероника краешком рта, пожимая плечами.

— Занимательно, — протянула женщина, рассматривая её, чуть наклонив голову набок. — О чем же Вы хотели со мной побеседовать, *Вероника*?

— О Вашей семье, конечно, — ответила девушка, наблюдая, как после ее слов Алевтина Дмитриевна напряглась, сжав ладони на подлокотниках кресла, нахмурилась. — К сожалению, нам с товарищем майором так и не удалось поговорить с Вами в первый день.

— Не бойтесь называть вещи своими именами, — поджав губы проговорила Толстых. — В день, когда убили моего мужа.

— Вы уверены в том, что его убили? — спросила Вероника.

— Безусловно, Марк не планировал умирать еще лет десять, как минимум, — пожав плечами ответила женщина. — И, опережая Ваш вопрос, убийцей может быть кто угодно, даже... *Я*!

Вероника удивленно уставилась на женщину, которая так просто говорила о смерти мужа и собственных детях, которых подозревала в убийстве. Девушка была уверена — Алевтина Дмитриевна не играет, она смотрит ей в глаза, сидит в более-менее расслабленной позе и не собирается ничего скрывать. Возможно, её смутил такой простой и четкий ответ на вопрос. Неужели после нескольких дней, проведенных с Воронцовым, Вероника начала подозревать всех и не доверять никому.

— Не понимаю почему Вас так удивил мой ответ, — в этот момент протянула Толстых. — Вы ведь сами всё видели сегодня. Деньги — дороже чести, любви и гордости, — пожала она плечами, переведя взгляд на полку с фотографиями. — Я — мать, которая уже очень давно не узнает собственных детей во взрослых мужчинах, которые с каждым годом становятся все больше чужими. *Мы* все становимся чужими друг другу.

— Вы знали о завещании? — спросила Вероника.

— Да, и знала его содержание, — кивнула Алевтина Дмитриевна. — Но о письме, как и новом романе Марка, я услышала впервые сегодня.

— Почему муж не рассказал Вам о своих планах?

— Только Господь и Марк могут ответить Вам на этот вопрос, но они, как нам известно, теперь могут лишь наблюдать за всем происходящим, — тихо проговорила женщина, смотря поверх плеча девушки на серое грозное небо. — Но, думаю, Марк просто не посчитал нужным поделиться, он всегда был скрытен, за годы брака привыкаешь к подобному.

— Вы единственная, кто не проронил ни слова во время чтения завещания, — сказала Вероника. — Вы можете не отвечать, но, мне показалось, Вы не согласны с некоторыми аспектами, — задумчиво протянула она.

— Вы, взрослая девушка и прекрасно понимаете, что люди не всегда поступают верно, совершают ошибки и оступаются. И, хочешь ты того или нет, порой, нужно просто принять всё, как данность, — пожала плечами Толстых, смотря в кошачьи глаза собеседницы. — Я могу быть не согласной, могу осуждать, могу даже устроить скандал или истерику, как Лена сегодня, но что от этого изменится?

— Ничего, — тихо ответила Вероника.

— Именно, — кивнула женщина. — Но мне, кажется, Вы пришли поговорить не только о моём муже, — после недолгой паузы произнесла Алевтина Дмитриевна. — Мои сыновья или один из них, интересуют Вас гораздо больше...

— Мне интересны все члены семьи, это поможет нам в рас...

— Не нужно оправдываться, Вероника, — сказала устало Толстых. — И спорить со мной, тоже не стоит, — предупредила она. — Вы спросите, я ведь могу просто не ответить, если не захочу. А Вы ничего от этого не потеряете!

— Мне не так просто сформулировать вопрос, — уклончиво ответила Вероника. Девушка не знала, как спросить у женщины, овдовевшей меньше недели назад, знает ли она о любовнице старшего сына или о его намерении развестись.

— Вы знаете, как и что спросить, но не уверены в своем *желании* это сделать, — пожала плечами Алевтина Дмитриевна.

— Как Вы относитесь к браку Богдана и Лены? — спросила Вероника, решив зайти издалека.

— Я не одна из тех свекровей, что считают, будто их сыновья еще одно чудо света и их руки и сердца не достойна ни одна женщина, — развела руками Толстых. — Лена неидеальна, как и Богдан, как и мы с Вами. У каждого человека есть изъяны и мы стремимся найти того, кто их примет и полюбит.

— Это не ответ на мой вопрос, — усмехнулась девушка.

— Богдан никогда не любил Лену, а она, в свою очередь, давно не испытывает к нему даже привязанности. Я с самого начала говорила Марку, что это плохая идея, но он был очарован молодой девушкой. По его мнению, Елена идеально подходила нашему сыну, — хмыкнув ответила Алевтина Дмитриевна. — Но, никто не заставлял Богдана жениться, а Лену выходить замуж. Сейчас они просто тянут груз своих собственных ошибок и это только их выбор.

Вероника кивнула и поднялась на ноги. Какой бы уверенной и спокойной не хотела казаться Алевтина Дмитриевна, она была глубоко несчастна. Девушка могла понять её — потеря мужа, дети, которые не хотят лишней раз видеть мать и погрязли в своих проблемах. Когда ты одинока, окруженная лишь воспоминаниями прошлого, жизнь перестает приносить радость и из нее уходят все краски. Женщина ничего не знала о своих детях, она упорно старалась не замечать их проблем, живя лишь моментами счастья. Но всему приходит конец...

— Вы знаете кто убийца? — прямо спросила Вероника, смотря в усталые опухшие глаза на морщинистом лице.

— Знаю, — кивнула женщина, положив ладонь туда, где мерно билось сердце.

Получив неожиданные ответы на заданные вопросы, в разговоре с Алевтиной Дмитриевной, Вероника поехала в отдел. Перед своим отъездом майор Воронцов попросил её приехать к назначенному времени, сказав, что ему понадобятся её профессиональные навыки. Веронике Александровне оставалось только догадываться, что на самом деле задумал мужчина, и в чем она должна ему помочь.

Женщина припарковала машину прямо у входа в здание и вошла внутрь, сразу направляясь к майору. Вероника еще ни разу не была в кабинете мужчины, она представляла себе это помещение унылым и холодным, даже мрачным, с темными стенами, полом и мебелью. Почему-то она была уверена, что из яркого, в жизни Воронцова только алый цвет его крови и небесно-голубые глаза, которые, порой, не могли оставить её равнодушной.

В тишине коридора был слышен только цокот каблучков её ботильонов. Вероника остановилась у двери и, подняв вверх сжатую в кулак ладонь, постучала. Ей никто не ответил, и женщина снова постучала, но уже более настойчиво. Снова не услышав ничего в ответ, Вероника Александровна взялась за металлическую ручку и вошла внутрь. Кабинет был не заперт, но пуст, женщина рукой нащупала в темном помещении выключатель и над потолком загорелись лампы. Белый цвет ослепил её на мгновение. Внутри комнаты, по форме напоминающей квадрат, было очень много места, но мало мебели — рабочий стол с креслом, вешалка для верхней одежды, стеллаж, на некоторых полках которого уже лежали стопки папок с делами, и низкий кожаный диван в углу. Вероника Александровна могла бы присесть на диван и спокойно дождаться майора, но это было бы слишком просто. Верите или нет, но порой женщине казалось, будто она поставила себе цель вывести Воронцова на эмоции, увидеть мужчину в гневе, когда его красивые глаза будут метать молнии, кулаки сжаты, а сам он будет выглядеть будто разъяренный воин в Спарте. От одной лишь мысли об этом по телу Вероники пробегали тысячи мурашек, а адреналин в крови зашкаливал.

— Вы заставляете меня совершать глупости, майор, — прошептала она, подходя к столу и ставя на край столешницы прямоугольную кожаную небольшую сумку из белого цвета с ручкой с плоским верхом и золотистым металлическим логотипом известного бренда в правом нижнем углу. Вероника села в удобное кресло на колесиках и с высокой спинкой, поворачиваясь к двери спиной.

Через несколько минут дверь открылась и в кабинет вошел Олег, но, заметив, что свет включен, остановился. Воронцов закрыл за собой дверь и внимательно оглядел комнату, увидев сумку, стоящую на его столе и повернутое задней частью к нему кресло, усмехнулся.

— Да, Вов, ты же знаешь, я в долгу не останусь, — не очень громко произнес майор делая вид, будто разговаривает по телефону. — Мне нужно, чтобы ты нарыл информацию про мою новую коллегу, — проговорил он, складывая на груди руки и гипнотизирую взглядом спинку кресла. — Зачем? Да есть у меня тут одна надоедливая особа, хочу ее проверить. Возможно, ты сможешь откопать то, что позволит выпнуть её из моего отдела!

С каждым сказанным словом, пока Олег расплывался в ухмылке, ожидая, когда кресло развернется и перед ним появится женщина, Вероника приходила в ярость. Она уважала в людях честность и даже зная, что мужчина не питает к ней какой-либо симпатии, не думала, что Воронцов решит опуститься до шпионажа и шантажа.

— Красивая? — громко усмехнулся Олег. — Да так, на троечку по десятибалльной

школе!

— Какой Вы всё-таки хам, майор! — воскликнула женщина, резко поворачиваясь в кресле и поднимаясь на ноги.

— И это говорит мне та, что в наглуую решила подслушать мой разговор, — покачал головой мужчина в ответ, подходя к столу.

— Вы даже не говорили по телефону! — фыркнула Вероника, чуть наклоняясь вперед и опираясь ладонями о столешницу.

— Но вполне мог бы, — парировал Воронцов, останавливаясь в нескольких сантиметрах от стола и смотря в кошачьи глаза. — Или Вас так оскорбила моя оценка? — усмехнулся Олег, разозлив этим женщину еще больше.

— У Вас, товарищ майор, нет ничего, чтобы могло меня оскорбить, — пожав губы ответила она, взяв сумку и, обойдя стол, пошла в сторону выхода.

— Я не собираюсь перед Вами извиняться, Вероника Александровна. Манипулировать Вы будете кем-нибудь другим, — в ответ произнес Олег, дождавшись, пока женщина возьмется за ручку двери.

— Не помню, чтобы просила Вас о чем-то подобном, — пожалала плечами Вероника. — Но я рада, что Вы хотя бы знаете такое слово, как «извинения», — усмехнулась она, выходя из кабинета.

— Я не отпускал Вас, — начал злиться Воронцов, повышая голос. Это была единственная женщина в его жизни, которой он не мог управлять. Что хуже всего — Олег даже не мог предположить, что она выкинет в следующий раз.

— И снова не припоминаю, чтобы спрашивала у Вас разрешения, — фыркнула в ответ Вероника Александровна, прежде чем показательно громко хлопнуть дверью, заставив майора поморщиться от неприятного звука.

Мужчина прекрасно понимал, что эта... Вероника Александровна его провоцирует. Ему не хочется повторяться, но он с самого начала знал, что ничего хорошего из её присутствия в его отделе не выйдет. С того момента, как она зашла в кабинет полковника, Олег не сомневался, что с появлением в его жизни Вероники всё полетит к чертям. А ведь он сам идет у неё на поводу. Воронцов вышел из кабинета, прихватив с собой папку, что приготовил для психологини еще утром. Он не удивился, когда увидел женщину, стоящую посередине коридора и задумчиво смотрящую на циферблат своих наручных часов.

— Две минуты тридцать две секунду, — протянула она, поднимая на майора разочарованный взгляд. — Я думала, Вы не выдержите и минуту, — усмехнулась Вероника. Олег промолчал, не желая больше вступать в словесную перепалку. Мужчина прекрасно понимал, что чтобы он не сказал, у этой женщины припасено еще как минимум три разных варианта ответа и она не собирается сдаваться, пока не выведет его из себя. Её проблема лишь в том, что майор не собирается так просто проигрывать.

— Я вызвал на допрос Маргариту Марковну, — произнес Воронцов, протягивая Веронике Александровне папку с бумагами. — Там все, что ребятам удалось узнать об этой женщине, — майор пошел дальше по коридору и девушка последовала за ним. В самом конце находились две идентичные металлические двери, одна из которых вела в допросную, а другая в соседнюю комнату, из которой можно было слышать и наблюдать всё, что происходит за стеклом, с одной стороны напоминая обычное зеркало.

— Я должна буду её допросить? — с сомнением уточнила Вероника, заходя в тесную прямоугольную комнату за майором. Внутри были лишь экраны, на которые шел сигнал с

камер в допросной и стекло, занимающее большую часть стены. Перед ним стоял небольшой стол и два стула, один из которых занял майор.

— Нет, — покачал головой Олег, облокотившись на спинку стула. — Допрашивать Маргариту Марковну будет Кабанов, который уже получил соответствующие распоряжения. А мы, с Вами, Вероника Александровна, будем *наблюдать*, — ответил Воронцов и отодвинул соседней стул, предлагая ей присесть.

Порой мужчины разочаровывают. Маргарите Толстых за свою долгую, по меркам общественных устоев, жизнь пришлось научиться смиряться с подобной действительностью. У женщины не было особого желания, да она и не собиралась, причислять себя к ряду *spinsters*, хоть на самом деле так оно и было. Личная жизнь Риты была настолько скучна и однообразна, уже многие годы, что в какой-то момент она просто отчаялась найти любовь. Развод дался ей нелегко, не сам процесс, а решение бросить человека, которого она страстно любила. И если кто-то вдруг скажет, что на страсти нельзя построить семью, тот... возможно, *окажется прав*.

— Ваши документы, — требовательно произнес жирный полицейский, сидящий в маленьком сооружении со стеклами на уровне лица, по всему периметру *будки*. Рита никогда раньше не бывала в отделении полиции и совершенно не разбиралась в сленге сотрудников правоохранительных органов.

— Паспорт, — произнесла она, достав из небольшой прямоугольной сумочки свой паспорт в красной кожаной обложке. Мужчина недовольно на неё покосился, кончики его усов были испачканы в какой-то белой субстанции, а пальцы явно были в масле. Толстых пришлось прикусить внутреннюю сторону щеки, чтобы не показать своего отвращения и продолжать вежливо улыбаться. В последнее время ей стало трудно сохранять самообладание.

— Одноразовый пропуск, — проговорил мужчина, протягивая Маргарите паспорт с пластиковой карточкой, которую, как она поняла, необходимо было приложить к панели у турникета.

— Спасибо, — кивнула женщина и, отвернувшись, глубоко вздохнула, брезгливо взяла двумя пальцами свои документы и пропуск. Она отошла в сторону, достала из сумки пачку флажных салфеток и антисептик. И только после того, как тщательно протерла обложку паспорта, пластиковую карту и продезинфицировала руки, прошла в само отделение, как только панель на турникете загорелась зеленым.

Внутри было светло и очень просторно, мимо Маргариты проходили спешащие по своим делам работники. Она внимательно огляделась, но не смогла увидеть: ни ожидающего её майора Воронцова, ни кого-либо еще, чтобы проводить к нему в кабинет. После разговора, в доме умершего брата, Толстых поняла, что с Олегом ей ловить нечего. Мужчина был холоден, груб и слишком закрыт, а Рита любила более страстных представителей противоположного пола. К сожалению, даже его завораживающие небесно-голубые глаза не могли исправить ситуацию.

— Прошу прощения, молодой человек, — воскликнула она, немного бесцеремонно хватая под локоть молодого парня с веснушками на лице. — Вы не подскажете, как мне найти майора Олега Воронцова?

— Вы Маргарита Альбертовна? — уточнил парень, и женщина, расплывшись в улыбке, кивнула. — Пойдемте, Вас уже ждут в допросной.

— Как мило, — недовольно буркнула себе под нос Рита, закатив глаза, и последовала за парнем, который стремительно шёл к лестнице ведущей в подвал.

Как оказалось, внизу располагался цокольный этаж. Они прошли мимо кабинета с металлической табличкой, на которой было выгравировано имя майора. Риту немного озаботил тот факт, что незнакомый парень вел её в самый конец коридора, где находились лишь две идентичные металлические двери без какого-либо обозначения.

— Левая дверь, Вас уже ждут, — повторил парень и ушел. Толстых дождалась, пока он скроется за поворотом и, поддавшись внутреннему порыву, женскому любопытству или чему-то другому, взялась за ручку правой двери. Рита, чуть приложив усилие, потянула ручку вниз и попыталась открыть дверь, но та оказалась закрытой. Она недовольно поджала губы и, вернув лицу спокойное, ничего не говорящее выражение, натянула дежурную улыбку и вошла в комнату.

Эта оказалось тесное прямоугольное пространство с металлическим столом, двумя стульями и зеркалом. Зачем вообще в допросной зеркало? Маргарита хмыкнула, поправила прическу — уложенное волнами светлое каре, и повернулась к ожидающему её мужчине. Симпатичный и взрослый мужчина с широкими плечами и накаченными руками не сразу, но привлек внимание Толстых. Он не был красив, по её мнению, квадратное лицо и близко посаженные карие глаза, широкий нос и нахмуренные темные брови, сведенные к переносице, делали его похожим на разозленного медведя.

— Добрый день, — улыбнулась женщина, ставя на стол свою сумку и снимая любимое пальто в бело-черную клетку. — Куда бы я могла повесить своё пальто? — спросила она. Мужчина в ответ удивленно округлил глаза, бросая быстрый взгляд на своё отражение в зеркале, и почесал короткостриженный затылок.

— Положите на стол, — проговорил он низким голосом, сцепляя пальцы в замок на металлической столешнице стола.

— Я это пальто купила в Милане, а не на Садовом, — поджав губы ответила Маргарита. — Подобные вещи не кладут на *этот* стол.

— Тогда повести на спинку стула, — пожал плечами ответил мужчина. — И присаживайтесь...уже.

В ответ женщина лишь покачала головой и, сложив пальто пополам, повесила его на спинку стула. Она одернула свой бардовый пиджак с заострёнными лацканами и, смахнув невидимые пылинки, с черной кожаной юбки-карандаш с разрезом спереди, села на металлический стул.

— Душно у вас здесь, нельзя включить кондиционер или открыть окно? — спросила Толстых, поправляя высокий ворот черной водолазки. Она намеренно действовала мужчине на нервы и тот велся на её игру.

— Здесь нет окон или кондиционера, — недовольно проговорил он, скрипнув зубами. — Давайте начнем допрос!

— Как скажете, — пожала плечами Маргарита Альбертовна, положив ногу на ногу, выпрямив спину и опустив на колени руки, сцепленные в замок.

— Допрос проводит капитан полиции Кабанов Игорь Юрьевич, допрашиваемая Маргарита Альбертовна Толстых, проходящая по делу, как свидетель, — откашлявшись произнес Кабанов, включая диктофон на своём телефоне и попутно заполняя протокол. — Я задаю вопросы, Вы отвечаете, — произнес мужчина, поднимая глаза на Маргариту, со

скучающим выражением лица осматривающей всё вокруг. — Маргарита Альбертовна, Вы меня слушаете?

— Нет, — честно ответила она, подмигивая своему отражению в зеркале. — Можете повторить вопрос?

— Вы подтверждаете, что в ночь смерти Марка Альбертовича Толстых, четвертого сентября, Вас в доме не было? — задал первый вопрос Игорь, следуя распоряжениям майора.

— Подтверждаю, — кивнула Маргарита. — Но хотелось бы уточнить! — воскликнула она, заставив капитана сжать челюсть. — Ночь — понятие растяжимое и не уверена, что меня не было в доме в момент убийства. Я была пьяна, да и время смерти брата мне не сообщили.

— Просто отвечайте на вопросы, — хмуро ответил Кабанов. — По Вашим словам, Вы приехали на праздник в десятом часу и уехали в половине двенадцатого, куда Вы направлялись? — спросил Игорь. Воронцов проверил данные такси и узнал, что женщина действительно не врала, узнать во сколько она уехала из дома брата и куда не составило труда. Правда со вторым возникли некоторые проблемы.

— Проснулась я утром у себя в квартире, — пожалала плечами Маргарита Альбертовна.

— Когда Вы направлялись домой Вы не делали никаких остановок, не заезжали в гости к друзьям, например? — уточнил Игорь, делая пометки в протоколе.

— Возможно я заезжала в магазин, — ответила женщина, заправив за ухо прядь волос и поправила ворот водолазки. — Я не помню.

— В каких отношениях Вы были с братом?

— Не понимаю, к чему этот вопрос, — фыркнула в ответ Толстых. — Я же вроде свидетель, а не подозреваемый!

— Вы затрудняетесь ответить на вопрос или не хотите отвечать? — поднял на неё прищуренный взгляд капитан Кабанов.

— В прекрасных! — воскликнула женщина, всплеснув руками. — Марк был мне многим обязан, — пожалала она плечами и замолчала, пока не рассказала лишнего.

— Именно поэтому он содержал Вас с двухтысячного года? — спросил Игорь, заметив, как у женщины дернулась щека, но она быстро вернула лицу прежнее выражение лица и дежурную улыбку.

— После развода у меня были финансовые трудности, Марк предложил помощь, — пожалала она плечами. — Вы считаете это чем-то предрассудительным?

— Вы знали о существовании завещания?

— Догадывалась, — ответила Маргарита. — У Марка было так много имущества, что вряд ли кто-либо в здравом уме решился бы оставить вопрос с наследованием на волю случая. А Вы как считаете?

— Вы знали о письме и новом романе покойного? — спросил Кабанов, внимательно следя за реакцией женщины.

— Конечно нет! — категорично произнесла она. — Для всех его существование стало сюрпризом, не правда ли? — усмехнувшись произнесла женщина и перевела насмешливый взгляд на своё отражение в зеркале.

Вероника, сидящая рядом с майором в тесной темной комнате, напряженно смотрела на закрытую дверь, в которую вот-вот должна была войти Маргарита Альбертовна. Женщина не понимала, почему Воронцов так убежден в том, что сестра Марка Альбертовича что-то скрывает, она чувствовала в каком нетерпеливом ожидании находится сейчас мужчина. Он сидел на неудобном стуле, стуча концом ручки по металлической столешнице стола, изредка бросая на неё любопытный взгляд.

— Вы волнуетесь, Вероника Александровна? — спросил Воронцов, недовольно поджав губы, когда увидел, как Кабанов каждую минуту нервно бросает взгляд в их сторону. — Игорь, если ты каждые тридцать секунд будешь сюда смотреть, то спалишься в первые две минуты, — произнес майор, потянувшись к микрофону и нажав маленькую кнопку, чтобы капитан смог услышать его. Мужчина в допросной кивнул и теперь смотрел только на свои руки, сцепленные в замок. — Ты должен выглядеть уверенно и расслабленно, а не так, будто сидишь на экзамене! — снова недовольно произнес Воронцов.

— Игорь, поиграйте в игры на телефоне, — вздохнув произнесла Вероника, отобрав у Олега микрофон и пододвинув его к себе.

— И этому учат в институте? — усмехнулся мужчина, сложив на груди руки.

— Этому учат в Академии МВД, — с той же интонацией ответила ему и перевела взгляд на Кабанова, который увлеченно играл в танки на своём телефоне и даже не сразу заметил, как внутрь зашла Маргарита Альбертовна.

— Не знал, что Вы закончили Академию МВД, — удивленно произнес Воронцов, не сводя взгляда с Толстых.

— Вы многого обо мне не знаете, майор, но продолжаете делать поспешные выводы, — проговорила Вероника, ей было трудно скрыть недовольство тем, что мужчина относится к ней предвзято. Потому что она женщина? Потому что он не привык терпеть неподчинение? Или она просто нарушила его равновесие?

— Вы пока не сделали ничего, чтобы я смог Вам доверять, — ответил Воронцов, прислушиваясь к диалогу капитана и Маргариты.

— Парадокс в том, что Вы никому не доверяете, майор, — поджав губы произнесла она, смотря на напряженный профиль мужчины.

— А Вы неплохо смогли узнать меня, — хмыкнул Олег.

— Я просто хорошо делаю свою работу!

— Парадокс в том, что я Ваш начальник, а не объект для исследования, — в её же манере произнес Воронцов, но его взгляд был серьезным и холодным. — Поэтому, вернитесь к *своей работе*.

Вероника Александровна показательно закатила глаза и перевела свой взгляд на Маргариту Альбертовну. Женщина излучала уверенность, сидя с прямой спиной и надменно приподнятым подбородком. Она разговаривала с капитаном Кабановым так, словно делала ему одолжение. Но от Вероники не ускользнуло то, как на мгновение изменилось лицо Маргариты, когда у неё спросили о брате. И нет, эта была не скорбь, тоска или печаль, скорее боль, смешанная с ненавистью к человеку, который принес в её жизнь несчастье. Веронике не сразу удалось понять в доме Марка, какие чувства и эмоции она испытывает по отношению к смерти брата. Сейчас всё постепенно вставало на свои места.

— Она его ненавидит, — тихо проговорила Вероника. — Она винит его в чем-то. Есть ли её биографии что-то? — спросила женщина у майора.

— В двухтысячном она развелась с мужем спустя два месяца после аварии, — ответил Воронцов. — Но там ничего особенного, был ливень, дорога была скользкой. Он не справился с управлением и они врезались в столб.

— И всё? А экспертизу проводили? — спросила Вероника.

— Нет, для этого не было оснований, — пожал плечами Олег. — У Вас есть какие-то соображения по этому поводу?

— Возможно, — пожала плечами женщина, стараясь следить за невербальными жестами Маргариты.

— Может, поделитесь? — недовольно спросил майор, ему было любопытно. Да и Олег в принципе не любил, когда люди недоговаривают или что-то он него скрывают.

— Пока я не буду уверена, не вижу смысла, — пожала плечами Вероника Александровна. Заставив Воронцова разозлиться еще больше. — Она сказала, что Марк был ей должен, о чём она может говорить?

— Покойный и бывший муж Маргариты Альбертовны были партнерами, но после развода мужчина оставил внушительный пакет акций бывшей жене...

— Которые она переписала на брата, — закончила за майора Вероника.

— Скорее *подарила*, — хмыкнул майор. — Странное решение, не находите?

— И с того момента он её содержал.

— Именно, — кивнул майор.

— Тогда у нее не было никакого мотива его убивать, смысл? Она бы потеряла все деньги, которые давал ей брат и на которые она существовала, — задумчиво произнесла женщина, пытаясь найти в поступках Маргариты хоть какую-то логику.

— Она призналась, что знала о завещании, — пожал плечами Воронцов.

— Но не знала его содержание и о том, что существует письмо, — парировала женщина.

— Она может врать, — снова пожал плечами Олег и собирался что-то добавить, но осекся, заметив, что Маргарита Альбертовна смотрит прямо на них с Вероникой.

Она насмешливо смотрела на пару, которая замерла в ожидании, хотя оба прекрасно понимали, что женщина видит лишь своё отражение в зеркале. Воронцову не нужно было быть квалифицированным психологом, чтобы понять, что Кабанов занервничал и начал переводить беглый взгляд со стекла, с его стороны напоминающее обычное зеркало, на подозреваемую и обратно.

— Маргарита Альбертовна, Вы кого-то подозреваете в убийстве брата? — спросил Игорь и, когда Маргарита Альбертовна перевела на капитана усталый взгляд, Вероника облегченно выдохнула.

— Кажется, это Ваша работа, а не моя, — усмехнувшись ответила женщина.

— Это могло бы помочь нам в раскрытии дела, — пожав плечами ответил капитан Кабанов. — Неужели Вам не хочется узнать имя того, кто убил Марка Альбертовича.

— Глупый вопрос, когда я и сама всё знаю, — засмеялась женщина, заставив всех присутствующих напрячься. Вероника уже получила ответ на подобный вопрос от Алевтины Дмитриевны, теперь ей было интересно, что же ответит Маргарита Альбертовна.

— Не поделитесь? — спросил мужчина, гипнотизируя женщину напряженным взглядом.

— Думаю, Вам стоит спросить у Софьи какими препаратами она его пичкала или у врача, который их прописал, — пожалала плечами Толстых.

— Софья была сиделкой Марка Альбертовича? — удивленно прошептала Вероника, хотя кроме них с майором в комнате никого не было.

— Я...я не знаю, — признался мужчина, жадно начиная слушать каждое, произнесенное Маргаритой, слово.

— Софья, насколько нам известно, является невестой Евгения, младшего сына Марка Альбертовича, — хмуро произнес капитан Кабанов.

— Ну, может сейчас она и невеста Жени, но несколько месяцев назад была всего лишь сиделкой. Возможно, девочка рассчитывала влюбить в себя Марка, а когда у нее не получилась, взялась за самое слабое звено в семье, — пожалала плечами Рита. — С другой стороны...,- задумчиво протянула она. — Марк был болен раком и, возможно, сам совершил самоубийство, устав испытывать каждодневные мучительные боли.

— Вы знаете имя врача? — спросил Игорь, быстро делая записи в протоколе.

— Леонид Евгорский, кажется, — ответила Маргарита, поднимаясь на ноги. — Если это всё, то я могу идти? А то у меня запись у косметолога, — уточнила она, беря со спинки стула пальто.

— Спасибо за помощь, Маргарита Альбертовна, — кивнул Кабанов. — Распишитесь в протоколе, что с Ваших слов все было записано верно и можете идти.

— Благодарю, — кивнула женщина, не глядя ставя свою подпись. — Передавайте привет майору Воронцову, — усмехнулась она и кинула быстрый взгляд в зеркало, прежде чем скрыться за дверью.

Спустя десять минут, после того, как Маргарита Альбертовна покинула допросную, Олег стремительно поднялся на ноги и, выйдя из комнаты, направился в свой кабинет. Еще во вторник, когда Вероника Александровна передала ему заключение судмедэксперта, майор быстро пробежал по нему взглядом и не увидел ничего подозрительного. За время работы в уголовном розыске, Воронцову удалось уяснить для себя определенную закономерность — зачастую убивают двумя способами: либо пистолетом и ножом, либо отравой и наркотиками. Последнее, особо любили женщины, которые редко хотели марать свои наманикюренные ручки. А так, это отличный способ избавиться от надоедливого молодого любовника, который решил её шантажировать или от самодовольного мужа, который никак не умрет.

— Куда Вы так спешите, майор? — спросила Вероника Александровна, пытаясь не отставать от мужчины. Бегать на каблуках за неполную рабочую неделю она еще не научилась.

- В свой кабинет, — ответил Воронцов, заворачивая за угол. На встречу им шел стажёр, неся в руках прозрачный пакет с едой. Увидев начальника, парень замер и медленно убрал пакет за спину. — Стажер, за мной, — приказал майор.

Зайдя в кабинет и на ходу включая свет, Олег обошёл стол и присел на корточки рядом с небольшим прямоугольным металлическим сейфом, который Вероника даже не заметила в первый раз. Майор быстро ввел четырехзначный пароль в электронный замок и, услышав щелчок, повернул ручку и потянул дверцу сейфа на себя. Внутри на двух полках лежали личные дела работников его отдела, пистолет со сменной обоймой и отчет Елагина.

Как Олег и предполагал, в отчете не было ни слова о том, что Марк Альбертович был

болен раком, такое майор вряд ли бы упустил. Еще раз пробежав глазами по бумагам, он со злостью захлопнул папку и бросил её на стол.

— Стажер, найди нашего судмедэксперта и скажи ему, чтобы он немедленно зашел ко мне в кабинет, — произнес Олег, складывая на груди руки.

— П-понял, товарищ майор, — кивнул Николай и стремительно покинул кабинет начальника.

Олег проследил пока закрывается дверь, а потом перевел недовольный взгляд на Веронику Александровну, которая все это время мирно сидела на небольшом диване и неотрывно смотрела на майора.

— Вы что-то хотите сказать, Вероника Александровна? — спросил мужчина, приподнимая светлую бровь.

— Боюсь разозлить Вас еще больше, — усмехнулась женщина, при этом положила руку на плоский подлокотник облокачиваясь на низкую спинку. Конечно, она не боялась его разозлить, но понимала, что её комментарии в данный момент излишни. Майор Воронцов не был глуп и умел признавать свои ошибки, что сейчас и делал. Он злился не на окружающих, а на самого себя за то, что не доспросил, за то, что не досмотрел. И, как начальник, именно Олег отвечает за подобные *упущения*.

— Не бойтесь, Вероника Александровна, — тихо проговорил майор, смотря в зеленые глаза с коричневыми вкраплениями.

Женщина усмехнулась, увидев насмешку в глазах Воронцова. Она медленно заправила за ухо прядь карамельных волос, продолжая неотрывно смотреть на мужчину, который следил за каждым ее движением. Сейчас он не был похож на кусок льда, который обжигал холодом при каждом прикосновении. Она не обманывала его, когда говорила, что просто делает свою работу. Олег Воронцов был её частью и так же, как и мужчина, она не доверяла людям, и предпочитала знать всё о тех, с кем ей приходится проводить каждый день.

Но как бы ей не хотелось, она не могла больше отрицать испытываемый ею интерес к этому мужчине. Майор Воронцов был красив, умен, немного самонадеян и холоден, но это лишь прибавляла ему шарма. Веронике просто хотелось поговорить с ним, гуляя по улицам столицы или сидя в кафе за чашечкой кофе. Ей просто хотелось узнать *Олега*, а не майора Воронцова.

— Вы просили меня зайти? — громко спросил Дмитрий Елагин, заходя в кабинет и прерывая их томительные гляделки.

— У Вас, наверное, так сильно устали руки после изнуряющей работы, — протянула Вероника Александровна, опережая майора. — Именно поэтому, Вы пренебрегли правилами хорошего тона и не стали стучать, — вздохнула женщина, поджав губы.

— О, и Вы здесь, *Вероника*, — тут же расплылся в улыбке Дмитрий, делая шаг в сторону женщины.

— *Александровна*, — с нажимом произнес майор Воронов, обращая внимание мужчины на себя. — Я попросил Вас зайти, Дмитрий, чтобы уточнить некоторые детали экспертизы.

— Всё есть в отчете, — поджал губы Елагин, поправляя ворот серой рубашки под белым медицинским халатом.

— В отчете и слова нет о том, что у убитого Марка Альбертовича был рак, — произнес Воронцов чуть громче, стараясь держать себя в руках. — По какой причине Вы не провели вскрытие и не сделали соответствующие анализы?

— Для вскрытия понадобилось бы гораздо больше времени, да и причин для подобного

я не увидел, — пожал плечами Елагин не растерявшись. — А для того, чтобы выявить рак, мне нужно было бы провести не только биохимический анализ, который показал лошадиную дозу фентанила в крови умершего, но и анализы на свертываемость крови и на онкомаркеры, — сложив на груди руки сказал Дмитрий. — Товарищ майор, Вы должны понять, что я не онколог и даже не хирург. Без каких — либо дополнительных распоряжений, я не имею право проводить анализы на всевозможные болезни. Поэтому — это *Ваше* упущение, а не моё!

— Хочу заметить, Дмитрий, — вмешалась Вероника, поднимаясь на ноги. Сейчас она прекрасно понимала, что является единственной преградой между майором и его яростью. — Что негативные изменения в организме при онкозаболевании, которое находится даже на ранней стадии, может зафиксировать обычный анализ крови. Когда злокачественная опухоль растет, то уничтожает здоровые клетки и выделяет токсические вещества. Поэтому, у Вас были и повод, и право сделать вскрытие!

— Думаю, у Вас недостаточно квалификации для подобных заключений, *Вероника Александровна*, — зло выплюнул Елагин.

— Не тебе судить о её квалификации, — произнес Воронцов, больше не желая официозничать. — А теперь пошел вон, и чтобы к вечеру у меня на столе был подробный отчет о всех проведенных анализах и причин для них!

Елагин, ничего не сказав, вышел из кабинета, хлопнув дверью. Вероника, стоящая рядом с майором, усмехнулась и перевела на мужчину кокетливый взгляд.

— Вам не стоило за меня заступаться, — пожалла она плечами, стараясь сдержать улыбку. — Я и сама в силах за себя постоять!

— Но Вы же не спрашивали, когда заступались за меня, — в её же манере ответил Воронцов с сарказмом приподнимая бровь. У Вероники вырвался смешок, но она ничего не ответила. — Сегодня Вы можете быть свободны, — сказал майор, беря с вешалки своё пальто и выходя из кабинета.

— Куда Вы направляетесь? — спросила Вероника Александровна, выходя следом за Воронцовым.

— К лечащему врачу Марка Альбертовича, — ответил мужчина, выходя на улицу.

— Я с Вами! — тут же воскликнула женщина, останавливаясь одновременно с майором.

— Не помню, чтобы просил составить мне компанию, — нахмурился он, доставая из кармана ключи от машины.

— Не помню, чтобы мне когда-либо было необходимо Ваше разрешение, — фыркнула в ответ женщина.

— Тогда поедете сами, — пожал плечами мужчина, подходя к своему автомобилю.

— С удовольствием! — воскликнула Вероника Александровна, останавливаясь у двери своей *бабл гам*, которая была припаркована рядом с машиной майора.

Адрес больницы, в которой обследовался и лечился Марк Альбертович, было узнать не сложно. Олег знал имя его лечащего врача, что уже было много. По пути в медицинский центр, который не специализируется на онкологии, а лишь имеет крохотное отделение, Воронцов не мог выкинуть из головы мысль, что всё его расследование чей-то четко спланированный план. Как будто кто-то заранее рассыпал дорожку из хлебных крошек, по которой майор идет с точностью, никуда не отклоняясь. Нет, он больше не подозревал Веронику Александровну, теперь это казалось бессмысленным, но всё еще с осторожностью относился к этой женщине. Майор не мог отрицать очевидного: она умная, красивая, профессионал своего дела. Немного стервозна, хотя именно это делало ее по-настоящему привлекательной.

Воронцов подъехал к больнице и не увидел никаких высоких заборов, ворот, открывающихся только по сигналу или охранников на входе. Здание было совершенно обычным — никаких тебе Колизеев из белого камня с колоннами — прямоугольное и трехэтажное, спокойного зеленого цвета. Олег даже не увидел никакой охраны.

Воронцов въехал в маленький дворик и, найдя свободное место для парковки, которых было достаточно, вышел из машины. У входа его уже ждала Вероника Александровна. Майор усмехнулся, он ведь специально не стал говорить ей адрес, надеясь, что женщина отстанет от него. Почему-то он уже стал привыкать к её постоянному и неизбежному присутствию, что казалось ему неправильным и поспешным.

— Вы долго, майор, — усмехнулась Вероника Александровна, смотря на циферблат своих наручных часов. — Жду Вас уже десять минут.

— Как Вы нашли больницу, я ведь не сказал Вам адрес? — поинтересовался мужчина, останавливаясь напротив нее.

— Хорошая попытка избавиться от меня, кстати, — кивнула Вероника, она не держала зла на мужчину, что его очень удивило. Другая бы на ее месте, если и не закатила скандал, то точно показательно стала его игнорировать, но женщина только улыбалась. — Но спасибо *Google*, он всегда готов помочь девушкам, попавшим в беду!

— Или Вы просто позвонили младшему лейтенанту Ковалевскому, — поджав губы произнес майор, заметив на лице женщины удивление.

— Я настолько предсказуема? — удивленно протянула Вероника Александровна, поджав губы.

— Порой хорошо быть предсказуемой, — пожал плечами Воронцов и, дождавшись, когда Вероника неуверенно пожмет плечами, пошел в сторону входа.

Как только они подошли, стеклянные двери разъехались, майор первым зашел в теплое небольшое помещение. Вероника очень давно не была в некоммерческих больницах и не ожидала увидеть, что всё может быть настолько запущено. Неровные стены, выкрашенные убогой краской, которая лишь подчеркивала все изъяны. Взрослая, даже пожилая, женщина, сидящая за простым деревянным столом. Скамейки, на которых сидели посетители, давно просились на свалку.

— Добрый день, Вы могли бы нам помочь? — спросила она у женщины, но та никак не отреагировала. Вероника настолько привыкла, что при виде неё все расплываются в улыбке и бегут, желая исполнить любое желание важного клиента. Сейчас её настигло

разочарование в себе, потому что она, как никто другой, должна была знать о подобных вещах. Её мать работает в сфере здравоохранения и сама Вероника так стремится помогать людям, но порой одного душевного исцеления недостаточно.

— Нам нужен врач Леонид Евгорский, могли бы мы попасть к нему на прием? — спросил майор Воронцов. Женщина даже не подняла на него взгляд, продолжая что-то записывать в тетрадку.

— У Леонида Даниловича сейчас обед, — грубо ответила она и добавила, показывая пальцем на бумажку, прикрепленную к стеклу, за которым она сидела. «Обед» — гласила распечатанная на принтере надпись. — Как и у меня.

— Послушайте, мы...,- начал злиться Воронцов, доставая из кармана удостоверение. За всё время работы Вероника уяснила одно — люди ненавидят полицейских. Но если верхний класс относится к ним снисходительно, то те, кто ниже среднего, реагируют довольно бурно и начинают действовать безрассудно.

— Моему мужу очень нужна консультация у доктора Евгорского, прошу Вас! — жалобно воскликнула Вероника, обнимая Воронцова за руку чуть выше локтя. Именно ту, в которой он держал удостоверение.

— В-вы что творите! — прошептал мужчина, шокировано смотря на Веронику Александровну.

— Наш близкий друг посоветовал Леонида Даниловича, он наша последняя надежда! — снова жалобно протянула Вероника, к удивлению майора, он даже увидел слезы в её глазах.

— У него обед, — вздохнула женщина, наконец поднимая на пару взгляд. Вероника заметила, как блеснул огонек интереса в серых глазах, когда та прикинула у себя в голове примерную цену её вещей и украшений.

— Мы готовы оказать финансовую помощь больнице, — вздохнув произнес Воронцов, мужчина не стал отрицать того, что выходка Вероники Александровны подействовала и он готов был ей подыграть. — Мы с женой готовы профинансировать ремонт...да даже этого помещения, — протянул Олег, обнимая Веронику за талию и обводя свободной рукой пространство вокруг.

— Я...я позвоню главврачу, — кивнула женщина и набрала номер на стационарном телефоне.

Пока она что-то тихо говорила главврачу больницы, отойдя в сторону, Вероника, не сдержав усмешку, протянула:

— Вы быстро вжились в роль, майор, — заметила она, отпуская его руку из плена.

— Это первый и последний раз, когда что-то пошло не по-моему, — хмуро ответил он, продолжая придерживать женщину за талию. Это было непривычно, но она не возражала. Вероника наслаждалась присутствием майора рядом, она даже забыла, насколько вкусно от него пахнет. Женщина не спутала бы этот аромат ни с чем другим.

Вероника лишь кивнула, спрятав ухмылку. Через минуту к ним вернулась женщина, имя которой они до сих пор не знали. На её пожелтевшем от бесконечных стирок халате не было даже бейджика с именем.

— Через минуту к вам спустится главврач больницы, — вежливо произнесла она, улыбнувшись.

— Нам нужен Леонид Данилович, — с нажимом произнес Олег. — Или он получил должность главного врача, а мы не в курсе?

— Н-нет, — покачала головой женщины. — Татьяна Константиновна, наш главврач,

проводит вас к нему.

— Заодно покажет нам самые убогие уголки больницы, которым немедленно требуется ремонт, — тихо произнесла Вероника, так, чтобы ее услышал только Воронцов.

— Мы быстро прервем эту незапланированную экскурсию, — хмуро ответил он ей, отходя чуть в сторону.

— Тогда они поймут, что мы соврали, — пожала плечами женщина.

— Не помню, чтобы в Вашем личном деле было написано, что Вы филантроп, Вероника Александровна, — покачал головой Воронцов, сведя брови к переносице.

— Кого Вы обманываете, майор, — усмехнулась женщина, убирая невидимые пылинки с ворота пальто Олега. — Вы никогда не читали моё личное дело, — прошептала она, смотря Воронцову в глаза. Мужчине в нос ударил приятный свежий аромат цитруса, ему понадобилось вся сила воли, чтобы остаться стоять на месте и не отвести взгляд.

— Прошу прощения за задержку! — воскликнула запыхавшаяся женщина в белоснежном халате и простом сером платье классического кроя. — Татьяна Константиновна, главврач этой больницы.

Худошавая угловатая женщина с простым пучком на голове точно получила эту должность не за красивые глаза, которые были тусклого карего цвета и давно потеряли блеск. И точно не из-за высокопоставленного папочки или любовника — для первого она была уже очень взрослой, а для второго бедновато одета и не вышла лицом и фигурой.

— Очень приятно, — улыбнулась Вероника. — Вероника Александровна, а это мой муж — Олег Михайлович, — улыбнулась она, положив свою ладонь на грудь мужчины.

— Прекрасно! — радостно воскликнула главврач. — Прежде, чем отвести вас к Леониду Даниловичу мне бы хотелось показать вам пару мест в нашей больнице.

— Мы готовы просто дать Вам денег, чтобы избежать этой чудесной *экскурсии*, — поджав губы произнес Олег и между ними наступила гнетущая тишина.

— А-ха-ха, — засмеялась Вероника, незаметно щипая мужчину за бок. — Мой муж просто шутит!

— А-а, — протянула Татьяна Константиновна, облегченно выдыхая. — Прекрасная шутка, — кивнула она. — Тогда, пройдемте?

— С удовольствием, — кивнула Вероника, у которой уже болели щеки от постоянной улыбки. — Десять минут, Вы же можете продержаться всего десять минут, майор? — тихо спросила женщина у майора, который шел рядом.

— Только десять минут, — хмуро кивнул он и закатил глаза, когда Вероника Александровна взяла его под руку. — Это обязательно?

— Просто идите молча и делайте вид, будто у Вас очень много денег и Вы очень любите свою жену, майор, — ответила ему Вероника, продолжая улыбаться.

— С первым проблем не возникнет, а вот со вторы-ым, — усмехнувшись протянул он.

— Вы невыносимы, — прошептала женщина.

— Впрочем, как и вы, Вероника Александровна, — не остался в долгу Воронцов, пытаясь не зевнуть, слушая нудный монотонный голос главврача.

Вместо обещанных Вероникой Александровной десяти минут, они слонялись по убогим помещениям больницы уже полчаса. Майору Воронцову уже порядком надоело корчить из себя богатого бизнесмена, который всерьез собирается вложить деньги в это место. Олег никогда не был против благотворительности, он даже ее всячески поддерживал, но мужчина

не верил, что деньги действительно пойдут на нужды больницы, а не в карман той же Татьяны Константиновны, что так широко улыбается Воронцову при каждом удобном случае. Возможно, именно поэтому и стали процветать коммерческие предприятия в сфере здравоохранения. Люди лучше переплатят, но не будут стоять в очереди, и каждый раз, приходя с одной и той же болячкой, будут оставлять в кармане врача в два раза больше налички. Такова суровая действительность.

— Всё это, конечно, прекр...ужасно, Татьяна Константиновна, — вздохнув произнес Воронцов, останавливаясь перед деревянной дверью с табличкой «Лаборатория», с которой слезала белая краска, нанесенная десятым слоем поверх старых девяти. — Но нам с...женой хотелось бы уже познакомиться с доктором Евгорским.

— Д-да, я понимаю, но...,- замялась главврач, которая рассчитывала на иной исход.

— Никаких «но» быть не может, — поддержала майора Вероника, отпуская мужчину. — Давайте я запишу Ваш номер телефона, мы созвонимся на этой неделе и обсудим сумму взноса, — предложила женщина, доставая из сумки мобильный.

— Хорошо, — согласилась Татьяна Константиновна и продиктовала свой номер телефона. Они спустились по лестнице на второй этаж и прошли до середины коридора, в котором не было ни души. Доктор Евгорский оказался не таким популярным и востребованным специалистом, по крайней мере, у простых граждан. — Леонид Данилович, к Вам пришли, — добродушно произнесла главврач, открывая дверь и заходя внутрь.

Небольшое квадратное помещение трудно было назвать кабинетом врача. Слева у двери располагалась небольшая раковина с зеркалом, что не протирали уже пару лет. Справа стояла небольшая ширма, на кушетке за которой дремал сам доктор Евгорский. Вероника и Олег переглянулись, оба были слегка удивлены. Они думали, что мужчину хотя бы предупредят об их приходе и он будет готов, но, видимо, Татьяна Константиновна так спешила очаровать очередной денежный мешок, что у них в больнице появляется крайне редко, что забыла оповестить коллегу.

— Леонид Данилович, — негромко позвала она и потрясла мужчину за плечо, но тот продолжил спать, положив сложенные в замок руки себе на грудь. — Леонид Данилович! — недовольно воскликнула главврач и Евгорский подскочил с кушетки, чуть не упав на пол.

— Татьяна Константиновна? — удивлено и растеряно произнес мужчина, потирая сонные глаза. — П-прошу прощения, я...

— Обед закончился еще двадцать минут назад, — сквозь зубы прошипела она, делая вид, будто Олега и Вероники рядом нет.

— Вы сказали, что позвоните перед своим приходом, — в ответ прошептал Евгорский, показывая белоснежную улыбку паре.

— Рада была познакомиться, — повернувшись спиной к мужчине и лицом к Воронцову и Веронике, протянула Татьяна Константиновна. — Буду ждать Вашего звонка, всего доброго, — кивнула и поспешила выйти в коридор.

— Ну что, давайте начнем, — протянул Евгорский, поднимаясь на ноги и проходя к небольшому деревянному столу, заваленному какими-то бумажками, папками, ручками и даже упаковками от шоколадных батончиков. — Присаживайтесь, — учтиво предложил мужчина, указывая на два деревянных стула с мягкой обивкой, что уже давно потеряла цвет, став тускло-серой.

Вероника и майор Воронцов сели друг напротив друга и, быстро перекинувшись взглядом, повернулись к Евгорскому. Мужчина сидел, выпрямив спину, и улыбался. Больше,

конечно, Веронике Александровне. Леонид Данилович был весьма обычным молодым мужчиной, он не был красивым, но и уродом его было назвать сложно. Прямой нос, карие глаза и тонкие губы, квадратный подбородок с ямочкой и широкий лоб, на который спадала короткая темная челка, делали его внешность обычной для среднестатистического мужчины.

— Вы расскажете, что Вас беспокоит? — спросил Евгорский, обращаясь к Веронике.

— Нас беспокоит диагноз Марка Альбертовича Толстых, — произнес Воронцов, обращая внимание врача на себя. Тот удивленно округлил глаза, быстро кинув взгляд на улыбающуюся Веронику Александровну. — Вы ведь его обследовали и поставили диагноз, не так ли? — уточнил майор.

— Я не имею права...

— О-о, это не проблема, — пожал плечами Олег, доставая из кармана пальто своё удостоверение, — Майор полиции — Олег Воронцов и психолог-консультант Вероника Александровна Ладина, мы расследуем убийство Марка Альбертовича. Он был Вашем пациентом, которому Вы поставили весьма однозначный диагноз, не так ли? — повторил свой вопрос Воронцов. — Могли бы мы увидеть его анализы и медицинскую карту?

Леонид напрягся, выпрямившись, словно струна. Вероника заметила, как по виску стекла капелька пота, а сам мужчина начал нервно щелкать ручкой.

— Не волнуйтесь, мы ни в чем Вас не обвиняем, — поспешила успокоить врача женщина. — Нам просто необходимо убедиться в словах одного из свидетелей. Мы не займем много Вашего времени, Леонид Данилович.

— Марк Альбертович уже пришел ко мне с сильными недомоганиями, я сразу же решил взять у него анализ крови, который показал низкий уровень содержания гемоглобина, незрелые кровные клетки, повышенное число лейкоцитов и многое другое, что стало поводом для новых анализов, — пожал плечами Евгорский. — Я поставил диагноз — рак печени второй стадии. Мы начали лечение и у Марка Альбертовича были все шансы прожить еще года три, а то и больше.

— Мы могли бы увидеть карту и сделать копию? — спросил Воронцов. Пока все казалось ему очень подозрительным. В голове было очень много вопросов, начиная с самого главного: почему мужчина выбрал именно эту больницу и именно этого врача?

— Конечно, нам нечего скрывать, — кивнул Евгорский.

— Как Марк Альбертович отреагировал, узнав свой диагноз? — спросила Вероника.

— Он был на удивление спокоен, даже пошутил, что и так прожил слишком долго, — ответил Леонид, отложив ручку в сторону.

— Скажите, а Вы знаете Софью Нестерову? — спросил Воронцов.

— Соню? Конечно, — кивнул Евгорский. — Она работала здесь пару лет медсестрой, сразу, как только окончила колледж. Мы не были близко знакомы, но однажды я попросил её проводить Марка Альбертовича на процедуры и спустя пару дней она уволилась. К сожалению, о дальнейшей ее судьбе ничего не знаю, — пожал плечами мужчина.

— Она была сиделкой Марка Альбертовича, — пояснила Вероника.

— Правда? — поджав губы переспросил Евгорский. — Тогда понятно, почему Марк Альбертович не захотел больше приезжать ко мне за лекарством.

— Что за лекарство? — спросил Воронцов.

— В последнее время он всё труднее справлялся с болями, и я прописал ему анальгетик в таблетках. Но мы тщательно следили, чтобы у Марка Альбертовича не возникло

привыкание или, не дай бог, зависимость, — объяснил мужчина. — В последнюю нашу встречу он попросил у меня рецепт, я предупредил его обо всех рисках и попросил принимать таблетки только в самом крайнем случае.

— Марк Альбертович отказался от лечения, не так ли? — уточнила Вероника.

— Верно, — кивнул Евгорский. — Он сказал, что двух лет, а это максимум, который я спрогнозировал, ему хватит, чтобы решить все свои дела.

— И вы даже не попытались его отговорить? — спросил Воронцов, нахмурившись.

— Ему было восемьдесят, да и, если честно, шансы были невелики. Думаю, Марк Альбертович захотел дожить отведенный ему срок не в больнице под капельницей, а со своей семьёй, — пожал плечами мужчина. — Это всё, что вы хотели узнать?

— Да, — кивнул Воронцов, поднимаясь на ноги.

— Медицинскую карту Вы можете спросить внизу, Алла Сергеевна сделает для вас копии.

— Спасибо, — кивнула Вероника и, дождавшись, пока майор выйдет, задала последний вопрос. — Вас связывали какие-либо отношения, помимо рабочих, с Софьей Нестеровой?

— С чего Вы взяли? — нахмурившись спросил мужчиной, но он не выглядел оскорбленным.

— Вы сразу поняли о ком мы спросили, хотя, по Вашим словам, Вы не работали с Софьей и почти не пересекались, — объяснила женщина.

— Софья была красивой девушкой и, безусловно, привлекала взгляды, — задумавшись протянул мужчина, старательно подбирая слова. — Но я..., если Вам интересно, предпочитаю женщин постарше, — усмехнулся он, пройдясь по Веронике оценивающим взглядом.

— До свидания, Леонид Данилович, — кивнула она, выходя из кабинета.

— Всего доброго, — кивнул мужчина. Как только дверь закрылась он облегченно выдохнул, упав на спинку неудобного деревянного стула. — Ну и денё-ёк, — протянул Евгорский, доставая из кармана белого халата новый телефон последней модели. *Подарок.*

Евгорский смотрел из окна своего кабинета на парковку, где разговаривали майор Воронцов и Вероника Александровна. Ему было трудно оценивать незнакомых людей, да и понять их по жестам был явно, не его конёк, но почему-то эта пара привлекала взгляды. Леонид не знал ничего о женщине и мужчине, которые просто работают вместе, но они смотрелись так гармонично, будто были созданы друг для друга. Доктор не был наивным мальчишкой и давно вырос из того возраста, когда люди всё еще верят в любовь. Но, глядя на пару, которая о чем-то беседует внизу и, чьи улыбки видны ему даже из окна второго этажа, он готов был вновь поверить в красные нити, связывающие людей навсегда. В конце — концов сам мужчина был однажды настолько очарован, что готов был пойти на всё, ради той, что воплотила его мечты в реальность.

— Куда мы теперь, майор? — спросила Вероника Александровна, когда они вышли на улицу. Дул холодный ветер, она поежилась, твидовый пиджак особо не грел.

— Я поеду в отдел и отдам Елагину эти документы на проверку, а Вы, Вероника Александровна, можете ехать домой, — ответил мужчина, пожав плечами. Он скрутил в конус сканы медицинской карты и результаты анализов Марка Альбертовича и положил их во внутренний карман пальто.

— Почему Вы вечно хотите меня спровадить, майор, — расстроено произнесла женщина, хотя всё это время старательно скрывала своё недовольство. — Я знаю, что Вы не доверяете мне, как, собственно, и никому в этом мире, но это не значит, что...

— Пока Вы не наговорили ничего лишнего, Вероника Александровна, — вздохнул прервал её Олег, доставая ключи от машины. — Прошу, замолчите.

— Не нужно затыкать мне рот! — грубо произнесла Вероника, которой надоело терпеть холодность и грубость со стороны мужчины.

— Я всего лишь хотел сказать, что после того, как завезу документы Елагину — отправлюсь домой, — спокойно произнес Олег, даже не обратив внимание на подобный тон. — Если Вам будет легче, то впредь больше не буду пытаться *спровадить* Вас, хорошо? — спросил он, приподняв светлую бровь.

Олег сам не понимал, почему не злился, как прежде, отчего у него больше не было желания держаться подальше и, самое главное, с некоторых пор майору больше всего на свете не хотелось обижать эту женщину. Она стала что-то значить для него? Суций бред! Он бы никогда не обратил на неё внимание, проходя мимо, или вряд ли бы захотел пригласить её на чашку кофе. Только сейчас, смотря в кошачьи глаза, ему хочется предложить подвезти Веронику Александровну до дома и напроситься на чашку чая...

— Хорошо, — кивнула женщина, опустив взгляд в пол. — Простите за мою реакцию, — произнесла она, снова поднимая взгляд и встречаясь с холодными небесно-голубыми глазами.

— Знаете, я не поверил ни единому его слову, — неожиданно произнёс Воронцов, открывая дверь машины.

— Зачем, Вы мне это говорите? — непонимающе спросила Ладина, сдерживая улыбку. Получалось у неё из рук вон плохо.

— Ну-у, мы же напарники, — усмехнулся майор, садясь в машину. Он засмеялся, увидев, как Вероника улыбается, завел машину и выехал с парковки. Проезжая мимо

женщины, он открыл окно, кинул на неё быстрый заинтересованный взгляд. — До завтра, Вероника Александровна.

— До встречи, майор, — кивнула она, смотря вслед удаляющейся машине.

Вероника до сих пор не понимала, почему этот мужчина заставляет испытывать её такие яркие и противоположные друг другу чувства. Она старалась не думать об этом с точки зрения науки, потому что в подобном случае у неё было бы подозрение на психическое расстройство. Женщина не успела подумать об этом и больше минуты, как в сумку зазвонил телефон. На дисплее высветилось имя «Богдан Т» и Вероника, выбросив из головы все ненужные мысли, ответила.

— Добрый день, Вероника, — неуверенно протянул мужчина и замолчал.

— Здравствуйте, Богдан Маркович, — добродушно ответила Вероника, открывая дверь машины и бросая на пассажирское сидение свою сумку. — Вы что-то хотели?

— Нам нужно поговорить, я...мне тяжело принять решение, — вздохнув произнес он. — А поделиться могу только с Вами.

— Конечно, завтра в девять у входа на ВДНХ, договорились?

— До встречи, — согласился мужчина и положил трубку. Вероника подумала о том, что ей стоит рассказать Воронцову, если не о подробностях личной жизни старшего сына Марка Альбертовича, то хотя бы о его алиби.

Когда машина Вероники Александровны покинула пределы территории больницы, Евгорский отошел от окна, поправив пыльные шторы, взял со стола телефон. Он хотел позвонить сразу, как только пара из правоохранительных органов покинула его кабинет, но не решился. Сейчас, ему ничего не мешало набрать её номер, но червяк сомнения продолжал съедать Леонида изнутри. Он не любил врать, жил по законам страны и морали, но ради этой женщины предал собственные убеждения. Теперь у него не остается ничего другого, как идти до конца.

— Да-а? — протянул женский голос в динамике, и мужчина расплылся в улыбке.

— *Любимая*, — произнес Евгорский, садясь на стул. Каждый раз, слыша нежный ласковый голос, он забывал обо всем и думал лишь о её улыбке, кокетливом взгляде, нежной коже и аромате тела. — У меня недавно были из полиции, тот майор, про которого ты говорила.

— И женщина с ним? — уточнила она.

— Да, расспрашивали о диагнозе Марка Альбертовича, попросили копии документов. Но я всё сделал, как ты сказала! — поспешил заверить любимую Леонид.

— Молодец, — довольно протянула она. — Ты все сделал правильно, главное, направить их по *правильному* пути и уже совсем скоро они найдут убийцу!

— Ты уверена, что этот майор ничего не заподозрит, — хмуро спросил Евгорский, ему бы не хотелось оказаться в тюрьме, в свои неполные тридцать. — Он не показался мне идиотом...

— Не-ет, его больше заботит та надоедливая психологиня, — фыркнула в ответ женщина. — Она сразу показалась мне проблемной, мужчине не так трудно запудрить мозги, заставить делать то, что надо тебе. Но вот с женщиной, тем более с *умной* женщиной, могут возникнуть проблемы.

— Я готов помочь, только скажи! — пылко воскликнул Леонид Данилович.

— Пока не стоит, дорогой, — успокаивающе произнесла женщина. — Тебе нужно

сидеть и не высовываться, чтобы они и подумать не могли, что ты о чём-то знаешь. Своё дело ты уже сделал, с анализами ведь всё в порядке? — уточнила женщина.

— Чисты, словно слеза младенца! — со всей уверенностью произнес Леонид, самодовольно усмехнувшись.

— Я и не сомневалась в тебе, — ласково протянула в ответ собеседница. — Главное, чтобы они не узнали про таблетки, иначе могут возникнуть проблемы, а в дом сейчас попасть не так уж и просто.

— Н-но, *любимая*, — жалобно протянул мужчина.

— Что не так? — зло воскликнула она, в мгновение растеряв всю веселость и нотки нежности в голосе.

— Ты ничего не говорила о таблетках, — в своё оправдание попытался сказать мужчина.

— А каким способом еще можно было отравить его, — прошипела она, словно змея. — И что ты им сказал?

— Что у Марка Альбертовича были сильные боли и я выписал ему рецепт, — неуверенно проговорил мужчина.

— М-м, ладно, — недовольно вздохнув сказала женщина. — От таблеток избавлюсь, они всё еще в аптечке на кухне, там, где я их и оставила, — протянула задумавшись, — но стоит поторопиться, пока они не додумались до того, чем же на самом деле был убит этот старикан.

— Прости, я же...,- снова попытался оправдаться Леонид.

— Все, закрыли тему, — грубо осадил ее мужчина. — Теперь тебе нужно просто спокойно работать и не привлекать к себе внимания, поэтому, до конца дела нам лучше не видеться!

— Но...,- попытался воспротивиться Евгорский, но услышал не совсем отчетливый мужской голос в динамике.

— Детка, а ты где, — прокричал молодой мужчина. — Я уже соскучился и замёрз-з, — протянул он и звонко рассмеялся.

— Это кто, — обиженно протянул Леонид.

— Мне нужно идти, я позвоню, — быстро проговорила женщина и бросила трубку.

Доктор разозлился и швырнул стопку бумаг со стола, они разлетелись по всему кабинету, медленно приземляясь на неровный, покрашенный ужасной коричневой краской, деревянный пол. Мужчина злился, что, выполнив свою задачу, до сих пор не смог получить награду: обещанные деньги, полку для одежды и теплое место в кровати рядом с *любимой женщиной*.

Богдан стоял у арки входа на ВДНХ, смотря на блестящих, в лучах осеннего солнца, золотых тракториста и колхозницу. Он так давно здесь не был, что даже уже не помнил, когда вообще последний раз вот так просто прогуливался. Сегодня мужчина отключил телефон, не хотел, чтобы его разговор с Вероникой могли прервать. Впервые за долгие годы он позволил себе подобную шалость, плюнул на нужды и заботы других, и выкрал для себя хотя бы пару часов.

Поправив свой стеганный дутый жилет черного цвета, проверил время на наручных часах. Сегодня Богдан был одет в непривычный для него спортивный костюм темно-зеленого цвета и удобные мягкие кроссовки, а не лакированные туфли и костюм-тройку, что

постоянно стесняли движение. Но если внешне он был абсолютно спокоен, то внутри ощущал себя испуганным, загнанным в угол мальчишкой, чья жизнь, лихо сменила направление. Сначала мужчина думал, что это позволит ему дышать свободно и жить так, как хочется, но глубоко подумав понял, что теряет семью — самое ценное в жизни.

— Доброе утро, Богдан Маркович, — улыбнулась Вероника, остановилась напротив него. Улыбнулась, пройдясь по мужчине взглядом сверху вниз, и, подмигнув, сделала комплимент. — Прекрасно выглядите, Вам очень идёт!

— Благодарю, — кивнул Богдан. — Прошу прощения, что не подумал о Вас, — произнес он, смотря на её лакированные ботильоны с квадратным носом на устойчивом каблуке средней длины. Мужчина искренне сожалел, понимая, как глупо выглядит рядом с красивой женщиной, одетой в чёрную плиссированную юбку миди с тонким поясом и золотистой фурнитурой, яркую рубашку ассиметричного кроя цвета фуксия и двубортный тренч насыщенного зелёного цвета.

— Если мне не изменяет память, — усмехнувшись протянула Вероника, зажимая подмышкой небольшой прямоугольный кожаный клатч в цвет своей рубашки с монограммой известного бренда. — Мы договорились, что теперь Вы думаете в первую очередь *о себе!*

— Тогда пойдёмте, я угощу *себя* и Вас кофе, — с благодарностью во взгляде кивнул, предлагая Веронике Александровне локоть.

— С удовольствием, — кивнула она.

Вероника всегда старалась создать дружескую непринужденную атмосферу, чтобы её собеседникам было легко. Им приходилось говорить на тяжелые эмоциональные темы, которые заставляли их вылезать из раковин, поднимая на поверхность боль, страх, отчаяние и многие другие чувства, о которых Ладина могла лишь догадываться. Каждый следующий, не был похож на предыдущего, у всех у них были свои тайны, проблемы и переживания. Кому-то было легче, кому-то сложнее, но результат всегда зависел от желания самого человека разобраться в себе, своём прошлом и настоящем.

— У меня было время подумать, — начал Богдан, спустя пару минут, они прогуливались по ВДНХ, наслаждаясь весьма неплохим кофе и теплыми лучами солнца.

— Мне правда интересно, к чему Вы пришли, — кивнула женщина, вышагивая рядом. Она никогда не назначала следующие встречи, у неё не было графика или расписания. Вероника всегда придерживалась мнения, что человек сам должен захотеть пойти на контакт, и принять данное решение осознанно.

— Понимаете, у меня есть... *любовница*, — неуверенно протянул мужчина. Ему было неловко, стыдно и некомфортно признаваться в подобном.

Богдан за все годы брака никогда не изменял Лене, с какими бы проблемами они не сталкивались, сколько бы месяцев не прикасались друг к другу, но мужчина даже не смотрел в сторону других. Да, ранее он говорил, что не любит свою жену, но его преданность семье, во всех её проявлениях, была выше и ценнее похоти.

— Которая...,- он снова замолчал, чувствуя себя ребенком, не способным признаться в совершенной шалости. Но разве можно назвать ребенка *шалостью*? Богдан бы не посмел, не смог бы так окрестить Милану и их ребенка, потому что они ни в чем не были виноваты, в *отличии от него*. — Которая беременна от меня, — вздохнув признался Богдан.

Вероника Александровна ободряюще улыбнулась мужчине и не произнесла ни слова. Она не хотела прерывать откровение Богдана, которое и так давалось ему очень нелегко. Женщина сегодня была просто слушателем, который, порой, был так необходим каждому.

— Вы не удивлены, — немного шокировано произнес Толстых, сведя темные брови к переносице.

— А должна? — аккуратно спросила Вероника, уж очень сбитым с толку казался её собеседник.

— Обычно реакция людей бывает бурной, — пожал плечами мужчина, смотря перед собой. — Ошибка порой стоит очень дорого, — вздохнул он, крепко сжимая в руке картонный стаканчик.

— А Вы считаете ту женщину ошибкой? — удивленно приподняв бровь спросила Вероника. Милана так воодушевленно рассказывала об их знакомстве, вспыхнувших чувствах и будущем, что у женщины не возникло сомнений в решимости Богдана уйти к матери своего нерожденного ребенка.

— Скорее неудачным эпизодом в моей жизни, — покачал головой мужчина. — Один раз, я изменил Лене всего один раз, но лавина, которая вот-вот обрушится на мою семью...

Вероника нахмурилась, она была взрослой женщиной и знала откуда берутся дети, но откровение Богдана заставило её задуматься. Одна ночь, последствия которой поражали своим масштабом — ребёнок, предстоящий развод, кольцо за несколько тысяч долларов, планы на будущее, которым, возможно, так и не суждено сбыться. Вероника не знала, *какой* Богдан настоящий — тот, о котором рассказывала Милана, тот, о котором говорила Алевтина Дмитриевна или тот, с которым беседовала сама Ладина.

— Если Елена ни о чем не знает, почему Вы считаете, что одна ночь разрушит Вашу семью, Богдан? — спросила Вероника.

— Два месяца назад, в мой день рождения, мы с Леной поссорились и я, поддавшись порыву, пошел к другой женщине, — вдохнув признался Богдан. — Я познакомился с ней случайно, спас её от хулиганов. Она была молода и, казалось такой невинной, что я даже не посмел подумать о чем-то пошлом.

Вероника слушала мужчину и понимала, что с его точки зрения всё выглядело совершенно иначе, нежели себе представляла Милана. Но где на самом деле была правда, ей оставалось лишь догадываться.

— Мне было нужно почувствовать, что я кому-то нужен, что кто-то хочет меня в своей жизни. Сейчас понимаю, что мне не стоило идти к этой *девочке* и портить ей жизнь, — покачал головой Толстых.

— И как же Вы испортили ей жизнь?

— Почти две недели назад я узнал, что в ту ночь она забеременела, — мужчина остановился перед фонтаном «Дружба народов» и, не отрывая взгляда от золотых статуй, продолжил. — Я расстался с ней на следующий день, после проведенной ночи, попросил простить меня и пообещал, что больше никогда не появлюсь в её жизни.

— Она сама нашла Вас? — спросила Вероника, история постепенно начинала обретать смысл.

— Да, подкараулила у офиса типографии и показала снимок узи и заключение врача, — кивнул мужчина. — Я сказал, что не брошу ребенка, буду их обеспечивать, но...

— Но? — хмуро повторила женщина.

— Она сказала, что хочет полноценной семьи. Я умолял её переехать в другой город, обещал часто навещать и содержать, но...

— Она потребовала развод, — закончила за Богдана Вероника, не в силах осмыслить

услышанное.

— Теперь у меня осталось всего несколько дней, иначе та женщина, сама всё расскажет Лене, — покачал головой мужчина, на нём не было лица. Он был опустошен и вина съедала его изнутри.

— Но, если Вы не любите Елену, почему Вам так трудно её отпустить? — спросила Вероника Александровна. Комичным было то, что люди действительно начинают ценить лишь тогда, когда теряют. Богдан понял, что уже не представляет свою жизнь без жены слишком поздно.

— Мы не знаем, что такое *любовь*, — покачал головой мужчина. — Нам кажется, что это ураган эмоций, страсти и желания, который постоянно держит нас в напряжении. Но, как оказалось, любовь — это спокойствие, желание, чтобы каждый день был похож на предыдущий. Рутинность недооценивают, а ведь это и есть главная составляющая любви — находить покой в том, что, казалось бы, совершенно обыденно.

— Вы жалеете? — спросила Вероника.

— Вы даже не представляете, как, — кивнул мужчина и пошел вперед. Богдану хотелось побыть одному, ведь совсем скоро он вернётся домой и будет наслаждаться последними днями в окружении семьи, которую мужчина потерял из-за своего эгоизма и желания показать другим, что он лучше, чем есть на самом деле. Он понимал, что ему просто нужно было ценить то, что имеет.

Полковник Радов стоял в небольшом холле у выхода с нижнего этажа парковки и нетерпеливо поглядывал на минутную стрелку на своих наручных часах. Последние несколько недель мужчина начал ловить себя на мысли, что слишком много времени уделяет работе, которая всегда была для него главным приоритетом. Сейчас ему было трудно начинать всё сначала, выстраивать личную жизнь: найти хобби, прочесть книги, наладить отношения с дочерью, которой у полковника никогда не было. Последнее особенно заставляло нервничать. Сан Саныч не представлял, на какие жертвы ему придется пойти и какие слова подобрать, чтобы Вероника согласилась хотя бы на встречу. Последний их разговор вышел настолько ужасным, что надежда на следующий таяла, словно снежинка на горячей ладони.

Наконец недалеко, заняв свободное место, припарковался спортивный автомобиль ярко-бирюзового цвета, который можно было заметить за милю. Полковник напрягся, выпрямил спину и поправил и так идеально сидящий на нём повседневный китель тёмно-синего цвета. Вероника вышла из машины, легко хлопнув дверью и стремительно пошла в сторону Радова, эхо от стука её каблуков разносилось по всему нижнему этажу парковки.

— Рад, что ты приехала, — улыбнулся мужчина, замирая на месте. Он не хотел признаваться, но понятия не имел, как ему себя вести с собственной дочерью. Обнять? Поцеловать в щеку? У них не настолько близкие отношения, чтобы полковник мог это сделать, но и стоять столбом ему не хотелось.

— Ты *настойтельно* попросил, вот и приехала, — ответила Вероника, думая, когда терпение её биологического отца закончится и он перестанет играть в доброго и порядочного папочку. Не по своей воле, но она опоздала на целых двадцать минут и сейчас продолжает выводить мужчину из себя своим надменным поведением. Насколько хватит полковника?

— Перестань, Вероника, — покачал головой Сан Саныч. — Мы ведь всё-таки родные люди, — протянул он, но в ответ девушка лишь усмехнулась.

— Ты вспоминаешь о том, что я твоя *дочь* лишь тогда, когда тебе выгодно, — поджав губы ответила она. — Вот и сейчас! Мне интересно, что мы здесь делаем?

— Мне нужна твоя помощь, — ответил полковник. Проходящие мимо люди начали с любопытством оглядываться. Со стороны они и правда выглядели несколько странно — седовласый широкоплечий мужчина в форме полицейского и молодая женщина в стильной одежде, которая смотрела на своего собеседника с недовольством и каплей презрения во взгляде.

— Давай ты сразу перейдешь к шантажу, чтобы мы зря не теряли время, — вздохнула Вероника, сложив на груди руки. — Что на этот раз тебе понадобилось? Моя почка? — с насмешкой уточнила она, заставив мужчину злиться.

— Может, я просто хочу провести с тобой время! — воскликнул полковник, разведя руками.

— А тебя не волнует, что *Я* этого не хочу! — в той же манере произнесла Ладина, повторяя жест отца руками. Со стороны они выглядели глупо, словно два ребенка, ни один из которых не мог уступить другому.

— Ладно, — сдался Сан Саныч, взмахнув руками от недовольства. — Мне нужна твоё

помощь в выборе подарка для Олега, у него скоро день рождения, — произнес он, заметив удивление на лице дочери.

Конечно, подарок для Воронцова был предлогом, некой манипуляцией, на которую Вероника поддалась. Она не могла оставить майора без подарка, да и это был повод узнать мужчину получше, поддавшись своему любопытству. Полковник предполагал, что Олег не зря заинтересовался новой коллегой, но и подумать не мог, что Вероника отвечает Воронцову взаимностью. Его мнения никто не спрашивал, но он был против. Слишком тяжелый груз прошлого не позволял Радову принять настоящее, да и не мог мужчина отдать единственную дочь такому, как майор — холодному, своевольному, зацикленному и недоверчивому трудоголику. Он, каким бы плохим отцом не был, хотел для Вероники лучшего.

— Чем интересуется майор? — спросила девушка, заведя разговор.

— Своей работой, — пожал плечами полковник, пока они шли по просторному торговому центру с множеством разнообразных магазинов.

— Что ты планировал купить ему? — продолжала задавать вопросы Ладина, прикидывая в голове примерный размер одежды Воронцова или вспоминая аромат его одеколona. Ей хотелось купить подарок мужчине лично от себя, у женщины было слишком много вариантов, но остановиться она хотела на самом *особенном*.

— Подарки, в привычном смысле этого слова, я перестал дарить Олегу, когда ему исполнилось восемнадцать, — пожал плечами полковник, когда Вероника остановилась у магазина мужской одежды. Внутри почти не было людей, в просторном светлом помещении лежали на полках и висели на вешалках вещи от известных брендов. Как только они прошли внутрь к ним поспешила девушка в строгом черном платье прямого кроя.

— Могу я Вам чем-нибудь помочь? — спросила она, улыбнувшись. Обращалась девушка именно к Веронике, не обращая на полковника особого внимания.

— Добрый день, нам бы хотелось посмотреть мужские рубашки, свитера, возможно, джемпера, — задумчиво протянула Ладина, и быстро прошлась взглядом по вешалкам.

— Мы ищем что-то на Вашего *спутника*? — уточнила девушка-консультант, переводя взгляд на полковника Радова.

— Нет, — покачала головой Вероника. — Нам нужен сорок восьмой размер, *Вика*, — произнесла она, прочитав имя девушки на её бейджике.

— Конечно, — тут же кивнула она. — Пройдите, пожалуйста, к диванам. Там Вам будет удобнее, а я постараюсь найти что-то подходящее.

Вероника усмехнулась и, обернувшись на недоумевающего полковника, прошла к светлым диванам. Она нередко бывала в мужских магазинах, её отчим предпочитал качественные рубашки из сто процентного хлопка под запонки. Да и ничего дороже хорошей рубашки Русанов вряд ли принял от своей любимой приёмной дочери.

— Так почему ты перестал дарить ему подарки? — спросила Вероника, поворачивая голову к сидящему рядом полковнику.

— В восемнадцать Олег потерял мать, с тех пор он не празднует день своего рождения, — пожал плечами Сан Саныч, стараясь прогнать мысли о том дне. Именно он сказал еще молодому парню, что его мать умерла. В тот момент, сидя на кухне в пустой квартире и дожидаясь Воронцова из Академии, полковник не мог выбросить из головы мысль, что он проклятье этой семьи. Отец, потом мать, что ждёт молодого, подающего надежды студента Академии МВД... Впервые за столько лет Радову было страшно.

— Это ужасно, — кивнула Вероника, задумавшись. — Ты заменил ему сначала отца, теперь семью, не так ли? — усмехнувшись спросила она. Женщина сдержала самодовольную улыбку, когда увидела удивление на лице полковника. — Да, я наводила справки, — кивнула она, не дожидаясь ответа.

— Если ты и так это знаешь...

— О-о, я знаю не только это, *Александр Александрович*, — усмехнулась Вероника. Полковник напрягся, в глазах дочери он увидел нечто, заставившее его замереть в ожидании. — Порой женщины, подавшись необъяснимому порыву, совершают странные вещи. Моим первым пациентом после окончания Академии был подполковник в отставке. Его мучали кошмары, он видел, как стая собак сгрызли его напарника.

Сан Саныч сглотнул, ему понадобилась вся сила воли, чтобы на лице не дрогнул ни один мускул. Вероника не отрываясь смотрела ему в глаза, продолжая говорить.

— Мне буквально за два сеанса удалось сделать так, чтобы он не просыпался в холодном поту каждую ночь. Тогда я еще применяла методы, которым меня научили в Академии, — пожалала она плечами, с благодарностью кивая девушке-консультанту и та, увидев легкое движение головой, быстро ретировалась. — Мужчина был так благодарен, что сам предложил свои многочисленные связи и я — поддалась тому самому необъяснимому порыву!

— И что ты узнала? — с осторожностью спросил полковник, надеясь, моля бога о том, чтобы его дочь никогда не узнала о Мише и причастности Сан Саныча к его смерти. Мужчина не сможет жить зная, что родная дочь считает его убийцей.

— Я получила прекрасные фотографии, на которых ты был с майором Воронцовым. Вы сидели в кафе, прогуливались по парку, ели шашлыки на даче и куча, ку-уча всего того, чего ты никогда не делал со мной! — произнесла женщина, но в её глазах не было ни боли, ни ненависти. Все обиды прошли, осталось лишь равнодушие, над которым иногда преобладала усталость от того, что полковник так напористо добивается её внимания. — Ты *сам* выбрал стать отцом для чужого мальчика, а не для родной дочери. Поэтому, даже не рассчитывай на то, что со временем что-то изменится. Никогда! — последнее слово она произнесла тихо, наклонившись к мужчине.

Вероника резко поднялась на ноги и стремительно пошла в сторону выхода. Она поймала на себе удивленный взгляд девушки-консультанта, но молча прошла мимо неё. Она знала о майоре Воронцове гораздо больше, нежели мужчина мог предполагать. Знала о его семье, образовании, счете в банке, месте жительства и даже женщинах, с которыми он когда-то спал. Несколько лет назад, подавшись тому самому порыву обиженной на папу девочки, Вероника узнала об Олеге всё. И, была бы её воля, она бы никогда не встретилась с ним лицом к лицу, тем более не стала работать. К сожалению, у судьбы были на них свои планы.

Ладина быстро шла по просторному холлу торгового центра, направляясь к лифту, но случайно заметила в одном из магазинов Елену Толстых.

Елена ходила между стеллажами в небольшом магазине с эксклюзивными работами ручной работы. Здесь было много разнообразных вещей: одежда, письменные принадлежности, трубки для табака, столовые приборы и даже мебель. Преимущественно всё было сделано из дерева и предметы привлекали взгляд. Вероника медленно подошла к стеклянным распахнутым дверям магазинчика и замерла, наблюдая за женщиной, пока та её не заметила. Лена выглядела удрученной и даже расстроенной, в глазах её не было слез, но

читалась усталость и тоска. Она смотрела на вещи, будто с ними у неё была связана целая история. Женщина остановилась у небольшого высокого стеллажа, на котором были выставлены ежедневники в плотном переплете с деревянной резной обложкой из разного вида древесины с изображениями животных, растений, героев известных романов и произведений искусства.

Лена взяла в руки один из них и грустно улыбнулась, погладив корешок. Вероника аккуратно подошла к женщине со спины, хотя стук каблуков по плиточному полу выдавал её присутствие. Толстых обернулась и удивленно округлила глаза, быстро вернув ежедневник на место.

— Вероника, никак не ожидала Вас здесь увидеть, — протянула она, поправляя и так идеально уложенный низкий пучок и уводя взгляд от прямого столкновения с зелеными кошачьими глазами собеседницы. Сегодня Лена плохо скрывала, что нервничает. Наверное, Вероника застала её врасплох.

— Совершенно случайно прогуливалась по торговому центру и увидела Вас, — пожал плечами ответила Лаина. — Решила подойти, поздороваться.

— Добрый день, — кивнула Елена, поправляя кашемировый шарф бордового цвета у себя на шее.

— Добрый, — улыбнулась Вероника, показательно оглядывая всё вокруг. — Какой интересный магазин, а я как раз ищу что-нибудь необычное для подарка своему... другу.

— Да, я не первый раз здесь, — кивнула женщина.

— Тогда, возможно, вы сможете мне помочь? — спросила она, беря в руки один из ежедневников. — Это выглядит довольно неплохо! — воскликнула она, открывая и пролистывая совершенно обычные чистые желтоватые страницы.

— Я всегда покупала что-то подобное Марку Альбертовичу, — грустно улыбнувшись произнесла Толстых, смотря на ежедневник в руках девушки. — Он вел дневник и обожал подобные уникальные вещи.

— Как интересно, — протянула Вероника. — Возможно, мой друг тоже займётся чем-то подобным, — пожалала она плечами. — Вы дарили их Марку Альбертовичу постоянно?

— Каждый Новый Год, — кивнула Елена. — Ему хватало ровно на год, он любил записывать всё происходящее с ним. Смеялся, что любит перечитывать и вспоминать то, что забыл.

— О-о, теперь понятно, как он написал свой последний роман, — засмеялась Вероника. — Вы читали?

— Нет, — покачала она головой. — Рита решила, что до издания она будет единственным читателем.

— Богдан Маркович, наверное, расстроен, — как бы невзначай протянула Лаина.

— Не знаю, Вам лучше знать, — пожалала она плечами, недовольно поджав губы. — Вы же встречались сегодня.

— Вы следите за своим мужем? — усмехнувшись спросила девушка, вопросительно приподняв светлую бровь.

— В этом нет смысла, — покачала головой Елена. — В последнее время Богдан стал очень открытым, я бы даже сказала... *внимательным* и *нежным*, — задумавшись произнесла она, не сразу подобрав слова. Для женщины, последняя неделя, после смерти Марка Альбертовича, стала тяжелой и удивительной. Она открыла в своем муже много новых граней, сторон, который Богдан много лет прятал. Лена думала, что если бы с самого начала

мужчина смог быть с ней настоящим, то она бы никогда не сомневалась в своей любви, никогда бы не задумалась о расставании.

— Это прекрасно, — улыбнулась Вероника, чувствуя себя последней тварью. Она улыбалась в лицо женщине, которая только обрела счастье и должна будет его потерять. Она не могла ей рассказать, у нее не было на это права. Но почему-то это не облегчало ужасное ноющее, съедающее изнутри чувство. Именно поэтому Ладина не любила работать с семьями, кому-нибудь обязательно будет больно, кто-нибудь всегда останется за бортом.

— Наверное, я должна быть благодарна за это Вам, — краешком губ улыбнулась Елена. — Возьмите ежедневник своему другу, Марк Альбертович до последнего хранил их у себя, говорил, они согревали его душу.

— Спасибо, — кивнула девушка.

— Всего доброго, — кивнула Толстых и вышла из магазина, оставив Ладину с сожалением в красивых глазах смотреть ей вслед, сжимая в руке маленькое произведение искусства.

— Я могу Вам чем-нибудь помочь? — спросил пожилой мужчина в круглых очках с тонкой металлической оправе и седыми, белыми, словно снег, волосами. Его морщинистое лицо было добрым, а тусклые серые глаза улыбались. Веронике почему-то жизненно необходимо было с кем-то поговорить, она поняла это, ловя на себе теплый взгляд.

— Да, я хочу купить это, — кивнула она, протягивая ему ежедневник.

— Одинокий орёл, интересный выбор, — протянул старик, забирая из рук женщины ежедневник. — Меня вдохновила на эту работу история о Ларре. Возможно, Вы знакомы с ней?

— Расскажите? — попросила Вероника, она почувствовала, как в кармане зазвонил телефон и, не посмотрев на экран, засунула руку в карман и сбросила звонок.

— О-о, с удовольствием, юная леди, — протянул мастер, а Ладина засмеялась. Для пожилого мужчины она ведь действительно была еще *юной*.

— Жил однажды получеловек полуптица. Жил свободной жизнью, считал себя лучше простых людей и выше законов природы, — начал рассказ мужчина, медленно пройдясь по неровной, но гладкой деревянной обложке. — И вот однажды, он влюбился в красивую девушку. Кожа её была цвета жаркого полуденного солнца, волосы длинные, словно ветви столетнего дуба, а глаза зелёные, как трава под ногами. Та девушка не смогла полюбить Ларру в ответ, его холодные глаза, свободолобивый нрав и острые черты лица пугали её...

Мужчина рассказывал, а Вероника слушала и не могла оторвать взгляда от сосредоточенного лица и наполненного взгляда, с волнением и восхищением смотрящего на свою работу. Конечно, она знала эту историю, она была не столь прекрасна, как звучала из уст мастера и конец её был печален, и даже ужасен.

— Ларра не смог смириться с отказом любимой и, решив оставить родной край, улетел высоко в горы, где всегда дули холодные северные ветра, и никто не жил. Там он был свободен, но одинок. Прожив долгие годы в высоких снежных горах, он умер, а закаменевшая фигура прекрасного и свободолобивого человека-птицы с расправленными могучими крыльями, навсегда осталась неподвижно стоять на небольшом выступе на самой высокой горе. Там, где Ларра обрел свободу и потерял любовь.

— Прекрасная история, — кивнула Вероника, принимая из рук старика небольшой пакет с ежедневником. — Наверное, мне стоит еще раз поблагодарить Лену, что

посоветовала мне Ваш магазин.

— О-о, Лена частый гость у меня, и постоянный посетитель, — улыбнулся мужчина.

— Да, она говорила, что у Вас прекрасные работы. Особенно ей нравятся ежедневники! — поддержала мастера Ладина.

— Лена дарит их своему тестю на протяжении уже пяти лет, — заметил он. — Но подобные работы я делаю исключительно на заказ. Она просит вырезать на обложке портреты, принося мне описания из текстов каких-то романов, — рассказал старик. — Но, насколько мне стало известно, её тесть умер. Царство ему небесное, — тихо проговорил мужчина, перекрестившись и поднеся к губам серебряный крест, достав его из-за ворота своего вязаного серого свитера.

— Благодарю за чудесный рассказ, но мне пора, — кивнула Вероника и, попрощавшись с женщиной, вышла из магазина.

Девушка отошла от магазина и, найдя свободную скамейку, присела, достав из кармана телефон. Мобильный сразу же зазвонил, на дисплее высветилась иконка с фотографией Аллы Викторовны. Женщина улыбалась, будучи в простом длинном сарафане желтого цвета и без грамма косметики на молодом румянном лице. Она держала на руках маленькую девочку, лет пяти, с двумя хвостиками из карамельных волос, которая держала в руке розовый воздушный шарик. Вероника улыбнулась лишь на мгновение, а потом с раздражением сжала телефон в ладони, вспомнил *кто* много лет назад сделал эту фотографию.

— Да, мам, — ответила она, выдохнув.

— Ника-а, ты же помнишь, что обещала заехать к нам с папой? — ласково протянула Алла Викторовна. — М-м, Коля как раз привез из Питера мои любимые эклеры! — воскликнула она.

— Я уже выезжаю, — ответила Вероника, не в силах сдержать улыбку.

— Жду тебя, — довольно протянула Русанова и, изобразив звук поцелуя, положила трубку.

Алла Викторовна сидела на своей просторной кухне в классическом французском стиле. Женщину всегда восхищало умение французов изящно смешивать в интерьере винтажные и антикварные предметы с ультрасовременными решениями. Её не пугала, а скорее привлекала пустота пространства и светлые нежные тона, в которых была выдержана вся квартира. Алла всегда мечтала побывать в Париже, подержать на ладошке Эйфелеву башню и просто прогуляться по Монмартру. Её мечта исполнилась не так давно, только не с тем человеком, с которым они когда-то строили подобные планы. Порой Русанова, смотря на себя в зеркало, думала о том, почему она так и не смогла стать счастливой. Умная и красивая дочь, которой она гордилась, прекрасный человек рядом, который уже долгие годы ни разу не дал повода усомниться в его верности и любви. Карьера, машина, квартира, путешествия и всё, что только душе угодно, было в жизни Аллы Викторовны, но она по-прежнему не чувствовала себя по-настоящему счастливой. Возможно, однажды она слишком идеализировала мужчину, которого считала любовью всей своей жизни.

— Любимая, я уезжаю по делам, что-нибудь купить на обратном пути? — спросил высокий худощавый мужчина, заходя на кухню.

Алла подняла взгляд, встречаясь с серыми глазами Николая, её мужа, с которым они прожили вместе двадцать лет. Время пролетело так быстро, что она даже не успела заметить, как из не особо красивого, местами угловатого молодого человека, он превратился в солидного, приятного на внешность мужчину. Темные волосы давно поредели и поседели у висков, но это не портило внешность Русанова. За долгие годы он научился скрывать недостатки своей худощавой фигуры и прямого силуэта под дорогой тканью классических костюмов в клетку.

— Сейчас приедет Ника, может, ты дождешься её? — спросила Алла, сидя за небольшим столом, столешница которого была выполнена в форме овала из розового мрамора.

— У меня совещание с уральским филиалом, — ответил Николай, отодвигая стильный стул с широкой эргономичной спинкой и подлокотниками с обивкой из высококачественной ткани цвета пудры. Одному Русанову было известно, сколько он тратил на ремонт квартиры, который они делали стабильно раз в пять лет.

— Почему ты не можешь провести его из дома, сейчас для этого есть все условия? — спросила женщина, наблюдая за тем, как муж садится на стул и пытается закрепить брильянтовые запонки из желтого золота. Алла никогда не была ревнива и вообще считала это чувство недостойным для такой женщины, как она. Красота с годами уходит, как и любовь, если она была. Мужчины тоже имеют свойство исчезать из жизни, с этим Русанова смирилась еще в двадцать с небольшим. — Ты принарядился для простого совещания, — протянула Алла, постукивая ногтями с идеальным нежно-розовым маникюром по мраморной столешнице.

— Неужели, спустя двадцать лет я наконец-то добился твоей ревности, Алла? — засмеялся мужчина, беря её ладонь в свою и нежно целуя костяшки пальцев. — Я люблю только тебя.

— Я знаю, — кивнула Алла, легко улыбаясь. — Хорошей дороги, — произнесла она, прежде чем мужчина покинул кухню и из коридора донесся звук закрывающейся двери.

Спустя час, сидя в своём кабинете и разбирая анализы пациенток, Алла Викторовна не заметила, как дверь приоткрылась и в комнату вошла Вероника. Девушка тихо, на носочках, прошла внутрь, стараясь не шуметь. В детстве она очень ревностно относилась к тому, что её мама много времени уделяла работе. В старших классах, возвращаясь домой поздно вечером, Ника любила наблюдать за женщиной, которая смешно хмурила брови и жевала колпачок от ручки, пока работала. Сейчас тоже ничего не изменилось, Алла Викторовна по-прежнему была во власти своей работы, но теперь она не брала дополнительные смены, чтобы заработать больше денег и у неё не было маленькой дочери, которая так нуждалась во внимании матери.

— Здравствуй, мам! — громко крикнула Вероника и весело засмеялась, почувствовав себя ребенком, которому удалось совершить шалость. Алла Викторовна подпрыгнула в кресле и, выронив, зажатый в зубах, колпачок, подняла на дочь недовольный взгляд.

— Сколько тебе лет, Вероника, — поджав губы произнесла она, откладывая в сторону бумаги и облакачиваясь на мягкую и широкую спинку кресла.

— Двадцать семь, — усмехнулась Ладина, обходя стол и присаживаясь на край столешницы рядом с мамой. — Кто-то звал меня на чай с эклерами, а сам закопался в своих бумажках.

— Благодаря тебе, доченька, у меня стало больше работы, — устало вздохнув произнесла Алла Викторовна. — У этой особы даже анализов никаких не было, ей уже через пару недель пора второй скрининг делать, а у неё и первого нет, — покачала головой Русанова.

— Ты что-то путаешь, мама, — нахмурилась Вероника, вспоминая пару лекций по гинекологии в Академии. — Второй скрининг делается на восемнадцатой неделе, как минимум.

— Все верно, — пожалала плечами Алла Викторовна. — Разбуди меня в час ночи, я вспомню показатели и сроки любой из своих пациенток! — уверенно сообщила она, поднимаясь из-за стола. — Пошли пить чай.

— Но у Миланы не может быть срок больше, чем девять недель, — настаивала на своём Вероника, поймав на себе недовольный взгляд матери.

— Вообще, я не имею права говорить о ходе беременности с посторонним человеком, — сложив на груди руки произнесла Русанова, останавливаясь в дверях. — Но только ради того, чтобы доказать свою правоту, — протянула она, возвращаясь к столу, который был завален бумагами. Женщина быстро просматривала бумаги, которые лежали в, одном ей известном, порядке, пока не нашла в розовой пластиковой папке на кнопках с фамилией и инициалами пациента нужную запись. — Вот, посмотри! — воскликнула Алла, протягивая дочери бумагу и указывая на нужную строчку указательным пальцем. — Анализы были сделаны пару дней назад, твоя Милана на четырнадцатой неделе беременности. Плод развивается согласно срокам, все показатели в норме.

— Н-но, этого не может быть, — покачала головой Вероника. — Мне сказали, что она забеременела два месяца назад!

— Наука не способна врать, в отличие от человека, — пожалала плечами Русанова, возвращая результаты анализов обратно в папку. — Пойдём, нас ждут потрясающие эклеры и интересный рассказ! — усмехнулась женщина, потянув дочь к выходу из кабинета.

— Я работаю в полиции и тоже не имею права разглашать подобную информацию, — усмехнувшись краешком губ протянула Ладина, обнимая маму за плечи.

— О-о, полигамия мужчин и хитрость женщин не имеет никакого отношения к твоей работе в полиции, — произнесла Алла Викторовна, открывая дверцу холодильника и доставая коробку с эклерами.

- Почему обязательно *полигамия*, — закатила глаза Вероника, присаживаясь на стул. — Возможно, мужчина просто совершил ошибку.

— Тебе просто не изменяли, милая, — вздохнула Русанова, ставя на стол две простые голубые фарфоровые чашки с неровными краями и чайник. — Тогда бы ты была более категорична!

— А тебе как будто изменяли, — хмыкнула Ладина.

— Меня променяли на работу, это считается? — спросила она, присаживаясь напротив дочери.

— Не стоит влюбляться в полицейских, — пожала плечами Вероника, смотря в зеленые глаза матери.

— Ты пытаешься убедить в этом меня или *себя*? — спросила она, подперев рукой подбородок.

Вероника покачала головой, опустив взгляд на свои руки, крепко сжимающие фарфоровую чашку. Сегодняшний день и так был полон откровений, поэтому, сейчас ей меньше всего хотелось говорить о майоре Воронцове. Об этом самодовольном айсберге, которого она когда-то мечтала и вовсе не встретить. Ладина всегда была материалистом и не верила в случайности или совпадения, а всё случившееся с девушкой за последние пару недель, всего лишь прихоть её биологического отца.

— Не понимаю, о чем ты, — пожала плечами Вероника, снова встречаясь с зелеными глазами матери, которая смотрела на неё с недоверчивым прищуром.

— Как его зовут? — спросила Алла Викторовна, усмехнувшись. Она поднялась из-за стола и подошла к одному из кухонных шкафов, чтобы достать небольшие блюда для пирожных.

Последний раз, когда Вероника рассказывала матери о своей симпатии было еще на первом году обучения в Академии. Очередная неудачная влюбленность, которая закончилась весьма скандальным расставанием и не со стороны девушки. Алла Викторовна предпочитала не лезть в личную жизнь дочери считая, что набивать шишки она должна свои собственные. Но сейчас в поведении Вероники было что-то такое, что заставляло Русанову нервничать. Ей уже не нравился тот, кто заставлял её дочь чувствовать неуверенность и разочарование.

— Майор Олег Воронцов, — пожала плечами Вероника и дёрнулась от неожиданности, услышав громкий звук разбивающегося блюда о мраморный пол. — Ма-ам, с тобой всё в порядке? — озадаченно спросила девушка, смотря на застывшую Аллу Викторовну.

Русанова резко выдохнула, поворачиваясь лицом к дочери. Она завела руки за спину, чтобы Вероника не заметила, как они дрожат и улыбнулась ей. Алла попыталась сделать вид, будто это нелепая случайность и услышанное ей минуту назад имя не заставило её вспомнить о прошлом.

— Мышь, — выпалила она первое, что пришло ей в голову. — Мне показалось, будто пробежала мышь.

— Мышь? — с сарказмом протянула Вероника, вопросительно приподняв темную бровь. — С каких пор ты боишься мышей? — спросила она. До того, как Русанова познакомилась с Николаем, они с дочерью каждое лето проводили в деревне, в старом ветхом домике, который просто кишел мышами. Сколько бы Алла не мучилась, вывести их

не получалось, поэтому пробегающая мимо мышь никак не могла застать врасплох женщину, тем более напугать.

— Просто было неожиданно, — поджав губы произнесла Русанова, смотря в кошачьи глаза дочери. — Схожу за тряпкой, — вздохнула она и через несколько минут вернулась с небольшим полотенцем и, присев на корточки, начала складывать в него осколки.

— Тебе знакомо его имя, вот только откуда, — задумчиво протянула Вероника, присаживаясь рядом с матерью и помогая ей убирать острые неровные осколки.

— Ника, — покачала головой Алла, но Ладина перебила её.

— Мам, ты же не думаешь, что я поверю в мифическую мышь! — не выдержав воскликнула она.

Алла Викторовна поднялась на ноги, держа в руках полотенце с осколками и, завязав его потуже, выбросила в мусорное ведро. Она молча взяла с подоконника небольшой белый пульт и, нажав на кнопку, включила робота-пылесос, который быстро начал убирать мелкие осколки от фарфорового блюда.

Женщина не хотела говорить о прошлом, тем более с дочерью. Она не могла понять, почему спустя столько лет оно вновь возвращается. Алле так хотелось обвинить хоть кого-то в этом, накричать и ударить человека, который втягивает в историю пошлых лет её дочь, но ей стоило посмотреть в зеркало. Сейчас Русанова понимала, что должна была пойти к Радову и потребовать, чтобы он оставил Веронику в покое, но надежда на то, что Саша наконец-то решил стать отцом для их дочери, затуманила её разум.

— Сядь, — тихо попросила Алла и сама опустилась на стул полубоком. Она смотрела куда угодно, но только не в глаза дочери, которая сейчас прожигала её профиль взглядом своих зеленых глаз. Женщине было тяжело вспоминать ту зиму, когда от неё отказались *навсегда*.

— Ма-ам, — непонимающе протянула Вероника, но та лишь резко подняла руку, прося девушку замолчать и дать ей время собраться с мыслями.

Спустя минуту женщина заговорила, смотря на пасмурное небо за окном:

— Мне знакомо имя твоего майора потому что много лет назад я знала его отца, — начала Алла, грустно улыбнувшись. — Я не рассказывала тебе, но твой отец воспитывался в детском доме, а когда пошел на службу в полицию познакомился с Михаилом Воронцовым. Они были семьёй, *настоящими братьями*.

Вероника смотрела на мать и ей было трудно дышать, она видела, что в глазах женщины стояли слезы и как трудно ей было их сдерживать. Девушка знала, как матери тяжело вспоминать о прошлом, и поэтому она никогда не позволяла себе спрашивать об отце. Каждая переживала свою боль и тоску внутри, предпочитая прятать слезы в ночи, упав лицом в подушку.

— С Мишей я встречалась лишь пару раз, видела его жену Любу, когда она была беременна, но это были редкие короткие встречи, — пожалала плечами Алла Викторовна.

— Мы для него никогда ничего не значили, — горько усмехнулась Ладина, качая головой. С каждым сказанным словом её обида на отца возвращалась и лишь росла, но она всё еще не могла понять, почему полковник решил стать отцом для Олега. Неужели всё дело в простых братских чувствах к его отцу.

— Саше...твоему отцу, всегда было трудно подпускать к себе людей. Миша стал исключением из правил. Ника, но это ведь не значит, что он не любил...

— Ты до сих пор оправдываешь его! — воскликнула девушка, ударяя ладонью по мраморной столешнице. Она устала прятать боль внутри. — Прошло больше двадцати лет, как он бросил нас, а ты продолжаешь...*продолжаешь любить его*, — последние слова Вероника произнесла шепотом, шокированная тем, что раньше закрывала глаза на очевидное.

— Ника...

— Нет, не-ет! — прошептала она, пытаясь не дать позволить слезам, стоящим в глазах, покатиться по щекам. Ей было двадцать семь лет, и она давно уже не чувствовала себя маленьким обиженным ребенком, которого бросил папа. Но сейчас, сталкиваясь с матерью взглядом, которая с сожалением смотрела на Веронику, она чувствовала себя именно тем пятилетним ребенком, который на Новый Год так и не дождался папу.

Ладина встала из-за стола и резко подняла руку с раскрытой ладонью, не давая Алле Викторовне произнести и слова. Она не хотела говорить, не хотела слушать, не хотела смотреть в её глаза. Девушка мечтала поскорее оказаться на свежем воздухе и вдохнуть полной грудью. Вероника вышла из квартиры, прошла несколько пролетов и остановилась. Она прислонилась к стене и дала волю слезам, которые рекой полились из глаз.

— Не надо было спрашивать, — прошептала девушка, дрожащими руками пытаясь найти в сумке сухие салфетки и вытереть слёзы. — Не надо было очаровываться, — усмехнувшись протянула она, прежде чем смахнуть последнюю слезинку и, выпрямив спину, вернула на лицо легкую улыбку. Она не позволит прошлому портить её настоящее.

Алла Викторовна стояла у окна и следила за тем, как её дочь выходит из подъезда и идёт к оставленной неподалеку машине. Гордая, собранная и непоколебимая — именно такой всегда видела свою малышку женщина, когда наблюдала за ней со стороны. Русанова боялась, что она возьмёт от отца самое худшее — холодность, закрытость и потребность в одиночестве. Алла не желала своей дочери подобной судьбы, не хотела, чтобы Вероника когда-то полюбила не того человека так же сильно, как она.

Она помнила тот день, когда её Саша ушел навсегда. Декабрь, несколько дней до наступления праздника, на улице хлопьями идёт снег, а в дверь вот-вот должны позвонить. Алла ждала, надев красивое платье, но в дверь так и не позвонили. Ни через час, ни через два, ни на следующий день.

Следующие два месяца она не находила себе места, надеясь, что её Саша позвонит, отправит письмо или хотя бы попросит кого-то передать ей, что с ним всё в порядке и он жив. Когда новогодние праздники закончились, Алла поспешила к нему на работу, где ей рассказали о смерти Миши и о том, что капитан Радов взял отгулы и уехал в неизвестном направлении.

Наступил конец февраля, на улице всё еще была зима, которая не собиралась уступать место весне. Близился день рождения маленькой Никуши, но Алла всё еще ждала звонка в дверь и...дождалась.

Сегодня у неё был первый выходной после трёх ночных смен и она, отведя дочку в сад, устало легла на неудобный скрипучий диван. У неё было пару часов, чтобы поспать. Из дрема её выдернул звонок в дверь, Алла подскочила и бегом побежала в коридор. Когда она открыла, то увидела перед собой заросшего, исхудавшего, с холодным и пустым взглядом Сашу..., но это был уже не её Саша.

— Саша, — выдохнула она, прижав ладонь к губам. Алла не хотела плакать, но не

смогла сдержать слёз радости, что текли по её красивому лицу. — Я...мы с Никушей, очень скучали. Саша, где ты был, я так волновалась и...

— Подожди, Алла, не тараторь, — грубо осадил её мужчина, заходя в квартиру и закрывая за собой дверь. — Здесь всё, что у меня есть, — произнес он, доставая из кармана небольшой конверт, в котором лежали деньги.

— З-зачем это, — нахмурилась женщина, у неё на щеках блестели дорожки от слёз. — Мне не нужны твои деньги.

— Это не тебе, это дочери, — настоял он, кладя конверт на табуретку. — Я перевелся в другой отдел, поэтому...

Радов замолчал, но Алла и так знала, что он хочет ей сказать. Странно, её Саша никогда не был трусом, но, чего таить, женщина всегда знала, что рано или поздно он перестанет приходить. Ей просто было больно думать о том, что мужчина, которого она так сильно любила, так и не смог полюбить её.

— Прощай, Саша, — кивнула она и, развернувшись, зашла в комнату. Она не собиралась терять последние остатки гордости и просить его остаться, не бросать её, не бросать их с Никой.

Он ушел, тихо закрыв за собой дверь, и только тогда она дала волю слезам, которые стали последними слезами в её жизни. С тех пор Алла Викторовна Ладина больше не плакала, ни по Саше, ни по кому-либо другому. Она позволила своему сердцу сжаться от боли лишь раз, когда спустя несколько лет, идя с новой работы, увидела гуляющих по центральным улицам столицы Сашу, Любу и её маленького сына Олега. Они выглядели, словно счастливая семья, тогда Алла решила, что так оно и есть, думая, что в тот момент отпустила свою любовь к этому мужчине навсегда.

Как же она ошибалась...

Начало новой рабочей недели редко кому когда-нибудь доставляло радость и даже несмотря на то, что майор Воронцов любил свою работу, сегодня он был не в самом лучшем расположении духа. Прошла ровно неделя с того дня, когда его отделу поручили расследовать дело об убийстве Марка Толстых и пока, как считал мужчина, они даже и близко не подошлись к разгадке. У Олега были лишь догадки, версии и подозреваемые. Имя убийцы Воронцов до сих пор не знал и это раздражало.

Сегодня вместо работы, Олег поехал совершенно в другом направлении от офиса. Он остановился у шагбаума рядом с будкой охранника, чтобы сказать своё имя, которое должно было значиться в списках. Мужчина заехал на территорию охраняемого жилого комплекса и поехал по идеально ровному асфальту дороги, которая опоясывала все четыре дома, каждый из которых имел свой цвет. В одном из них находилась квартира Вероники Александровны, которая настоятельно попросила майора Воронцова заехать за ней сегодняшним утром.

Олег остановился у бордюра напротив входа в дом и взглянул на часы на запястье левой руки. Большая и минутная стрелка показывали без пяти девять, у Ладиной еще было пять минут прежде, чем мужчина начнет злиться. Воронцов всегда очень серьезно относился ко времени, тем более, если оно было заранее оговорено. И даже у этой женщины нет права красть его у майора. Но не успело пройти и двух минут, как передняя дверь со стороны пассажирского сидения открылась и в машину села Вероника Александровна.

— Рада, что вы пунктуальны, *товарищ майор*, — холодно произнесла женщина, даже не посмотрев на Олега. Мужчина постарался скрыть своё удивление, не уловив ни насмешливый игривый тон, ни услышав так раздражающее его неуважительное обращение «майор».

— И Вам доброе утро, Вероника Александровна, — усмехнулся мужчина, кидая на Ладину насмешливый взгляд, но та вновь никак не отреагировала, оставшись серьезной.

— Мы можем ехать, — произнесла она, доставая из кармана кожаной куртки телефон. Сегодня Вероника не только несвойственно вела себя, но и выглядела не так, как всегда: распущенные прямые волосы, без какого-либо намека на укладку, длинные широкие джинсы темно-синего цвета и грубые сапоги на тракторной подошве. Вместо привычных блузок или водолазок, женщина надела широкий свитер ярко-зеленого цвета с белоснежной удлиненной хлопковой рубашкой. А её кошачьи глаза скрывали прямоугольные солнечные очки в тонкой золотой оправе. Вероника Александровна, как всегда, выглядела стильно, но не была похожа на саму себя.

— Теперь я могу узнать, почему сегодня до отделения Вы не могли доехать сами? — спросил Олег, начиная медленно ехать вперед к выезду из жилого комплекса.

— Мы едем не в отделение, а в особняк Толстых, — ответила Ладина, продолжая просматривать ленту в инстаграм.

— Зачем? — снова задал вопрос Воронцов, злясь, что приходится задавать наводящие вопросы. Он будто силой вытягивал информацию у женщины.

— В субботу я встретила в магазине Елену, и она обмолвилась, что Марк Альбертович вел дневник, в котором записывал всё происходящее с ним за год, — произнесла Вероника, открывая почту и просматривая десятки писем. Она почти забросила свою основную работу,

и очень многие постоянные клиенты настаивали на встрече.

— И вы думаете, что дневники сохранились? Большая вероятность, что их давно выкинули или использовали для розжига камина, — хмыкнул Олег, сомневаясь в состоятельности этой затеи.

— Исключено, — покачала головой женщины, попутно отвечая своим пациентам, сверяясь со свободными датами у себя в календаре. — Каждый дневник был уникален: обложка из натурального дерева с резьбой в виде главных героев детективов Марка Альбертовича. Елена каждый год заказывала новый ежедневник и дарила его сверку, сомневаюсь, что он выкинул бы что-то подобное.

— Если Вы правы, то в последних записях может быть информация, которая поможет нам продвинуться в расследовании, — кивнул Воронцов, надеясь, что Вероника Александровна права в своих выводах.

— Возможно, — ответила Ладина, неопределенно пожав плечами. Весь оставшийся путь они ехали в тишине, Олег не стал больше делать попыток продолжить разговор, поняв, что женщина сегодня явно не в духе.

Спустя почти два часа они приехали в Поздняково. Особняк Толстых находился практически в самом конце деревни. Кованные железные ворота были закрыты, поэтому Олегу пришлось остановиться перед въездом и выйти из машины, чтобы позвонить в домофон. Алевтина Дмитриевна была очень удивлена приезду майора, но незамедлительно открыла ворота и вышла на улицу, накинув на плечи теплую шаль.

— Чем обязана вашему визиту? — спросила женщина, немного хмурясь. Сегодня она выглядела более собранной и посвежевшей, на лице вдовы больше не было мешков, а глаза не были красными от нескончаемых слёз скорби.

— Доброе утро, — кивнула Вероника и замолчала, давая майору самому рассказать о причине их визита, чем очень удивила мужчину. Олег уже не первый раз за сегодня не узнает в молчаливой, серьёзной и равнодушной женщине ироничную, вечно улыбающуюся и на дающую ему покоя Веронику Александровну. Кажется, Воронцов и впрямь привык к той Ладиной и сейчас скучает по ней.

— Простите за беспокойство, Алевтина Дмитриевна, но нам с Вероникой Александровной стало известно о дневниках, которые вел Марк Альбертович, — произнёс Олег, стоя у подножия лестницы.

— Да, мой муж вёл подобные записи, но я не понимаю, зачем они могли понадобиться вам, — пожалала плечами женщина.

— Возможно в записях мы найдём то, что поможет нам в раскрытии убийства. Воспоминания, ссоры, возможно старые враги, любая деталь, даже самая незначительная, может направить нас по верному пути, — сказал Воронцов, пытаясь убедить Толстых дать возможность забрать дневники.

— Хорошо, — кивнула Алевтина Дмитриевна, толкая входную дверь. — Все свои мемуары Марк хранил у себя в кабинете, но только вчера некоторые его вещи были собраны и отнесены в кладовку. Она находится под лестницей, я схожу за ключом, — произнесла женщины и скрылась в одной из комнат, оставив Олега и Веронику ждать её в коридоре.

— Вы видели работы того мастера, кто делал дневники? Вы сможете узнать его работы? — спросил Воронцов, поворачиваясь к девушке.

— Смогу, не переживайте, — кивнула она, даже не посмотрев на него, продолжая игнорировать любые попытки майора на продолжение разговора.

Алевтина Дмитриевна вернулась через несколько минут, неся в руках небольшой ключ. Женщина пошла сразу к кладовке, вставила ключ в замочную скважину и, сделав пару оборотов, услышала характерное щёлканье.

— Свет очень тусклый, поэтому прочесть что-либо будет трудно. Но Вы можете забрать дневники Марка с собой, ему они уже точно не нужны, — вздохнула она, отходя в сторону и оставляя ключ в замочной скважине. — Как закончите, позовите, — попросила Алевтина Дмитриевна и ушла.

Кладовка представляла собой узкое прямоугольное помещение под лестницей, вдоль стен которого стояли стеллажи, заполненные разнообразным хламом. Олег зашел внутрь и занял практически всё пространство, места здесь хватало только для одного человека, вдвоем становилось тесновато. Майор поднял руку вверх и, найдя шнурок, потянул за него, зажигая лампочку под потолком. Она излучала тусклый желтовато-оранжевый свет. Вероника зашла следом, переступив невысокий узкий порожек, оставаясь стоять у самого входа.

— Думаю, Вам лучше выйти, Вероника Александровна, — протянул Воронцов и замолчал, услышав, как скрипнула ступенька лестницы над ними.

— Это еще почему? — спросила Ладина, складывая на груди руки.

— Здесь тесно и ужасное освещение, вдвоем у нас гораздо меньше шансов найти коробку с мемуарами Марка Альбертовича, не опрокинув стеллажи, — ответил майор. — Тем более, у Вас клаустрофобия.

— Нет у меня клаустрофобии! — недовольно воскликнула Вероника, а потом подпрыгнула на месте, услышав, как за её спиной хлопает дверь и поворачивается ключ, запирая их с майором в тесной кладовке. — Н-нас закрыли?

— Возможно, просто порыв ветра захлопнул дверь, — протянул мужчина, делая шаг вперед и пытаясь протиснуться к двери, чувствуя на своей щеке горячее дыхание Ладиной.

Майор надавил на дверь, но та не поддалась, тогда мужчина приложил больше усилий, но и это не помогло. Олег тяжело вздохнул и, взъерошив на затылке светлые волосы, повернулся к женщине.

— Ничего страшного, сейчас что-нибудь при...,- он замолчал на полуслове, увидев ужас на лице Вероники Александровны. — Вероника..., что с тобой, — озабоченно произнес он, делая небольшой шаг к женщине.

— Я...я з-за...хаюс-сь, — рвано выдохнула она, смотря на него испуганными, широко распахнутыми глазами.

Олегу понадобилось пару секунд, чтобы перевести дыхание и сориентироваться. Мужчина подошёл ближе к Ладиной и, взяв её за трясущиеся руки, медленно стал приседать. Когда они оба оказались сидящими на коленях на пыльном полу кладовки, лампочка мигнула, заставив Веронику паниковать ещё больше. Она смотрела на Воронцова широко распахнутыми зелеными глазами и умоляла его что-нибудь сделать, сжимая его ладони в своих как можно сильнее, впиваясь в мягкую кожу ногтями.

— Надо выровнять дыхание, просто слушай мой голос и повторяй за мной, — попросил Воронцов, не обращая внимание на легкую боль. Он судорожно пытался вспомнить лекции по оказанию первой помощи, которые прослушивал еще на первом году обучения в Академии.

— Н-не, м. гу, — невнятно произнесла Вероника, открывая и закрывая рот, судорожно глотая воздух, словно рыба, выброшенная на берег.

— Смотри мне в глаза, слушай мой голос и повторяй за мной, — произнес Олег, глядя большими пальцами запястья женщины. Её пульс скакал, да и у самого майора сердце прямо сейчас готово было выпрыгнуть из грудной клетки. — Вдо-ох, — сказал мужчина, делая вдох, продолжая удерживать зрительный контакт с Ладиной. — Вы-ыдох.

Вероника правда старалась сделать так, как велит майор, но паника брала вверх над разумом. Она продолжала открывать и закрывать рот, пытаясь произнести хоть слово, но горло будто сдавило. Ладина дернула головой, пытаясь хотя бы взглядом передать свою беспомощность.

— Вероника! — позвал майор, но перед глазами начало плыть, и женщина не могла сфокусироваться даже на голос Воронцова. — Чёрт, чёрт, чёрт! — воскликнул Олег, хватая женщину за лицо и фиксируя голову. — Послушай меня! — громко произнес он, но в его интонации прозвучали нотки мольбы и некоего отчаяния. Олегу давно не было так страшно, он уже и забыл какого это бояться за чью-то жизнь. — Тебе нужно задержать дыхание, слышишь? Задержать дыхание!

— Н..м...у, — промычала женщина, прикрывая глаза. Ей не хватало воздуха, веки тяжелели, а сознание уплывало.

Олег понимал, что если сейчас что-то не предпримет, не сможет заставить её задержать дыхание и начать дышать снова, то произойдёт ужасное. Воронцов никогда раньше не видел смерть так близко, по крайней мере, чужая смерть не заставляла его руки трястись, а сердце выпрыгивать из груди. Мужчина понимал, что времени выламывать дверь у него нет, даже звать на помощь, теряя драгоценные секунды, не выход. Единственное, что он *должен* и *может* сделать — это помочь Веронике.

Одна эта мысль заставило шестерёнки в его голове работать быстрее. Олег, хмурясь, смотрел в бессознательные зеленые глаза и...

— Надеюсь, я не получу после этого по морде, — прошептав выдохнул он и, не думая больше ни минуты, резко притянул к себе задыхающуюся женщину, сминая её губы в болезненном поцелуе.

Ладина дёрнулась и в ту же секунду распахнула свои зеленые глаза с коричневыми вкраплениями. От удивления она потеряла не только дар речи, но и перестала паниковать, замерев. Женщина, быстро придя в себя и вдохнув носом воздух, из последних сил ударила Воронцова своими маленькими ладошками по плечам, но майор держал крепко. Прошло еще пару секунд, прежде чем Олег открыл свои холодные голубые глаза и отстранившись, убрал свои горячие большие ладони с её лица.

— ВЫ! — воскликнула женщина, не в силах передать словами свои смешанные чувства. — Как...как Вы посмели! — воскликнула она, сильнее ударяя его по плечу и поднимаясь на ноги. — Что Вы вообще себе позволяете!

— И это благодарность за то, что я спас Вам жизнь? — самодовольно усмехнулся Олег, вопросительно приподнимая светлую бровь. Мужчина поднялся на ноги, отряхивая свои джинсы от пыли. Между ним и Ладиной было всего пару сантиметров, поэтому у него не было шансов скрыться от её гневного взгляда.

— Вы могли выломать дверь! — выпалила она, отбрасывая за спину свои длинные карамельные волосы.

— На это не было времени, — пожал плечами Воронцов, сохраняя спокойный тон и равнодушное выражение лица. Он еле сдерживал себя, чтобы не засмеяться, умиляясь тому, как очаровательно злилась Вероника.

— Больше никогда не смейте прикасаться ко мне, — недовольно проговорила она, сведя брови к переносице. — Дайте пройти!

Воронцов усмехнулся и, подняв руки, согнутые в локтях, вверх с раскрытыми ладонями, сделал шаг в сторону. Вероника попыталась протиснуться к двери, при этом не задев майора. Но как только она сделала шаг в направлении к выходу их тела соприкоснулись, и она почувствовала, как бешено колотится сердце майора. Так же бешено, как и её.

— То есть *Вам* ко мне прикасаться можно, а мне нельзя, — поддел женщину Олег, отходя в конец кладовки и смотря на то, как Ладина начинает колотить в дверь.

— Эй! Алевтина Дмитриевна, Вы меня слышите! — кричала Вероника, не обращая внимание на посмеивающегося за её спиной Воронцова. — Дверь захлопнулась, мы не можем выйти!

— Думаю, Вам стоит кричать немного громче, — усмехнулся мужчина, облачиваясь спиной о стену. — Здесь плохая акустика.

После пережитого небольшого стресса, спонтанного поцелуя и возвращения Вероники Александровны к своей привычной манере поведения, майору оставалось только наслаждаться всем происходящим. Возможно, думал Олег, ему стоит сменить вид деятельности. Только представьте — всего один поцелуй, который может излечить от, хотя бы, клаустрофобии.

— Вам смешно, да? — обернулась Ладина, смерив мужчину недовольным взглядом. — Может, предложите хоть что-то? Что будем делать? — спросила она, сложив на груди руки.

— Умрём здесь, — пожал плечами Воронцов, продолжая усмехаться. — Правда, в прошлый раз у Вас вышло не очень...

— Вы...! — начала было Вероника, набрав в легкие больше воздуха. Сейчас она была готова высказать всё, что накопилось у неё внутри, но Ладину прервал характерный щелчок открывающегося замка. Уже через несколько секунд дверь открылась, являя на порог комнаты озабоченную Алевтину Дмитриевну.

— С вами всё в порядке? — обеспокоенно спросила женщина, отходя в сторону и выпуская из кладовки Веронику Александровну. — Не представляю, как подобное могло произойти. Надеюсь, всё обошлось?

— Не переживайте, — покачал головой Олег, выходя в коридор с небольшой коробкой в руках. Дневники Марка Альбертовича, несколькими стопками, были сложены в небольшой картонной коробке и стояли на самой нижней и дальней стопке стеллажа. Пока Ладина колотила в дверь, мужчина занимался делом. — Мы с Вероникой Александровной отлично провели время в компании друг друга, — усмехнулся Воронцов.

— О-о, это хорошо, — кивнула Алевтина Дмитриевна, уловив во фразе товарища майора некий намек, но интеллигентно сделала вид, будто о чем-то подобном и подумать не могла. — Вас проводить? — спросила она, услышав, как входная дверь хлопнула.

— Лучше вызовите Веронике Александровне такси, — попросил Воронцов, оставаясь стоять у лестницы и с любопытством рассматривать дневники убитого писателя.

Деревянные резные обложки и правда были весьма необычными, но мужчину больше интересовало их содержимое. Ему не терпелось побыстрее приехать в отдел и найти что-то стоящее. Олег уже собирался уходить, одной рукой держа под мышкой коробку, а другой закрывая на ключ дверь кладовки, пока его внимание не привлекла стекляшка, переливающаяся в свете люстры. Воронцов присел на корточки рядом с дверью и подобрал

небольшой осколок, который точно был частью чего-то. Вещица показалась майору знакомой и, пожалуй, *подозрительной*.

Майор Воронцов припарковался у входа в отделение полиции и, взяв с соседнего пассажирского сидения небольшую коробку с дневниками Марка Альбертовича, вышел из машины. Ему не терпелось побыстрее оказаться в своём кабинете и начать читать мемуары писателя. Мужчина давно не чувствовал такого прилива энергии. Олег чувствовал, что близок к разгадке. Но не успел Воронцов зайти в здание, как в холле столкнулся с ожидающим его капитаном Кабановым. Коренастый мужчина светился, словно начищенный самовар и быстро пошел на встречу к майору.

— У меня есть новости, товарищ майор, — воскликнул Кабанов, держа в руках лист бумаги. Воронцов кинул на подчиненного не особо заинтересованный взгляд, но всё-таки кивнул, разрешая продолжить. — Еремей пробил Софью Нестерову по базе и даже...кхм... покопался в данных больницы, — откашлявшись произнес Игорь. — Нестерова действительно работала в больнице, но не медсестрой, а уборщицей и не два года, а три месяца. Девушку еще в апреле отчислили с третьего курса медколледжа.

— Хорошо, — задумчиво кивнул Олег, мужчине сразу не понравилась Софья и сейчас пазлы постепенно складывались в очень четкую единую картинку. — Что насчет её семьи? — спросил Воронцов, спускаясь в цокольный этаж и направляясь в свой кабинет.

— Ничего необычного, — пожал печами в ответ Кабанов. — Отец пьяница, давно нигде не работает, раньше числился на заводе простым сварщиком. Мать кассир в магазине, живут в двухкомнатной квартире на окраине.

— Вызывай Софью Нестерову на допрос, работаем по той же схеме, что и с Толстых, — дал указание Воронцов, открывая дверь кабинета. — Вероника Александровна приехала? — спросил мужчина, прежде, чем закрыть за собой дверь.

— Никак нет, — удивленно протянул Игорь Кабанов. — Ей...ей позвонить?

— Да, — кивнул Олег. — Скажите, что она нужна на допросе Нестеровой.

— Будет сделано, товарищ майор, — кивнул капитан и пошел дальше вглубь коридора.

Когда Кабанов зашел в кабинет, то не застал никого, кроме своего товарища, старшего лейтенанта Кукушкина. Парень сидел, развалившись на неудобном жестком стуле закинув свои ноги на стол. Невысокий, но подтянутый Григорий, похлопывал себя по карманам и обеспокоенно рылся в ящиках стола. В последнее время они с Игорем стали реже общаться, раньше веселый и неугомонный Кукушкин теперь стал загруженным и все меньше уделял времени старому приятелю.

— Чего потерял? — спросил Кабанов, усаживаясь напротив парня. За окном моросил мелкий дождик, с каждым днем на улице становилось все холоднее, приближалась зима.

— Да пистолет, кажись, дома оставил, — ответил Гриша, почесывая светлый затылок. — Или у...

— Или? — усмехнувшись переспросил Игорь, но старый приятель сразу же напрягся, отведя взгляд в сторону.

— Да так, не важно, — покачал он головой и кивнул на листок в руке Кабанова. — Что там у тебя? — спросил Гриша, чуть вытянув шею.

— Майор приказал вызвать на допрос Софью Нестерову, — ответил мужчина, набирая на стационарном телефоне номер девушки.

— Неужели она замочила старикашку, — засмеялся Кукушкин, поймав на себе

скептический взгляд товарища. — Думаю, всё дело в деньгах. Старикан просто был тем еще скрягой, вот девчонка и решила раньше времени подсуетиться. Кстати, чётко сработала!

— Не так уж и чётко, раз её поймали, — нахмурился Кабанов, слыша в трубке гудки. — Алло, здравствуйте. Это Софья Нестерова? Вас беспокоит капитан Кабанов. Мы просим Вас явиться на допрос сегодня днём, нам нужно задать Вам ещё пару вопросов, — пока Игорь пытался объяснить заволновавшейся девушке, что это всего лишь стандартная процедура, через которую повторно пройдут все члены семьи, Кукушкин не отрывал внимание от пустого экрана телефона. Парень ждал ответа на своё сообщение об оставленном пистолете, но пока так его и не получил. — Да, до свидания.

— И почему все так неохотно не спешат прийти к нам в гости, — усмехнулся Гриша, сцепляя за головой руки.

— Потому что мы работаем в полиции, а не в цирке, — усмехнулся Игорь, пытаясь найти в базе номер телефона Веронике Александровны. — А где Еремей?

— Они с Зиминной пошли за обедом, а что? — пожал плечами Кукушкин отвечая.

— Да майор попросил позвонить *Александровне*, нужна она ему для допроса, а я в базе о ней вообще ничего найти не могу!

— Почему он сам не может ей позвонить? Она, вроде, постоянно за ним хвостом ходит, — усмехнулся парень. — Неужели номер телефончика не оставила!

— Это не наше дело, — протянул Кабанов, сцепляя руки в замок. — Тем более, не похож наш начальник на того, кто будет крутить романы на рабочем месте.

— Да ты же видел эту цацу, — присвистнул старший лейтенант, закатывая глаза. — Такой палец в рот не клади — откусит!

Сонечка Нестерова всегда мечтала о хорошей жизни, да, именно о такой, какую показывают в сериалах или о которой пишут в книгах. Большой дом, дорогие машины, брендовые вещи и бриллианты на каждом пальце. К сожалению, Соня не была одной из тех счастливиц, которым повезло родиться в подобной семье. Её родители были обычными людьми рабочего класса, которые никогда не стремились к чему-то большему. Говорят, что родители выкладывают фундамент, на котором в будущем их дети построят дом, но у Софьи вместо «фундамента» под ногами была лишь грязь.

В последние несколько месяцев жизнь девушки стала еще более невыносимой, жалкой и бедной, чем когда-то прежде. Отца она всё реже видела трезвым, а мать пропадала в своём магазине, стоя за кассой. Из колледжа выперли, а на нормальную работу без оконченого образования никто не брал, пришлось идти мыть полы в государственную поликлинику, где платили гроши. Но в жизни порой случаются чудеса, и бог подарил Соне встречу с *ней*.

— Не волнуйся, они всего лишь зададут пару вопросов, — ободряюще улыбнулся Нестеровой Евгений, приобнимая девушку за плечи.

Последняя неделя далась ей труднее, чем все несколько месяцев до этого. Соня еле сдерживалась, чтобы не морщиться от отвращения, когда чувствовала на своей коже прикосновения мужчины. Ей очень повезло, что Евгений, на половой жизни которого сказывался его возраст или помешательство на его картинах, почти не уделял Софье внимания. Девушка надеялась, что еще пару недель и расследование закончится, а она получит свои честно заработанные отступные.

— Я просто хочу, чтобы это поскорее закончилось, — вздохнула она, заходя в здание отделения полиции. В холле их ждал капитан Кабанов, с которым Софья разговаривала по

телефону и мельком видела в доме Марка Альбертовича. — Добрый день.

— Здравствуйте, — кивнул хмурый мужчина, прикладывая к панели карточку, чтобы девушка и Евгений смогли пройти. — Софья, придёмте со мной в допросную, а Вы, Евгений Маркович, можете подождать Вашу невесту здесь.

— Но...,- попытался возразить Толстых, но капитан бросил на него холодный взгляд, пытаясь подражать майору Воронцову, и Евгений замолк. — Я буду ждать здесь, Соня.

— Хорошо, — кивнула девушка и облегченно выдохнула, идя следом за капитаном полиции. — А о чем мы будем беседовать? — поинтересовалась она, спускаясь в подвальный этаж передвигаясь по темному коридору. Соня пыталась унять дрожь в руках и выровнять дыхание, но пока ей не удавалось справиться с волнением.

— Беседуете вы с подружкой за чашкой чая, — грубо произнес капитан Кабанов, открывая перед девушкой дверь и пропуская ее в маленькую неуютную комнату, больше напоминающую камеру для преступника. А виновной в чем-то Соня Нестерова себя уж точно не считала. — Я задам Вам пару вопросов, касающихся убийства Марка Альбертовича Толстых, — сказал Игорь, присаживаясь напротив Софьи. — Вам всего лишь нужно ответить на них предельно честно.

— Вы меня в чем-то подозреваете? — сглотнув спросила она, нервно оглядываясь.

— Лично я? — усмехнулся Кабанов, бросая быстрый взгляд на стекло, за которым находился майор Воронцов. До Александровны Игорь так и не дозвонился, просто не найдя номер её телефона.

— С-следствие.

— Вам ни к чему эти подробности, — пожал он плечами, начиная заполнять протокол. — Вы готовы начать? — уточнил капитан, поднимая на девушку взгляд.

— Да, — кивнула она, положив сжатые в кулаки ладони к себе на колени.

— Скажите, Софья, какие отношения Вас связывают с Леонидом Даниловичем Евгорским? — спросил Игорь Кабанов, а глаза девушки сразу же выдали её испуг, как и подрагивающие коленки. — Софья, вы меня слышите?

— Нет, — выпалила она, кивая. — То есть, да!

Капитан Кабанов вопросительно приподнял темную бровь и посмотрел на девушку карими глазами, смотрящих на неё с подозрением. Он, может, и не был квалифицированным психологом, но даже школьник бы понял, что Софья Нестерова ужасная актриса. Она настолько волновалась, что не могла спокойно усидеть на стуле, постоянно меняла позу и тербила край свитера. Девушка даже не смотрела Игорю в глаза, пытаясь найти взглядом хоть что-то, за что можно было бы зацепиться.

— Что «нет» или что «да»? — уточнил Кабанов, сцепляя свои ладони, лежащие на столе, в замок. — На какой именно из вопросов Вы дали ответ.

— Я Вас слышу, — выдохнула Софья, перестав бегать глазами. — И нет, я не знакома ни с каким Евгорским.

— Я спрашивал Вас о другом, — усмехнулся капитан. — В каких Вы отношениях?

— Ни в каких, — тут же выпалила Софья.

— А вот Леонид Данилович говорит обратное, — протянул Кабанов, поднимая на девушку недоверчивый взгляд. — Гражданин Евгорский утверждает, что вы работали вместе целых два года. В больнице, где Вы числились медсестрой, — пояснил капитан.

— Я больше ничего не скажу без адвоката, — сглотнув произнесла Софья, заставив Игоря хмыкнув кивнуть. Мужчина ничего другого и не ожидал, девушка просто

пересмотрела сериалов.

За стеклом за всем происходящим наблюдал Воронцов, у которого чуть ли руки не чесались от желания надеть на Нестерову наручники. Пробежавшись взглядом по последним страницам дневника Марка Альбертовича, у Олега уже не оставалось сомнений в причастности Софьи к убийству пожилого писателя. Теперь только осталось выбить из неё признание, хотя и этого уже особо не требовалось. За Евгорским был отправлен наряд, а он, как думал майор, расколется намного быстрее и сдаст свою поделницу.

- Какого чёрта здесь происходит, майор! — слышался недовольный женский голос, когда дверь в комнату открылась, с силой ударившись о стену, и на пороге появилась Ладина.

Женщина была чем-то явно не довольна, её зеленые кошачьи глаза метали молнии. Вероника Александровна выглядела совершенно иначе, нежели сегодня утром. От Воронцова не ускользнула перемена не только в настроении женщины, но в её внешнем виде — джинсы и кожаную куртку Ладина сменила на строгий брючный костюм чёрного цвета, а удобные ботинки на замшевые черные ботильоны на ультратонкой металлической шпильке.

— Я помогла Вам найти очередную зацепку, а Вы, майор, вместо того, чтобы поставить меня хотя бы в известность, за моей спиной устраиваете допрос! — недовольно поджав пухлые губы, покрашенные алой матовой помадой, произнесла Вероника, закрывая за собой дверь. Вновь раздался громкий хлопок, заставивший Софью, сидящую в соседней комнате, испуганно дёрнуться. Уже второй раз.

— Наверное сквозняк, — пожал плечами Кабанов, покосившись на своё отражение. Он очень надеялся, что его начальник в соседней комнате не находится в опасности и у него нет надобности останавливать допрос.

Олег лишь пожал плечами, продолжая сидеть вполоборота на неудобном металлическом столе. Мужчина не видел смысла начинать оправдываться, да он и не собирался этого делать вовсе. У него есть дела поважнее, чем пытаться объяснить Веронике Александровне и так очевидные вещи — её работа в его отделе закончена, а дело почти закрыто.

— Вы за несколько часов разучились говорить или при виде меня у Вас пропал дар речи? — осведомилась Ладина, делая несколько уверенных шагов к свободному стулу.

— Я всё ещё не услышал о цели Вашего визита, Вероника Александровна, — задумчиво произнес Воронцов, продолжая наблюдать за Софьей, которая уже уверенней настаивала на предоставлении ей адвоката. — Или Вы пришли, чтобы наконец поблагодарить меня за спасение Вашей жизни? — самодовольно усмехнулся майор.

— Она его не убивала, — произнесла женщина, заставив Олега перевести на неё насмешливый взгляд.

— О-о, тогда у Вас наверняка есть доказательства, которые смогут переубедить меня в обратном, — кивнул Воронцов, поворачиваясь лицом к Ладиной и складывая на груди руки.

— Хладнокровное убийство с передозировкой фентанилом, никаких следов, кроме косвенных связей и неправдоподобного мотива. Хрупкая молодая девушка убила старика, которого знала всего несколько месяцев, при этом ничего не украв и не получив от этой смерти, — серьезно проговорила Вероника, глядя майору в глаза. — Вы серьезно думаете, что она способна на такой продуманный серьезный план, который был просчитан на десять шагов вперед?

— Она скоро выйдет замуж за Евгения и станет свободно распоряжаться его

наследством, — пожал плечами Олег, хоть и понимал, что доля правды в словах женщины всё-таки есть. — А продумать план помог её любовничек Евгорский. Вполне возможно, что Толстых узнал об их связи и собирался рассказать всё сыну. Доступ к лекарствам у неё был, да и с Марком Альбертовичем остаться наедине было не так уж и трудно, — произнес Воронцов.

— Она не способна убить, характер не тот, да и мотив как-то мелковат, — покачала головой Вероника, уверенная в своей правоте.

— Если это все Ваши аргументы, то Вы меня не переубедили, — покачал головой майор.

— А у Вас нет прямых улик против Софьи, чтобы Вы убедили меня! — парировала она и поймала на себе злой взгляд Воронцова.

— Хочу Вам напомнить, *Вероника Александровна*, что Вы всего лишь консультант по этому делу, — сквозь зубы процедил мужчина, поднимаясь на ноги. — Вы завтра уйдете отсюда и вернетесь к своей *весёленькой* работе, не забывайте своё место! — холодно произнес Олег, подходя в плотную к женщине, которая не мигая смотрела ему в глаза и даже не шелохнулась, когда их носы практически соприкоснулись. Между ними оставалось от силы пару сантиметров. — У Вас нет полномочий, нет прав указывать *мне*, что делать и как вести расследование!

— Простите, майор, — прошептала она, опаяя своих горячим дыханием его подбородок. — Кажется, я забыла, что в приоритете у нашей доблестной полиции закрыть дело, а не поймать *настоящего* преступника. Почему-то мне сразу не удалось понять, что Вы тоже работаете по такому принципу.

— Ну и с каких пор выводы какой-то *девочки* должны хоть что-то для меня значить? — прошептал Воронцов, испепеляя Ладину взглядом своих ледяных глаз.

— С тех самых! Не забывайте, что эта *девочка* — дочь полковника Радова, — усмехнулась в ответ Вероника, складывая на груди руки. — Интересно-о, а кого на этот раз выберет полковник — свою родную дочь, которую молит о прощении, или сына старого друга детства?

— Думаешь, я поведусь на этот детский шантаж? — спросил Олег, сжимая кулаки.

— Нет, — покачала головой Вероника. — Ты просто позволишь мне найти настоящего убийцу, потому что знаешь, что я не отступлю, — произнесла она, приподнимая подбородок. — Потому что знаешь, что сейчас *он* выберет меня!

Вероника блефовала, женщина была уверена, что полковник вряд ли бы сделал выбор, если вообще дослушал их до конца. Из разговора с матерью Ладина поняла две вещи — для полковника Радова не было ничего важнее его работы и погибшего друга. В обоих случаях Вероника оказывалась в заведомо проигрышной позиции, пусть и не врала про желание отца наладить с ней отношения. У неё был только один козырь в рукаве — Ладина знала о близких отношениях Воронцова с её отцом и могла использовать это в свою пользу. Веронике удалось хорошо узнать майора и понять, что он один из тех мужчин, которые ненавидят, когда им ставят условия, но еще больше они ненавидят, когда ставят под сомнения их решения.

— Двадцать четыре часа, — выдержав минутную паузу сдался Воронцов. — У нас есть двадцать четыре часа!

— *У нас?* — усмехнувшись переспросила женщина, сомневаясь, что услышала

правильно.

— Вы правильно услышали, Вероника Александровна, — кивнул Олег, делая шаг назад. — И я очень надеюсь, что по истечению этих двадцати четырех часов мы не только найдем убийцу, но и Вы навсегда исчезнете из моей жизни...

В комнате стояла оглушительная тишина и Олег, находясь в нетерпеливом ожидании, ждал положительного ответа Ладиной. Он прекрасно знал, что другого шанса у женщины не будет, да и возможности унижить его подобным шантажом, еще и на глазах полковника, он ей не предоставит. В конце концов Воронцов и сам хотел распутать клубок тайн этой ненормальной семейки. Мужчине не нравились совпадения, домыслы, которые одолевали его, а самое главное — он действительно не хотел посадить *не того*.

— Хорошо, — кивнула, соглашаясь, Вероника. — Я и сама мечтаю побыстрее от Вас избавиться, — фыркнула она, открывая дверь и выходя в коридор. — Дневники у Вас в кабинете?

— Не думаю, что там найдется что-то полезное, — произнес Олег, выходя следом за женщиной. — Если только в последнем, да и в том, всё слишком размыто, бессвязные короткие предложения, больше напоминающие пометки.

Они шли по коридору в полном молчании, что раздражало обоих. Обида, злость, ненависть и совершенно иные чувства смешались, накрывая их лавиной. Олег уже не понимал, когда переступил чисто рабочие отношения и начал позволять себе то, о чём и подумать не мог прежде. Воронцов привык оставаться спокойным, сосредоточенным и хладнокровным. Для майора не было такого понятия, как «жалость» или «сожаление», подобные чувства нельзя испытывать по отношению к трупам или к подозреваемым. Его учили другому. Вероника, напротив, отчетливо понимала, что катится в пропасть. Там, внизу, её ждёт гнев, обида и боль, которые она предпочитала прятать как можно глубже. Олег Воронцов был воплощением того, о чем она мечтала, у мужчины было то, чего не было у неё. Но несмотря на это, Ладина не могла его ненавидеть, женщина даже не могла позволить себе злиться. То, как она чувствовала себя рядом с майором, позволяло Веронике мечтать и надеяться. Ей было жаль, что это необходимо было прекратить. Они оба не собирались переходить черту.

— Кукушкин! — рявкнул майор, заметив слоняющегося по коридору старшего лейтенанта, который не отрывал взгляда от экрана телефона. Молодой человек подпрыгнул на месте и быстро убрал телефон в задний карман брюк. Ох, если бы кто-то знал, как ему хотелось врезать самодовольному начальнику, который раздражал Кукушкина лишь одним своим идеальным видом.

— Товарищ майор, — кивнул парень, делая несколько шагов по направлению к Воронцову.

— В допросной Софья Нестерова, отведи её пока в камеру. Кабанову скажи, чтобы Евгорского пока не допрашивал, и в одну камеру их не сажать. Если спросят, то скажи, что они задержаны на сорок восемь часов до выяснения всех обстоятельств, — дал распоряжение Олег.

— Понял, — кивнул Кукушкин и быстро пошел в сторону допросной.

— Не думаете, что они могут воспользоваться услугами адвоката, — поджав губы произнесла Вероника Александровна, следуя за майором в его кабинет.

— У нас достаточно доказательств, для их задержания, — пожал плечами Воронцов. — И я не нарушаю закон, чтобы мне бояться какого-то адвоката, — ответил он, обходя рабочий стол и садясь в кресло. — Да и, если верить Вашей теории, они всего лишь пешки в чьей-то

отлично спланированной игре.

— Я рада, что Вы решили мыслить здраво и согласны со мной, — развела руками Вероника Александровна, останавливаясь с другой стороны стола, опираясь ладонями о столешницу.

— Я не соглашался с Вами, Вероника Александровна, всего лишь дал себе больше времени, — усмехнулся Воронцов. — Вы действительно поверили в то, что мне не хватит ума не увидеть в Софье лишь чью — то пешку? Вы разочаровываете меня, — протянул мужчина, облачиваясь на спинку кресла.

— Не думала, что Вы уже успели мной очароваться, — прошептала Ладина, чуть наклоняясь вперед. В ответ майор усмехнулся, но лишь на мгновение, быстро возвращая лицу холодное выражение лица.

— Дневники в той коробке, — кивнул он в сторону дивана. — Наслаждайтесь, — произнес Олег, складывая на груди руки.

— И Вы не собираетесь мне помогать? А как же Ваше — *«у нас есть двадцать четыре часа»*? — спросила Вероника, попытавшись спародировать недовольный грозный тон майор. Получилось у неё довольно комично, но Воронцова это только разозлило.

— Я прочел три последних дневника и ничего не нашел, не думаю, что они нам чем-то помогут. Надо подумать над тем, что может связывать Софью, Евгорского и убийцу. Какую цель они преследовали, — пожал плечами мужчина, крутя в руках карандаш.

— Цели у них явно были разные, по крайней мере с тем, кто всё это затеял, — протянула Ладина, присаживаясь на диван и пододвигая к себе коробку. Воронцов внимательно следил за каждым движением женщины и не мог оторвать взгляда. Было в Веронике что-то необъяснимое, что заставляло его сердце биться чаще. Возможно, она просто стала раздражать его чуть больше. — Но я сомневаюсь, что дело только в деньгах, да и о последнем романе вряд ли кто знал, — пожал плечами женщина.

— Вы не представляете, как много убийств совершается только лишь ради денег, наследства, — усмехнулся Олег. — Но это было бы слишком просто, — согласился майор.

— Вы не понимаете, — покачала головой Ладина. — Убийца настолько четко продумал каждое своё действие, что даже в случае неудачи легко смог переложить свою вину на других! — воодушевленно начала Вероника. — Этот человек не просто умен, хитер и изобретателен, но и еще очень жесток. Есть что-то, что заставляет его не сворачивать с намеченного пути.

— Поводом для убийства могло стать определенное событие, которое оставило отпечаток в его жизни, — кивнул Воронцов, поднимаясь на ноги.

— Ненависть, желание отомстить, — продолжила Ладина, держа в руках один из дневников. Страницы были заполнены огромными предложениями, которые могли занимать практически всю страницу. Марк Альбертович выводил каждую букву под оптимальным наклоном, ставя на полях даты. Эти записи не были похожи на пометки, на страницах разворачивалась целая история жизни умершего писателя.

— Но это не ответ на вопрос, — покачал головой майор. — Вы видели его семью? Толстых мог испытать на себе гнев любого!

— Но его убили не первым попавшимся под руку предметом, — парировала Ладина. — Это был не кухонный нож, не тяжелая статуэтка или бутылка. Фентанил так просто не купишь!

— Именно для этого и нужен был Евгорский, — кивнул Олег. — Он выписал препарат, а Софья должна была в нужный момент отравить Толстых...

— Но Соня не смогла этого сделать, — кивнула Вероника, задумавшись.

— Вопрос скорее в том, почему, — покачал головой Воронцов. — Как ей удалось так просто устроиться на работу, каким образом она познакомилась с Евгением, вряд ли это была случайность.

— Мне кажется, что Соня и Евгорский вряд ли видели друг друга больше, чем один раз в жизни.

— У каждого из них была своя роль, — кивнул Олег. — Но кто тогда связующее звено? — спросил мужчина, встречаясь взглядом с зелеными глазами.

Вероника не успела ответить, в дверь постучали и уже через секунду на пороге кабинета появился Дмитрий Елагин. Его белоснежный халат был идеально выглажен, а сам судмедэксперт сиял, будто начищенный самовар. Мужчина поправил ворот рубашки и закрыл за собой дверь.

— У меня новости! — воскликнул он, быстро кивнув Веронике Александровне.

— Что у тебя? — спросил майор гораздо менее агрессивно, чем в прошлый раз.

— Изъятые снимки, которые Вы мне прислали, — начал Дмитрий, протягивая Воронцову отчёт. — В медицинской карте всё было чисто, не подкопаешься, но когда я получше смог рассмотреть снимки, то обнаружил нечто интересное! — с энтузиазмом произнес он. — Как я уже говорил, в анализах убитого не было ничего, чтобы могло указать на болезнь рака печени, но его снимки говорят об обратном.

— Вы считаете, что анализы подменили? — уточнила Вероника.

— Именно, — кивнул Елагин. — В его медицинской карте сказано, что пациент отказался от предложенного лечения, которым была лучевая терапия.

— И? — непонимающе спросил майор.

— А то, что на снимках, вокруг опухали в печени, есть пораженные участки! Посмотрите, — сказал Дмитрий, доставая снимки. — На первый взгляд, трудно заметить, но посмотрите! Здесь есть небольшие участки, которые немного темнее — желчный пузырь, толстый кишечник, доля печени.

— То есть ты хочешь сказать...,- протянул Воронцов.

— Что даже если у убитого и был рак, в чем я очень сомневаюсь, то эти снимки точное доказательство того, что его лечащий врач фальсифицировал диагноз, — пожал плечами Дмитрий. — Уверен, если бы тот писатель не отказался от лечения, он бы умирал очень медленной и мучительной смертью.

Вероника шокировано округлила глаза, поражаясь подобной жестокости. Нет, она и представить не могла, что должен был сделать при жизни Марк Альбертович, какую боль причинить, чтобы заслужить подобную смерть, что была уготована ему с самого начала.

— Получается, убийца не хотел убивать его быстро, — прошептала Ладина, пытаясь справиться с растерянностью.

— Скажу больше, он явно хотел насладиться мучениями старика, — произнес Елагин, убирая снимки. — И это, вряд ли человек, у которого все в порядке с психикой.

— Это по Вашему профилю, Вероника Александровна, — обратился к женщине Воронцов. — Что скажете?

— Мне трудно делать какие-либо выводы, не имея больше информации. Вряд ли у кого-то из семьи есть психическое расстройство, это было бы заметно, пусть и не сразу, —

задумчиво протянула Вероника. — Значит, мы имеем дело с психологической травмой, которую вызвало сильное эмоциональное потрясение.

— Виной которому стал Марк Альбертович, — предположил Олег.

— Возможно, но нельзя упускать и то, что убийца может просто считать Марка Альбертовича виновным. Он может и не иметь доказательств, — пожала плечами женщина.

— Ты можешь идти, спасибо, Дмитрий, — произнес Воронцов, возвращаясь к столу. Елагин кивнул в ответ и вышел из кабинета, аккуратно прикрыв за собой дверь. — Ответ обязательно должен быть в одном из дневников, но только в каком именно, — покачал головой мужчина, доставая из ящика стола последний дневник писателя, который не был законченным.

— Трудно сказать, — поджав губы произнесла Ладина, — Но, возможно, Марк Альбертович сам оставил нам подсказку?

— Вряд ли, — покачал головой майор. — В кабинете мы ничего не нашли, кроме куска того письма из завещания. Последний роман принадлежит его сестре, и я сомневаюсь, что она просто так разрешит нам его прочесть, — рассуждал Олег, листая дневник.

— Может, стоит зайти с другой стороны, — предположила Вероника, смотря даты в дневнике. — Первый дневник датирован двухтысячным годом, первая запись сделана двадцать второго марта.

— Вы думаете это что-то значит? — с сомнением спросил Олег. — Меня больше интересует то, у кого была возможность не только придумать, но и воплотить этот план в жизнь. Елена?

— У неё аналитический ум, она не импульсивна, хоть и эмоциональна, — сказала Вероника.

— Но, — усмехнулся Воронцов.

— Но видела в Марки Альбертовиче отца, всю жизнь старалась стать членом семьи и тут, вдруг, решает его убить? Я сомневаюсь в правдоподобности этой теории. Елена не похожа на ту, что стала бы убивать, она не живёт по принципу «кровь за кровь», — пожала плечами Ладина, листая страницы дневника. Ей было трудно уловить мысль, буквы скакали по страницам, собираясь в слова. Почерк был совершенно не похож на тот, который женщина видела в других дневниках, да предложения были топорны, обрывались и начинались снова. Марк Альбертович был в подавленном эмоциональном состоянии, когда писал эти строки и, возможно, пьян. Ладина видела места высохшей бумаги и размытые чернила там, куда пролилось виски.

— Кровь за кровь, говорите, — хмуро сказал Воронцов. — А что Вы скажете на это, — протянул он, начав читать вслух. — *Каждый год я пишу одни и те же строки. В них нет смысла, есть вина, боль и презрение к себе. Знаю, что с облегчением выдохну, когда часы пробьют полночь и из-за этого начинаю презирать себя ещё больше,* — Олег поднял взгляд от строк и, встретившись с зелеными кошачьими глазами, произнес. — Запись сделана двадцать второго марта две тысячи двадцать первого года.

Вероника быстро взяла первый попавшийся дневник из коробки и судорожно начала перелистывать страницы, ища нужную дату. Найдя, женщина быстро пробежала глазами по тексту и, выдохнув, прочла вслух:

— Двадцать второе марта две тысячи девятый год, — сказала она. — *Девять лет, ещё один год, полный презрения к себе. Чувство, которое стало моим вечным спутником, уже не так обременяет. Мне тяжело было смотреть ей в глаза сегодня, мне кажется, будто*

она всё знает. Было бы легче, если бы было именно так.

— Мне не нравится это, — признался Олег. — Что написано в первом дневнике? — спросил мужчина, поднимаясь на ноги и подходя к Ладиной.

— Слишком много всего, трудно что-то вычленишь, — покачала она головой, бегая взглядом по строчкам. — Словно пьяный бред, он сам не понимал, что пишет, — Вероника перевернула страницу и, нахмурилась, пытаясь разобрать расплывшиеся нечеткие чернила, начала читать вслух. — *Я не знал, не знал, что она будет в той машине. Хотел забрать своё, но получилось так. Молю Бога, чтобы они выжила. Молю, чтобы он забрал меня вместо неё.*

— Что дальше? — спросил Воронцов, присаживаясь на диван поближе к женщине. Так близко, что их колени соприкоснулись. Майор наклонился к раскрытому дневнику в руках Ладиной, но ему было трудно хоть что-то прочесть. С каждым новым словом, предложением текст терял смысл, а буквы превращались в пляшущие крючки.

— Смерть, машина, грузовик, — начала перечислять Вероника слова, которые смогла прочесть. — Утром, смерть, врачи, не спасли, завтра похороны. Это всё, что я могу разобрать, — пожалала она плечами, переворачивая страницу. — Следующая запись только двадцать третьего апреля.

— Ровно через сорок дней, — сказал Олег, в его голове было пусто, но знакомая дата крутилась на языке, словно была ключом к закрытой двери. Воронцов не мог вспомнить, где он уже видел эту дату и что она значила. Но мужчина точно знал, что, найдя ответ на этот вопрос он раскроет убийство Толстых и поймают убийцу. — Не могу вспомнить, где видел эту дату, чёрт! — рыкнул он, ударяя ладонями о столешницу стола. Мужчина мерил шагами комнату, устало потирая переносицу.

— Авария! — воскликнула Вероника, вскакивая с дивана. — Вы говорили, помните? В двухтысячном Маргарита с мужем попали в аварию, какого числа это случилось? — спросила она, смотря на мужчину.

— Это можно легко узнать, Еремей собирал информацию о каждом члене семьи, — воодушевился Воронцов, стремительно подходя к компьютеру. Он ввел пароль и, найдя нужный файл в папке на своём рабочем столе, быстро пробежался глазами по напечатанным строчкам. — В ночь с двадцать первого на двадцать второе марта. Они ехали по трассе, очевидцы утверждают, что муж Маргариты выехал на встречную полосу, не заметил грузовик и, не справившись с управлением, влетел столб. Их экстренно доставили в реанимацию, но оба остались живы.

— Тогда о какой смерти говорит Толстых? — недоумевавшая произнесла Ладина.

— Не знаю, но пока ясно одно — мы должны задержать Маргариту Альбертовну по подозрению в убийстве брата, — серьезно проговорил Олег, в его взгляде читалась решительность.

— У нас нет никаких доказательств, что это она. Лишь домыслы, — с сожалением произнесла Вероника.

— Нам нужно расколоть Елагина и Софью, если хотя бы один даст показания против неё...

Майор не смог договорить, дверь распахнулась и в комнату влетел запыхавшийся стажёр. Вероника и Олег перевели на парня удивленные взгляды, а тот, сделав глубокий вдох, произнес:

— Товарищ майор, Вам стоит это увидеть!

Софью, на запястьях которой пару минут назад капитан Кабанов застегнул наручники, вели наверх, через светлый холл отделения, в котором девушку ждал Евгений. Она не чувствовала страха или угрызений совести, всего лишь досаду и раздражение от металлических браслетов, что стесняли движение рук. Сейчас, Нестерова с удовольствием оказалась бы в одиночной камере, и в тишине дождалась своего освобождения. Ей нечего было бояться — Соня никого не убивала.

— И сколько Вы будете меня здесь держать? — поинтересовалась она у, идущих по правую и левую руку от неё, мужчин.

— Вы задержаны на ближайšie сорок восемь часов, — ответил не знакомый девушке полицейский, который был моложе и, объективно, симпатичнее капитана Кабанова. А потом, усмехнувшись, добавил. — Времени, чтобы *подумать*, у Вас будет достаточно, не волнуйтесь.

Соня прикусила губу, стрельнув глазами в светловолосого молодого человека, а тот снова усмехнулся, показывая ровный ряд зубов. Он был привлекателен и точно подходил ей по возрасту, но Нестерова уже давно уяснила — бедность слишком большая помеха для любви. Девушка не успела ответить на едкий выпад молодого полицейского, как им наперерез выскочил Евгений. Мужчина удивленно округлил глаза, а его брови взлетели к линии волос, когда он увидел на запястьях Софьи наручники.

— Что здесь происходит, с-сейчас же отпустите Соню! — воскликнул он, выпрямив спину. — Я требую объяснений, почему моя *жена* задержана. Я...я вызову адвоката, ясно? Он всех вас засудит! — кричал Евгений, размахивая руками.

— У тебя нет денег на адвоката, — устало вздохнула Софья, поджав губы. Девушка так устала корчить из себя милую, порядочную и наивную девочку-одуванчика, что сил продолжать игру больше не осталось.

Евгений, только успокоившись, шокировано уставился на Нестерову, выпучив свои фамильные зеленые глаза. Он сделала шаг ближе к девушке и, не придав значение заметному раздражению на её лице, мягко произнес:

— *Любимая*, я не думаю, что стоит говорить об этом так громко и при посторонних, — протянул Толстых, бросая быстрый взгляд на сдерживающих смешки Кабанова и Кукушкина. — Будь уверена, я сделаю всё, чтобы вытащить тебя отсюда. У нас же скоро свадьба!

— Да не будет никакой свадьбы! — взорвалась Софья, с силой отталкивая от себя мужчину. Евгений, от неожиданности, споткнулся, налетев на идущего мимо офицера в форме.

— Простите, — промямлил он, переводя непонимающий взгляд на Нестерову. — Соня, что ты такое говоришь? — спросил Толстых, но девушка в ответ лишь раздраженно фыркнула.

— Женя, да очнись же ты, наконец! — буквально взмолилась она, всплеснув руками, закованными в наручники. — Ты, правда, такой дурак, что до сих пор не понял, что это все игра? — спросила Софья, добивая мужчину окончательно.

Евгений, растерянно сделал пару шагов назад, не сводя взгляда со своей, кажется, уже бывшей невесты. Вокруг наступила оглушительная тишина и все взгляды были направлены

только на эту парочку. Нестерова же, потеряв всякое самообладание и истратив всю батарейку терпения, начала свой гневный и разоблачающий монолог:

— Ты посмотри вокруг, Женя, посмотри! — воскликнула Софья. — И на себя посмотри! — усмехнулась она, закатив глаза. — Тебе сорок лет, едешь на старой развалюхе, живешь в квартире, которую купил отец и имеешь деньги только в том случае, если кто-то, хотя бы раз в месяц, купит твою задрипанную картину!

Кабанов удивленно приподнял темную бровь, покачав головой. Ему было искренне жаль Евгения, который повелся на весь этот спектакль с любовью, которую так грамотно разыграла... нет, точно не Софья. Игорь точно знал, что у этой малолетней нахалки точно бы не хватило мозгов, чтобы так грамотно развести одинокого художника, так нуждающегося в заботе и внимании.

Он заметил стажера, стоявшего поблизости и, взяв его за рукав рубашки, дернул к себе. Коля испуганно округлил глаза, но, когда узнал капитана Кабанова, облегченно выдохнул.

— Иди к майору, скажи, что ему нужно увидеть этот спектакль, — тихо приговорил Игорь и, дождавшись кивка, вернул своё внимание Софье. Девушка продолжала кричать, с каждым словом всё больше, доводя Евгения до полубморочного состояния. Толстых и так уже побледнел и, с открытым ртом, слушал признание бывшей возлюбленной.

— Меня наняли, Женя, — смеялась Нестерова, радуясь, что ей больше не нужно будет жить с мужчиной в одной квартире, спать в одной постели, убирать и готовить ему. Как же она была счастлива! — Наняли, чтобы подобраться к твоему отцу. Да-да, — кивала она, усмехаясь. — Ты не представляешь, как сильно я мечтала от тебя избавиться еще в первую нашу встречу. Ты же нудный, амебный, пессимистичный и наивный дурак!

— Нет, ты выдумываешь, — тихо проговорил Евгений, качая головой. В его зеленых глазах всё еще читалась надежда, но сам мужчина, верил, верил каждому сказанному слову.

— Выдумываю? — переспросила Софья, смеясь. — Нет, Женя, я просто устала. Устала таскаться за тобой, словно влюбленная идиотка, нянчиться с тобой, будто мамка, а самое главное — спать с тобой! — покачала головой девушка, а на последнем слове её лицо скривилось от отвращения. — Мне слишком мало платят, чтобы и дальше так унижаться!

Евгений покачал головой, пытаясь забыть всё, что сейчас услышал. Он смотрел на озлобленную и жестокую девушку перед собой, но не узнавал в ней ту милую и добрую незнакомку, которую встретил несколько месяцев назад.

У входа в отделение, с заведенными за спину руками, чьи запястья тоже были закованы в наручники, стоял Леонид Евгорский. Он застал лишь конец душераздирающей сцены признания, но ему хватило и того, что он услышал последние фразы, чтобы понять, единственную и самую очевидную вещь:

— Какая же ты дура, Соня, — покачал головой Евгорский, проходя мимо девушки.

— Я хотя бы не убиваю людей за новенький iPhone и посредственный секс с женщиной не первой свежести, — едко произнесла в ответ Нестерова, усмехнувшись.

Леонид покачал головой и его увели в камеру, а Софья осталась стоять в ожидании дальнейших действий майора Воронцова. О-о, сейчас он ей казался самым красивым мужчиной на земле — голубые глаза метали молнии, а напряженная челюсть и хмурые светлые брови так и просили, чтобы она провела по ним пальцем, разглаживая.

— Её в допросную, — приказал Олег, кивая на Нестерова. Та в ответ лишь фыркнула и пошла следом за капитаном Кабановым. — Стажер, иди к полковнику и скажи, что я поехал

на задержание Маргариты Толстых. Мне не помешала бы поддержка.

— Понял, — кивнул Николай и быстро побежал к лестнице.

— Кукушкин, иди к Еремею, он уже разослал ориентировку на Толстых. Если появится совпадение, то сразу наберешь мне, — властным тоном произнес Воронцов, переводя взгляд на приближающуюся к нему Веронику Александровну. — Это что? — хмуро спросил он, глядя на своё пальто у неё в руках.

— Я еду с Вами, — ответила она, отдавая ему пальто и поправляя своё, что в спешке накинула на плечи.

— Ещё чего, — фыркнул в ответ мужчина, двигаясь в сторону выхода.

— Либо я поеду *с Вами*, либо *за Вами*, — продолжала настаивать Ладина, не отставая следуя за ним, не сбиваясь с быстрого шага. — Но во втором случае у Вас будет на одну проблему больше!

— С Вами, у меня *всегда* на одну проблему больше, — сдался Воронцов, придерживая дверь и пропуская женщину вперед.

Кукушкин дождался, пока неугомонная парочка выйдет на улицу и, достав из кармана телефон, быстро зашел в мужской туалет и повернул замок, запираясь. Парень прошелся по кабинкам, посмотрев, чтобы никого не было и, выдохнув, набрал номер. Послышались гудки и на третий в динамике раздался недовольный женский голос:

— Я сейчас занята, — проговорила женщина. — Давай быстро.

— Они поехали к тебе, собираются задержать тебя, *детка*, — протянул Григорий, привалившись плечом к стене.

— Майор? — уточнила она, пытаясь скрыть свою обеспокоенность.

— Да и Вероника Александровна с ним, — ответил Кукушкин. — Тебе нужно уехать, как можно быстрее. Эта Соня собирается свалить всю вину на тебя.

— Вот же тупоголовая курица, — прошипела, словно змея, женщина. — Спасибо тебе, *сладкий*, я в долгу не останусь, — довольно пропела она, быстро изменив тон.

— Знаю, — усмехнулся Григорий. — Позвоню, как всё уляжется, — сказал он и, сбросив звонок и положив телефон в карман, вышел из туалета. У него еще очень много работы, не время бездельничать.

Вероника и Олег неслись по улицам столицы, обгоняя практически каждый автомобиль, что попадался им на пути. Женщина не отрывала глаз от страниц дневника писателя, пытаясь найти ответ на один единственный вопрос: «Что на самом деле случилось той мартовской ночью?» Ладина не могла предположить, что послужило для Маргариты причиной для убийства родного брата, да и так ли она виновна.

— Чёрт, — выругался Воронцов, останавливаясь на светофоре. Впереди была пробка длиной с квартал.

Майора разрывало изнутри, мужчина не мог смириться с тем, что раньше не замечал очевидных вещей. У него всё еще оставалось много вопросов, сомнений, догадок, но ясно было одно — все происходившие события не случайны, во главе стоял один человек, играющий жизнями многих.

— Мы успеем, — спокойно проговорила Вероника, переводя на Воронцова обеспокоенный взгляд. Сейчас ей было некомфортно находиться рядом с майором, она даже на расстоянии вытянутой руки чувствовала электрическое напряжение, исходящее от мужчины.

— Сейчас Вам лучше просто помолчать, — ответил женщине Олег, нетерпеливо постукивала пальцами по рулю. В кармане его пальто зазвонил телефон и в этот же момент светофор сменил красный цвет на зеленый и машины тронулись. — Ответьте, — попросил Олег, не отрывая взгляд от дороги и стремительно набирая скорость, собирая новый штраф на каждой камере.

— Где Ваш телефон? — спросила Ладина.

— В кармане, — ответил майор, переключаясь на четвертую передачу. Вероника засунула руку в правый карман Воронцова, что был ближе к ней, но там лежали только ключи от квартиры. — В другом, — сказал мужчина, пролетая на светофоре за две секунды до смены цвета сигнала.

Женщина поджала губы, отстегивая ремень безопасности, телефон в левом кармане пальто продолжал надрываться. Она привстала, упираясь коленом на мягкую обивку, пытаясь не загораживать майору обзор, потянувшись за телефоном. Длинный хвост из карамельных волос скользнул по её тонкому плечу и пощекотал нос Олега, заставляя его втянуть носом цитрусовый запах шампуня.

— Вы могли бы делать это быстрее, — недовольно проговорил он, наклоняя голову набок, чтобы лучше видеть машины, выезжая на встречную полосу. Олегу была неприятна близость женщины, но только по той причине, что он забывал обо всем, видя перед собой тонкую шею и маленькую родинку за ушком, к которой хотелось прикоснуться в легком поцелуе. Мужчина возвращался мыслями в сегодняшнее утро, что до сих пор не мог выбросить из головы. Свежий цветочный аромат её духов, мягкие губы и странное, необъяснимое притяжение к той, которую моментами хотелось придушить. Олег давно не испытывал подобного, если когда-либо вообще терял самообладание только при одной мысли о новом поцелуе.

— Сейча-ас, — недовольно протянула Ладина, которой наконец-то удалось выудить из глубокого кармана тонкий смартфон. — Да Еремей, это Вероника, — ответила женщина, садясь обратно. — Ставлю тебя на громкую, — быстро проговорила она, нажимая на дисплей и поднося телефон к уху Воронцова.

— Олег Михайлович, Вы меня слышите? — поинтересовался Еремей.

— Говори, — чуть громче, нежели обычно, произнёс Олег, обгоняя очередную иномарку.

— С нами только что связался командир группы быстрого реагирования. Они сейчас находятся в квартире Маргариты Толстых, им пришлось выбить дверь, но самой женщины там нет, — быстро проговорил Еремей и услышал, как выругался майор Воронцов. Олег резко сбросил скорость и услышал позади целую симфонию из сигналов других автомобилей. — Я уже просматриваю видео с камер, она уехала минут десять назад на такси. Номер машины я отследил, но с водителем связаться пока не удалось.

— Куда она может поехать и как она узнала, что мы собираемся её арестовать. Это вряд ли простое совпадение, — задумчиво протянула Вероника.

— Я пробил по базе, у неё ничего нет, кроме квартиры, в которой она проживает, — произнёс Еремей. — Возможно она решила поехать в отель.

— Маловероятно, там бы мы нашли её быстрее всего. Ориентировки ты ведь разослал? — спросил майор, разворачиваясь на перекрестке.

— Да, но пока всё глухо.

— Она, скорее всего, захочет покинуть город, — произнес Воронцов. — Поэтому нужно

предупредить ближайших гаишников, что стоят на выезде из города и проверить вокзалы.

— Займусь этим, — ответил Еремей. — А вы, майор?

— Мы возвращаемся в отделение, будем думать, куда она могла поехать, — выдохнул мужчина, так сильно сжав руль, что у него побелели костяшки.

— Стойте! — воскликнула Вероника. — У Маргариты никого не осталось после смерти брата. Никого..., кроме *бывшего мужа*, — протянула она, поймав восхищение в глазах майора. — Если смерть Марка Альбертовича связана с аварией, то он вряд ли откажет бывшей жене в помощи.

— Бывшего мужа Маргариты нет в городе, две недели назад он улетел в Лондон, обратный билет куплен на следующий понедельник, — разочарованно произнес Еремей.

— Но это не значит, что она не могла поехать к нему, — покачал головой Олег. — Где он живёт?

— У него есть дом в Подмосковье, сейчас скину геолокацию, — радостно произнёс парень и через пару секунд в динамике раздался тихий женский голос. — Я связалась с водителем такси, он сказал, что высадил её на МКАДе. Заплатила она наличкой, скорее всего потом поймала попутку.

— Значит мы едем в дом к её мужу, — ответил Воронцов и сильнее надавил на педаль газа. — Держите нас в курсе.

Какое-то время они ехали в полной тишине, в салоне был слышен только мерный звук работающего двигателя автомобиля. Олег смотрел прямо перед собой, стараясь как можно быстрее доехать. Мужчина уже не сомневался в виновности Маргариты, невиновные, как считал Воронцов, не убегает. Зачем бежать, если не от чего, да и разве можно убежать, если тебя до конца твоих дней будет преследовать знание того, что ты *убийца*.

— Сейчас нужно будет повернуть направо, — проговорила Ладина, следуя проложенному навигатором маршруту. Олег кивнул, а женщина, не выдержав, спросила. — Как Вы думаете, почему она это сделала?

— Называйте вещи своими именами, Вероника Александровна, — произнес Воронцов чуть замедляясь, въезжая на неровный участок дороги. — Почему она убила своего брата? Пока не знаю, да и даже если бы знал, это ничего не меняет, — пожал он плечами.

— Вы всё ещё считаете, что она сделала это ради денег или наследства?

— Да даже ради мнимой мести, она *убийца*, — пождав губы ответил Олег. — Мы рядом?

— Сейчас налево, третий по счёту дом, — сказала Ладина, выключила телефон и положила его себе в карман.

Олег остановился у высокого забора из красного кирпича, заглушил двигатель и вышел из машины. Ладина последовала за ним, поймав на себе недовольный взгляд мужчины. Майору очень хотелось силой затолкать её обратно в машину и запереть там — она будет ему только мешать, но намного больше Олег боялся за её жизнь. Ещё одной панической атаки не выдержит уже он. Воронцов потянул на себя кованную дверь, но та оказалась заперта, как и ворота. У мужчины оставался только один выход — перелезть через забор.

— Вы что, собралась лезть наверх? — удивленно прошептала Вероника, увидев, как майор ищет более удобное место для маневра.

— А вы предлагаете стоять здесь и ждать, пока она откроет нам дверь? — спросил майор, но не успел получить ответ на свой вопрос. Замок на воротах издал характерный

щелчок и металлические створки медленно начали разъезжаться. — Ну или так, — пожал он плечами, достав из кобуры на груди пистолет и сняв его с предохранителя.

— Стойте, — тихо воскликнула Ладина, схватив мужчину чуть выше локтя. — Вы же не собираетесь идти туда один?

— Как раз это я и собираюсь сделать, а Вы, будете ждать меня в машине, — кивнул майор, встретившись с обеспокоенным взглядом кошачьих глаз.

— Но...

— Я могу запереть Вас в машине силой, — усмехнулся он, убирая со своего предплечья женскую ладонь. Вероника открыла рот, собираясь что-то сказать, но у женщины так и не получилось найти нужных аргументов в свою защиту.

— Будьте осторожные, — произнесла она, делая шаг назад.

— Конечно, — кивнул, усмехнувшись, Олег и зашел на территорию дома.

Ладина осталась стоять у машины, смотря на открытые ворота. Она прекрасно понимала, что ничем не сможет помочь мужчине, лишь будет для него обузой. Но при одной мысли о том, что с майором может что-то случиться, сердце отказывалось слушать доводы разума. В кармане пальто зазвонил телефон и Вероника, достав мобильник Воронцова, ответила на звонок.

— Олег, слушай меня внимательно! — она услышала обеспокоенный голос полковника Радова и горько усмехнулась. Сан Саныч беспокоился о нём, хотя Олег давно уже вырос из того возраста, когда не мог сам о себе позаботиться. — Не смей входить в дом, я уже еду с подкреплением. Ты меня слышишь?

— Поздно, он уже внутри, — тихо ответила Вероника, сильнее сжав телефон в руке.

— Чёрт, почему ты его отпустила, — выдохнул Радов.

— Потому что было бы бесполезно его останавливать, — закатив глаза ответила женщина.

— Эта...Маргарита сейчас явно находится не в адеквате, — проговорил полковник, заставляя Ладину начать нервничать еще сильнее. — Еремей взломал защиту больницы, в которой она лечилась после аварии, и узнал, что в ту ночь погибла её нерожденная дочь, с тех пор она сидит на сильных психотропных препаратах, которые прописал её психиатр. Мы сразу не смогли узнать этого, скорее всего её бывший муж хорошо заплатил кому надо, и они подчистили её историю болезни.

Вероника, больше не думая ни секунды, сделала пару решительных шагов вперед. Ворота начали закрываться, и она побежала, проскользнув во двор. В панорамном окне она увидела Маргариту, стоящую у окна к ней спиной и майора Воронцова, который держал в руках пистолет, направленный на женщину.

— Вероника, Вероника, ты меня слышишь? — послышался голос полковника в динамике телефона, который она по — прежнему держала в руках. — Бл***, чертова парочка идиотов!

Маргарита Толстых смотрела на экран огромной плазмы, на которую транслировалось видео с камер по всему периметру дома и дороги перед ним. Она не сомневалась в том, что её найдут — если не майор, то та надоедливая девчонка точно догадается, что женщине некуда было идти, кроме дома бывшего мужа. Рита давно уже перестала бежать, давно перестала прятаться, всё равно так или иначе правда бы настигла её. Сейчас у неё на душе наконец-то было спокойно, она давно не чувствовала подобного удовлетворения. А тюрьма, тюрьма никогда не казалась ей чем-то ужасным. *От судьбы не убежишь.*

— Добро пожаловать, майор, — усмехнулась Маргарита, медленно двигаясь, в сторону панорамных окон. — Как жаль, что ты не захватил с собой ту милую девушку. Испугался, что я могу причинить ей вред? — засмеялась она, поворачиваясь к мужчине лицом.

Толстых еще больше расхохоталась, заметив в руках майора пистолет, курок которого был наведен прямо на её грудь. Она знала, что он не выстрелит, женщина нужна была ему живой, а боль...боль давно перестала пугать её. Душевная боль намного страшнее физической, но ты не понимаешь этого, пока не приходится прочувствовать на себе весь её спектр. И умерев, ты возрождаешься, перестав чувствовать абсолютно всё, кроме ощущения пустоты, которая поглощает тебя изнутри.

— Не злитесь, — отмахнулась Маргарита, положив локоть на высокую спинку кресла, обитого бархатом. — Ваше притяжение невозможно было не заметить еще при первой нашей встрече, пусть ты так отчаянно пытался скрыть свой интерес.

— Медленно руки за голову и на выход, тебя ждёт уютная одиночная камера, — холодно произнёс Олег, пропуская мимо ушей все едкие выпады женщины. Она развлекалась, тянула время, пытаясь вывести его на разговор, но мужчине было абсолютно плевать. Воронцов никогда не был одним из тех заинтересованных слушателей, которым злые гении раскрывают свою душу. Олег был черств.

— Как грубо, — закатила глаза Толстых, присаживаясь на подлокотник кресла. — А как же интересная сказочка на ночь, ты обижаешь меня своим безразличием, — обиженно протянула она, вытянув губы трубочкой. — Вероника будет лучшим слушателем, неправда ли, милая? — засмеявшись спросила женщина, переведя взгляд на дверь позади майора.

Олег посмотрел себе за спину и зло скрипнул зубами, в дверях действительно стояла Ладина, сжимая в руке его телефон. Она посмотрела в его холодные голубые глаза, но лишь на мгновение. Вероника пришла сюда не для того, чтобы тонуть в голубых омутах, а для того, чтобы не дать случиться непоправимому.

— Идиотка, — прорычал мужчина, возвращая свой взгляд к Маргарите.

— Это и вправду была больша-ая ошибка, — истерично засмеялась женщина, держа в руках пистолет, который она быстро схватила с подушки кресла. Оружие всё это время лежало на подушке кресла, которое стояло задней частью к Воронцову, поэтому он не мог заметить его. — Но только твоя, майор.

— Маргарита Альбертовна, я знаю, почему Вы убили брата и *понимаю...*,- попыталась заговорить Ладино, но в ту же секунду лицо женщины исказила гримаса злости и ненависти. Толстых направила на Веронику пистолет и Олег дернулся, пытаясь закрыть её собой.

— Ещё шаг и в твоём психологе станет на одну дырку больше, — насмешливо проговорила Рита, но уже будучи абсолютно серьёзной. — Хочешь поиграть с судьбой?

— Мы можем просто поговорить, — тихо проговорила Вероника, делая шаг вперед.

— Ты можешь просто помолчать, — сквозь стиснутые зубы прорычал Воронцов. Он боялся сделать шаг, но только по одной причине — она стояла сейчас за его спиной и нарывалась на неприятности. Как и всегда.

— Да нет, пусть говорит, — кивнула Маргарита. — Застрелить я вас всегда успею, — пожалала она плечами, чуть наклонив голову набок. — Ну давай, чего ты там понимаешь?

— Я понимаю, почему Вы ненавидели своего брата, понимаю, почему желали его смерти, — начала Вероника, но Толстых снова перебила её, глядя на девушку с сожалением во взгляде.

— О-у, милая, — поджав губы произнесла Маргарита. — Я не просто ненавидела Марку, я не просто желала ему смерти — я убила его и смотрела, как он корчится в агонии, пока в его глазах не потухла жизнь, — прошептала она. Ладина увидела в её сумасшедшем взгляде наслаждение, когда она говорила об этом. — Жаль только, что это длилось всего секунд десять. Кажется, я перестаралась с дозой, — усмехнулась Толстых.

— Вы пытались простить его? — спросила Ладина, заметив, как плечи Воронцова напряглись. Она понимала, что он боится, боится, что Маргарита выстрелит и попадёт в неё. Но Вероника всего лишь тянула время, она знала, что весь их разговор слышит полковник и подкрепление уже в пути. Им нужно было лишь усыпить её бдительность, заставить рассказать «почему» и «как» убила родного брата.

— Простить!? — удивленно переспросила Маргарита, на мгновение опустив взгляд в пол. — Эта тварь убила мою дочь и лишила меня шанса когда-либо еще стать матерью. Как ты думаешь, я *пыталась* его простить? — она не хотела услышать ответа, поэтому продолжила говорить. — Мой муж не выдержал и двух месяцев, хотя я его не виню, правда, — кивнула она, кусая губы, покрашенные алой помадой. — Кому нужна молодая, но бесплодная баба, которая еще и сидит на антидепрессантах. Вот тебе бы нужна была такая баба, майор? — спросила Толстых, но, снова не дождавшись ответа, засмеялась, а её глаза наполнились слезами. — Не нужна! — воскликнула она, всплеснув руками.

— Почему Вы так долго тянули, прошло больше двадцати лет? — спросила Вероника.

— Я винила во всём мужа, — ответила она, вздохнув, по её щеке скатилась одинокая слеза. — Ночь, трасса, мы едем домой и спорим. Я помню, как просила отдать Марку его долю, уехать из города и навсегда распрощаться с моей семьёй, чьей частью я никогда не была. Марк же ненавидел меня, я была дочерью его отца от второго брака, он так и не смог смириться, что после смерти его матери папа нашел новую жену, — она замолчала на мгновение, собираясь с мыслями. — Ни один мужчина в моей жизни не любил меня так сильно, как я в этом нуждалась. Не любил меня так сильно, чтобы не оставить без копейки в кармане, завещав всё своё имущество неблагодарному сыну, перед которым чувствовал вину. Не любил так сильно, чтобы плюнуть на долю в типографии и уехать к морю, где бы мы растили нашу девочку. Не любил так сильно, чтобы хотя бы раз за пятьдесят лет, что я есть, назвать меня *сестрой*. — Маргарита говорила и плакала, слезы просто катились по её щекам, а она продолжала сжимать в дрожащей руке пистолет.

Ей было одиноко, она всю свою жизнь была одна и никому не нужна. Единственный лучик счастья и безусловной любви, который бы подарил ей ощущения того, что она нужна и важна, был убит. Убит тем, чью любовь она пыталась добиться долгие годы. Убит тем, кому она поверила двадцать лет назад.

— Я помню, как он сидел на коленях у моей больничной койки, пьяный, осунувшийся и

разбитый, — она покачала головой, вспоминая то страшное утро, как будто это было вчера. — Тогда я думала, что мой брат меня *любит*, — она засмеялась сквозь слезы, будто сказала несусветную чушь. — А он просто замаливал свои грехи перед богом. Как жаль, что бога не существует, — развела она руками. — Если бы он существовал, я бы в то утро не держала на руках свою мертвую шестимесячную дочь, которой было не суждено увидеть этот мир.

— Мне жаль, — прошептала Ладина, в её глазах стояли слёзы. Ей было трудно представить, какую боль испытывала, стоящая напротив неё женщина, но это не означало, что Вероника оправдывала её поступок. Сделанный нами выбор — это то: кем мы являемся, за что мы берём ответственность, с чем нам приходится жить.

— Тебе жаль? — усмехнувшись переспросила Толстых. — И это всё, что мне может сказать дипломированный психолог? А как же ваше «*понять и простить*», «*принять и пережить*» или «*отпустить и идти дальше*»?

— Зачем Вам нужны были Евгорский и Софья? — спросил Олег, обращая внимание женщины на себя. В голове Воронцова крутились шестеренки, но он всё еще не знал, как им с Вероникой покинуть дом так, чтобы никто не пострадал. Пока он видел единственный выход — дать Ладиной шанс уйти, прикрыв её собой, но майор знал, что она его не оставит.
Дура.

— Эта тупоголовая курица была побочным *приобретением*, — закатила глаза Маргарита и начала рассказывать то, что Вероника с Олегом и так уже знали. — С Лёней мы познакомились около полугода назад, он стал наиболее подходящим вариантом для моего плана, над которым я работала двенадцать лет. Марку тогда просто не повезло, он снова напился в годовщину смерти моей дочери и уснул за написанием своих мемуаров. Именно тогда я решила позаботиться о дорогом брате и принести ему чай, — она усмехнулась. — Лёню не пришлось долго уговаривать, молодой парень, мечтающей о карьере, дорогой тачке и прочем, что показывают в кино. Правда, за всё приходится платить — в его случае приятным времяпрепровождением и...

— И убийством, — закончил за женщину Олег.

— Не такая уж большая плата, не правда ли? — усмехнувшись спросила Толстых. — После того, как я по доброте душевной, очарованная молодым дарованием, обеспечила Лёне ту жизнь, которую он хотел, настал момент моей истории. О-о, он был настолько растроган и благодарен мне, что сам предложил свою помощь, поэтому дело оставалось за малым. Капельки, добавленный во флягу с виски и вуаля — Марк отключился за рулём, благо, застряв в пробке. И именно в этот момент рядом оказался чудо-доктор, который спас ему жизнь, сделав волшебный укольчик!

— Марк Альбертович был суеверен, — задумчиво проговорила Вероника.

— Еще как! Он верил в бога, в судьбу, в черную кошку и бабу с пустыми ведрами. Было не трудно сделать так, чтобы Марк лечился именно у Лёни, — пожалала плечами Маргарита.

— Вот только он отказался от лечения, — снова внёс уточнение Воронцов.

— И тут в игру вступает бедная недоучка-уборщица, которая так мечтает выбраться из того дерьма, в котором живёт всю жизнь. Деньги Марка открыли мне столько нужных дверей, смешно, не правда ли? — усмехнулась женщина. — Лёня вовремя подсуетился и нашел Соню, правда на обучение её ушло больше времени, чем я думала. Но это того стоило!

— Она должна была убить Марка Альбертовича? — спросила Ладина.

— Да, ей всего-то нужно было заставить его выпить две таблетки, как доктор

прописал, — самодовольно усмехнулась она, отвечая. — Вот только девчонка оказалась не так глупа, как хотела казаться. Поэтому мне пришлось брать дело в свои руки, — недовольно проговорила Толстых, вспоминая ту роковую ночь.

Она уже ехала в машине, находясь в предвкушении завтрашнего утра. Ей было легко обмануть всех, снова надев на себя маску алкоголички, страдающей от одиночества и бездетности. Рита никогда не было частью семейства Толстых, ею никто не интересовался, и никто о ней не заботился. Усадив её в такси, Богдан вернулся в дом, а женщина поехала к себе домой. Машина такси уже въехала в город, как в её сумке зазвонил телефон.

— *Вы что с ума сошли, — истерично прошептала Соня в трубку. — Я не собираюсь быть соучастницей убийства, не собираюсь травить его! Хочу свои заработанные деньги и...*

— *Придержи язык, милая, — резко осадил девушку Рита. — Остановись где-нибудь и выйди из машины, — сказала она водителю и мужчина, удивленно округлив глаза, все-таки подчинился. — А теперь без истерик, я это не люблю.*

— *Две таблетки для него — это смертельная доза, — тихо проговорила Софья, видимо прячась. Девушка очень старалась, чтобы её никто не увидел и не услышал.*

— *Не припомню, чтобы у тебя было медицинское образование, — протянула женщина, думая, как ей выйти из сложившейся ситуации. — И о каких деньгах может идти речь, если пока только Я в тебя вкладываюсь?*

— *Я не буду его убивать, вы с ума сошли! Я прямо сейчас пойду и...*

— *Ты прямо сейчас заткнешься и сделаешь так, как я тебе скажу, — властно проговорила Маргарита, выходя из такси.*

— М-да, от этой тупоголовой курицы не было никакого толка, кишка оказалась тонка, да и, как оказалось, я просто наняла проститутку для своего племянника. Так себе инвестиция, — поджав губы признала собственный просчет Толстых. — Обычная бабочка с трассы обошлась бы мне гора-аздо дешевле, хоть Соня и сыграла некую роль в моей мести, — она устало вздохнула, поправляя любимую брошь в виде бутона пиона и смотря на внимательно слушающую её парочку.

— Это Вы заперли нас в той кладовке. Забирали таблетки, о которых по глупости проговорился Евгорский, — кивнул Олег, вспоминая о кусочке, что валялся у него в столе. Теперь ему не нужно было гадать, Маргарита давно дала ему все ответы. Вероника же, бросив быстрый взгляд на улицу, увидела, как через забор перелез один крепкий парень в экипировке ОМОНа и теперь пытается открыть ворота.

— Ты не перестаёшь восхищать меня своим умом, майор. Ты прав, в ту ночь, услышав какой-то шорох внизу, то запаниковала, — поджав губы ответила она. — Быстро засунула их между дров для камина, даже удивилась, когда вы их не нашли. А вот когда Лёня рассказал вам двоим о таблетках, мне пришлось вернуться в дом и забрать их оттуда, — пожалала плечами Толстых. — Мне нужно было время, чтобы тихо уйти, а вы могли меня заметить. Ничего личного, я надеюсь вы весело провели время вместе, — усмехнулась она, подмигнув майору и Веронике.

Девушка вздрогнула, вспоминая те ужасные минуты в замкнутом пространстве с майором. Она до сих пор так и не нашла в себе силы, чтобы разобраться в своих чувствах. Ладина предпочитала злиться на Воронцова за то, что он её поцеловал, а не быть благодарной за то, что спас. Вероника знала, если она перестанет искать в нём изъяны, если

перестанет каждый раз при встрече примерять на себя роль стервы — влюбиться. И вопрос был не в том «хотела ли она этого», а в том «ответят ли ей взаимностью».

— Мне было приятно поболтать с Вами, но у меня самолёт сегодня ночью. Этот дом был временной остановкой, нужно было забрать пару миллионов отступных, — усмехнулась Маргарита, заканчивая эту душещипательную беседу. Она знала, что за воротами её дожидается полиция, но Толстых не собиралась садиться в тюрьму. У запасного выхода, с другой стороны улицы, женщину якобы *поджидал* старший лейтенант Кукушкин. Еще несколько минут и они отправятся в романтическое путешествие на Бали. — Кто первый?

— Последний вопрос, — сглотнув произнёс Олег. — Вместо последнего слова.

— Ну, валяй, — кивнула она, снимая пистолет с предохранителя.

— Как Вы узнали, что мы собираемся Вас арестовать? — картина практически полностью сложилась в голове майора, но оставалась маленькая деталь, которую он никак не мог понять.

— О-оу, за это мне стоит благодарить одного из твоих подчиненных, — хитро улыбнулась Толстых. — Гриша умеет работать не только языком, но и иногда включает голову. Даже пистолет мне оставил на память о себе, правда мило с его стороны?

— Нет, этого не может быть, — покачала головой Вероника.

— Милая, в твоём возрасте уже пора понять, что мужчинами так легко манипулировать, особенно когда ты с ними спишь, — засмеялась Маргарита. — Да и ненависть к тебе, майор, хотя хочу заметить, что я её не разделяю, является отличным рычагом воздействия. Ты умён, но недооцениваешь женщин — и это твоя ошибка, — с сожалением в голосе проговорила женщина, делая шаг вперед и кладя указательный палец на курок. — Ну что, уступишь право первой пули даме, майор?

Полковник Радов уже очень давно не был, как это принято говорить, *в поле*, но это не мешало ему быть в курсе и во главе всего, что происходит во время расследования. Сан Саныч с тоской вспоминал те годы, когда он еще был простым лейтенантом и брался за любое, даже самое маленькое и простое дело. Потом наступила пора, когда он получил звание капитана и в его жизнь ворвался вихрь перемен. С Мишей Воронцовым они раскрыли много громких дел, которые помогли полковнику в будущем, но то время, несмотря ни на что, было лучшим не только в карьере Сан Саныча, но и в жизни. Теперь у полковника Радова не было напарника, не было семьи, но были те, за кого он бы отдал свою жизнь даже не задумываясь.

Вероника и Олег наполняли жизнь Александра Александровича смыслом, пусть они и не знали об этом. Для мужчины не было того, что бы он не совершил ради этих двоих. Но если раньше полковник был уверен, что их жизням ничего не угрожает и он сможет прийти на помощь в любую минуту, то сейчас его уверенность испарилась. С тех пор, как Вероника вошла в жизнь Олега, Радов ни в чем не был уверен. Мужчина лишь боялся, не только за их жизни, но и того, что они узнают правду. Если они узнают то, что он тщательно скрывал столько лет, он больше не сможет их защитить.

— Товарищ полковник, неужели побоялись отпустить своего нового майора на дело одного, — хрюкнул от смеха командир группы быстрого реагирования, сидящий напротив Радова в бронемашине.

— За десять лет работы, ты все еще не выучил *инструкцию*, Витя, — без какого-либо намёка на улыбку ответил Сан Саныч.

— И товарищ майор не один, с ним Вероника Александровна, — добавил Еремей, не отрывая взгляд от экрана ноутбука. Парню нужно было еще немного времени, чтобы восстановить удаленные файлы больницы, в которой лечилась Маргарита с бывшим мужем после аварии.

— С женщиной? — удивился грузный мужчина с грушевидным лицом. Он шокировано округлил глаза, почесывая бритый затылок. Витя был знаком с Олегом Воронцовым уже несколько лет, но еще в первую их встречу понял — этот капитан никогда не станет работать с женщиной, уж слишком сильно он ценил свою репутацию. Командир еще не был знаком с Вероникой Александровной, но уже испытывал интерес, он хотел посмотреть на ту, которой удалось приручить одинокого волка. — И в каком она звании? Неужели заставили майора мириться с напарником?

— Вероника Александровна — психолог-консультант, — ответил Еремей, гипнотизируя девяносто девять процентов загрузки на экране. — Она очень помогла Олегу Михайловичу в раскрытии дела.

— Да неужели, — недоверчиво хмыкнул Витя. — Не поверю, пока сам не увижу своими глазами, как Воронцов работает с женщиной, еще и с психологом... как её там?

— Консультантом, — повторил Еремей, поправляя ярко-зелёную шапку, что сползла на лоб. — ЕСТЬ! — радостно крикнул подскочив, и сильно ударился о потолок машины.

Все, кто находился в машине, за исключением полковника Радова, насмешливо переглянулись. Сан Саныч нетерпеливо сжал мобильный телефон в руке, его одолевало нехорошее предчувствие, хоть раньше он со скепсисом относился к подобным вещам.

Еремей быстро начал изучать восстановленные файлы и быстро нашёл нужный документ, которых оказалось сразу два. Занимательно, что оба были удалены одновременно и в обоих хранилась важная и ценная, на данный момент, информация.

— Нам нужно срочно связаться с товарищем майором, — обратился к полковнику младший лейтенант Ковалевский. — Я нашел то, что должно помочь им, возможно, Вероника Александровна сможет поговорить с подозреваемой, потянуть время, пока мы едем.

— Что ты нашел? — нахмурившись спросил Сан Саныч.

— В удаленных документах больницы сказано, что Маргариту Альбертовну к ним доставили, когда женщина была на двадцать шестой неделе беременности. Ребенок родился уже мёртвым, тут сказано, что у неё открылось сильное кровотечение, они сделали операцию, в результате которой были удалены маточные трубы, — проговорил Еремей, читая заключение врача. — После этой операции она больше не может иметь детей.

— И это всё, — усмехнувшись спросил Витя. — На моей памяти впервые, когда за это убивают, — пожал он плечами, но заметив властный и злой взгляд полковника, направленный на него, замолк.

— Что ещё, Еремей, — спросил Радов, сильнее сжимая в руке телефон. Казалось, ещё чуть-чуть и экран треснет, а корпус разломится пополам.

— Есть ещё заключение психиатра, он поставил диагноз — послеродовая депрессия, а после трёхмесячных сеансов — психическое расстройство на фоне потери ребенка. Ей были прописаны антидепрессанты, — ответил Ковалевский. — Если она перестала их пить, то Веронике Александровне будет трудно, — задумчиво произнес парень.

Полковник Радов уже не слушал Еремея, который продолжал строить теории, он судорожно набирал номер Олега. Единственное чего он опасался, это того, что Воронцов, решит не дожидаться подкрепления, и потащит за собой его дочь. Сейчас мужчина был как никогда уверен, если с Вероникой что-то случится — он собственноручно пристрелит майора.

— Олег, слушай меня внимательно! — обеспокоенно произнёс полковник, как только Воронцов принял звонок. — Не смей входить в дом, я уже еду с подкреплением. Ты меня слышишь?

— Поздно, он уже внутри, — тихо ответила Вероника и Радов с облегчением выдохнул. Его дочь была жива, здорова и осталась сидеть в машине.

— Чёрт, почему ты его отпустила? — спросил Сан Саныч, теперь начиная переживать за Олега. Он прекрасно знал Воронцова и понимал, что его потянет на геройство, которое может плохо закончиться. Никто не знал, что можно ожидать от женщины, которой не смог помочь даже психиатр и таблетки.

— Потому что было бесполезно его останавливать, — недовольно ответила ему Вероника.

— Эта...Маргарита сейчас явно находится не в адеквате, — проговорил полковник, желая предупредить дочь. Он надеялся, что, если она поймёт всю серьезность происходящего, точно останется сидеть в машине. — Еремей взломал защиту больницы, в которой она лечилась после аварии, и узнал, что в ту ночь погибла её нерожденная дочь, с тех пор она сидит на сильных психотропных препаратах, которые ей прописал её психотерапевт. Мы сразу не смогли узнать этого, скорее всего, её бывший муж хорошо заплатил кому надо, и они подчистили её историю болезни.

Радов ничего не услышал в ответ, лишь тихое сопение, которое заставляло его нервничать еще сильнее. Мужчина никогда раньше не понимал, что значит бояться за жизнь своего ребенка. Сейчас полковник чувствовал себя по-настоящему беспомощным, он был слишком далеко, чтобы остановить Веронику, чтобы прижать её к себе и не дать чему-либо плохому случиться с ней.

— Вероника, Вероника, ты меня слышишь? — громче произнёс мужчина, пытаясь докричаться до дочери, но в ответ по-прежнему была тишина. — Бл***, чёртова парочка идиотов, — не выдержал Радов, со всей силы саданув ладонью по скамейки, на которой сидели они с Еремеем. — Мы можем ехать быстрее! — рявкнул полковник, снова возвращаясь к бессмысленным попыткам докричаться до Вероники. — Вероника, я прошу тебя, оставайся в машине!

— Попроси Еремея записывать наш разговор и постарайтесь не издавать ни звука, — прошептала девушка и полковник, поняв задумку дочери, передал телефон старшему лейтенанту.

— Записывай разговор, быстро, — тихо произнёс Радов, отдавая мобильник компьютерщику. — А вы все заткнулись!

В следующую секунду в салоне автомобиля послышался тихий, но отчетливый голос Маргариты Толстых:

— Вероника будет лучшим слушателем, не правда ли, милая? — засмеялась женщина и все присутствующие напряглись. Им нужно было добраться до них, как можно скорее.

Прошло двадцать минут, прежде чем машина с группой быстрого реагирования, с полковником Радовым и Еремеем остановилась у высоко забора из красного кирпича. Ворота были закрыты, и у них не было шанса попасть внутрь или хотя бы увидеть то, что происходит внутри. Пока мужчины высматривали место, где им будет удобнее перелезть через забор, полковник внимательно прислушивался к разговору Вероники и Олега с подозреваемой. Хотя, как давно стало понятно, *с убийцей писателя.*

— Да, ей всего-то нужно было заставить его выпить две таблетки, как доктор прописал, — снова послышался надменный насмешливый голос женщины. Еремей нахмурился, смотря на экран ноутбука.

— Что-то не так? — уточнил полковник.

— Я на протяжении всего разговора слежу за переменной дыхания и интонацией каждого из них, — пояснил свою реакцию младший лейтенант. — Майор и Вероника Александровна испытывают волнение. Олег Михайлович порой даже страх, а Маргарита абсолютна спокойна. Ну, если не обращать внимание на её истеричный смех, — пожал плечами Еремей и мимо них пронеслась машина, со свистом останавливаясь неподалёку от бронемшины ГБР. Через пару секунд из неё выскочил старший лейтенант Кукушкин, направляясь прямо к полковнику Радову.

— Товарищ полковник, — попытался заговорить Григорий, но увидев недовольный, даже злой взгляд, замолчал.

— Я отдал приказ оставаться в отделении и допрашивать соучастников, — властно произнес Сан Саныч. — Мне разжаловать Вас, лейтенант?

— Никак нет, товарищ полковник, — покачал головой Кукушкин, бросая быстрый взгляд на циферблат наручных часов. — Разрешите доложить.

— Разрешаю, — кивнул Радов.

— Просмотрев чертежи дома я увидел запасной выход, через который... *подозреваемая*

может уйти. До Вас мы дозвониться не смогли, поэтому я принял решение, как можно скорее догнать и предупредить Вас, — произнёс Григорий, бросая взгляды туда, где один из ГБР пытался перелезть через забор, становясь на плечи товарищу.

— Мы это и так знали, — закатил глаза Еремей. — Но мы отслеживаем все перемещения в доме, благодаря Веронике Александровне. Она держит нас в курсе, через звонок на мобильный, — усмехнулся парень, указывая на телефон, подключённый к ноутбуку в своих руках.

— Если позволите, товарищ полковник, — снова заговорил Кукушкин, встречаясь с пронзительным взглядом Сан Саныча. — Я бы хотел лично убедиться в том, что *убийца* не сбежит и сядет, получив заслуженный срок!

— Разрешаю, — кивнул Радов, немного поразмыслив.

Как только Кукушкин сел в машину и уехал, Еремей, проводивший его подозрительным взглядом, вернулся к показателям на экране своего ноутбука. Парню показалась слишком подозрительным инициатива Григория, который раньше не проявлял никакого интереса к работе. Ковалевский давно составил портрет каждого из своих коллег — старший лейтенант был завистлив, алчен, играл только за себя и на своей стороне, а еще не признавал авторитет майора. Еремею было не трудно понять, что Кукушкин ищет свою выгоду в любом деле, вот только какую выгоду он успел разглядеть *здесь*.

— Она спокойна, потому что знает, что сможет уйти, — задумчиво протянул Еремей. — Потому что знает, что ей помогут.

— О чём ты? — спросил полковник, наблюдая за тем, как ворота открываются и группа быстрого реагирования, держа в руках автоматы, быстро забегает на территорию дома и прилегающий к нему участок.

— Мы ждём Вашей команды, товарищ полковник, — раздался из рации голос командира, которую Сан Саныч держал в руке.

— Пока ждём, — ответил Радов, переводя взгляд на хмурого младшего лейтенанта Ковалевского.

— *Последний вопрос*, — послышался голос майора Воронцова, не давая Еремею озвучить свою дикую, не поддающуюся логике, догадку. — *Вместо последнего слова*.

— *Ну, валяй*, — усмехнулась Маргарита, но её дыхание осталось ровным. Женщина была спокойна и уверена в собственной победе.

— *Как Вы узнали, что мы собираемся Вас арестовать?* — спросил Олег, чьё дыхание стало рваным. Майор нервничал и это было очень заметно.

— Нужно вытаскивать их, — обеспокоенно произнёс Еремей.

— Ещё рано, — покачал головой полковник. — Он хочет узнать, кто крыса, — задумчиво кивнул Радов, сжимая в руке рацию. Как только он услышит имя — отдаст приказ.

— *О-оу, за это мне стоит благодарить одного из твоих подчиненных*, — засмеялась женщина. — *Гриша умеет работать не только языком, но и...*

— Бл***,- рявкнул Радов, не в силах справиться с гневом. — Старый идиот, — покачал он головой, поднося к губам рацию. — Второй выход с другой стороны дома, чёрная машина, задержать старшего лейтенанта Кукушкина. Будет сопротивляться — стрелять по коленям.

— Принял, — услышал Радов незамедлительный ответ.

— Н-но, — заикнувшись произнёс Еремей. — А как же товарищ майор и Вероника

Александровна? — спросил он.

— *Милая, в твоём возрасте уже пора понять...*

— Сам разберусь, — усмехнулся полковник, взяв из бронемшины автомат, и побежал в сторону дома.

Еремей не смог, да и не стал останавливать полковника. Радов быстро скрылся за высоким каменным забором. Аккуратно зашел в дом, входная дверь которой была открыта. Из гостиной раздавались тихие голоса и мужчина медленно, касаясь спиной стены, пошел прямо на голос. Сан Саныч остановился у самого входа. Боковым зрением он видел Олега, держащего перед собой пистолет, и Веронику, стоящую чуть дальше от Воронцова, но ближе к нему. У Радова было два выхода, либо сразу, без подготовки, выстрелить, но тогда была вероятность задеть дочь, либо сначала выйти на свет — раскрыв себя и потеряв точный выстрел с попаданием в цель.

— Ну что, уступишь право первой пули даме, майор? — усмехнувшись спросила Маргарита. У полковника больше не было времени думать, он вышел из-за угла, направляя на женщину автомат.

— Ещё слово и в твоей голове не будет места без отверстия, — властно проговорил он, поравнявшись с дочерью.

— О-оу, у нас пополнение, — засмеялась Маргарита, теряя интерес к этой беседе. — Давайте уже быстрее закончим этот балаган, меня ждут на Бали!

— Мы задержали Софью Нестерову и Леонида Евгорского, которые прямо сейчас дают показания против тебя, — начал Радов и из рации, что висела на ремне его брюк, раздался довольный голос командира ГБР.

— *Товарищ полковник, запасной выход закрыт, старший лейтенант Кукушкин задержан.*

— Как видишь, вариантов у тебя немного, — пожал плечами полковник. — Либо ты сейчас кладешь пистолет на пол и аккуратно, ногой, толкаешь его в мою сторону, либо я стреляю тебе в голову!

Маргарита нахмурилась, еще крепче сжав в руке пистолет. Женщина не намерена была сдаваться вот так просто, столько лет, столько сил она потратила, чтобы отомстить за смерть дочери. Она не готова сесть в тюрьму, не готова выйти проигравшей — не сейчас, когда уже так много сделано.

— Есть еще один вариант, — цокнув языком произнесла Толстых, улыбнувшись, обнажая свои белоснежные ровные зубы. — Мне нечего терять, а вот *вам...*, — протянула она, прежде чем выстрелить.

— ВЕРОНИКА-А! — что есть силы закричал полковник Радов, отталкивая дочь и прикрывая её грудью.

Послышался ещё один выстрел, Маргарита, смеясь, упала на пол, держась за плечо, из которого, по руке к пальцем, текла алая кровь, оставляя ярко-красные капли на ламинате. Пистолет женщины отлетел в другой конец комнаты и в ту же секунду в комнату вбежал отряд ГБР во главе с командиром.

— Нужна скорая медицинская помощь, два огнестрела, — проговорил он, соединяясь с центром. — Повторяю. Два огнестрела, *мужчина и женщина...*

За небольшим столом на жестком неудобном металлическом стуле сидел Григорий Кукушкин. На коленях он держал свои руки, запястья которых обжигал холодный металл. Его продержали в камере почти двадцать четыре часа, но он не растерял своего веселого настроения, а на лице всё еще присутствовала кривая ухмылка. Ранее, старший лейтенант, а сейчас соучастник преступления, к которому, пожалуй, он не имел никакого отношения, Гриша сидел в допросной по другую сторону стола, нежели обычно. Жизнь — та ещё сука. Молодой человек понял это еще в детстве, когда девушка, в которую он был влюблен, выбрала Сережу Белова, потому что у него были ровные зубы и леденец на палочке.

— Здравствуй, старый друг, — усмехнулся Кукушкин, как только в допросную вошел капитан Кабанов. Игорь проигнорировал бывшего коллегу и сел напротив, включая диктофон.

— В ваших же интересах рассказать следствию всё, что Вам известно об убийстве Толстых Марка Альбертовича, а также откуда у Толстых Маргариты Альбертовны оказался Ваш пистолет и какую роль Вы играли в спланированном побеге из страны, — произнёс Игорь, заполняя протокол. — Вы можете начинать.

— Я ничего не знаю об убийстве, — пожал плечами Кукушкин, он не собирался врать, да и какой был смысл. Сознается он или нет, его всё равно отправят в тюрьму, а Гриша прекрасно знал, что на зоне делают с ментами. — Дружище, ты же знаешь, я не преступник!

— Как у Маргариты Толстых оказался Ваш пистолет? — повторил свой вопрос Кабанов, даже не поднимая на старого товарища взгляд.

— Даже, если я сейчас расскажу все, как на духу, — покачал головой Кукушкин, горько усмехнувшись. — Они же не скостят мне срок, менты своих давят сильнее, чем ходоков в пятом поколении. Если не здесь, то на зоне меня прикончат.

— Максимум покалечат, — ответил Кабанов, поднимая на бывшего друга равнодушный взгляд. — Крыс привыкли травить, такова человеческая природа, — пожал он плечами. — Повторяю свой вопрос. Как у Маргариты Толстых оказался Ваш пистолет?

За стеклом в соседней комнате стоял мужчина, он держался за вывихнутое плечо, которое до сих пор немного побаливало. Этот допрос не представлял никакой ценности для дела, Маргарита Толстых давно призналась во всем и сдала всех своих сообщников. У неё не будет варианта даже забрать все свои слова назад, благодаря Веронике у следствия была запись. Сейчас она находилась в больнице под охраной, пуля застрела между костей. Но совсем скоро она отправится в СИЗО, где проведёт всё оставшееся время до суда.

Дверь в комнату открылась и порог переступила Ладина. Сегодня она выглядела также шикарно, как и вчера. Можно было подумать, что женщине было абсолютно плевать на происходящий хаос вокруг, но это было не так. Она тоже надела маску спокойствия и равнодушия, которая скрывала страх, боль и сожаление.

— Тебе не стоило приходить сегодня, — покачал головой мужчина, поворачиваясь к женщине всем телом.

— Я хотела узнать, как ты, — неловко улыбнулась она, закрывая за собой дверь. Вероника сделала пару шагов вперед, прежде чем остановиться и посмотреть в светло-серые. Ей было не по себе, за последние двадцать лет они впервые стояли так близко друг к другу.

— Могла бы просто позвонить, — пожал плечами полковник Радов, улыбаясь. — Но я

рад, что ты решила прийти.

— Спасибо...спасибо, что...,- Вероники было трудно подбирать слова. С другой стороны, это был первый их нормальный разговор за все эти годы.

— За то, что бросился под пули? — усмехнувшись закончил за неё Сан Саныч. Девушка в ответ пожала плечами, аккуратно кивнув. — Ты моя дочь, я всё сделаю для того, чтобы ты была *в безопасности*, — произнёс мужчина, сжимая здоровой рукой её плечо.

— Мне хочется в это верить, — кивнула Вероника. — Правда хочется, но пока...

— Пока слишком рано и я это понимаю, — не стал заставлять её снова подбирать правильные слова полковник. — Я просто надеюсь, что ты согласишься со мной поужинать, когда этот балаган закончится.

— Соглашусь, — улыбнулась девушка, положив свою ладонь поверх его. — Завтра... вместе с мамой.

— Вероника, — покачал головой Радов, у которого в одно мгновение всё сжалось в груди. Ему было стыдно смотреть в глаза женщине, которую он когда-то оставил. — Я не могу...

— Она ждёт этого уже очень давно, — пожала плечами Ладина, смотря в глаза своему отцу. В них она впервые увидела сожаление. Будет жаль, если для этого может быть слишком поздно.

— Хорошо, — кивнул полковник. Рано или поздно ему пришлось бы взглянуть в зеленые глаза, а не ограничиваться лишь голосом из динамика телефона или фотографиями, которые ему присылает нанятая охрана.

— Тогда, до завтра, — довольно кивнула Вероника, останавливаясь у двери и посылая отцу воздушный поцелуй.

— Я рад, что твоя работа здесь закончена, — со всей серьезностью произнёс полковник Радов. — К сожалению, я только сейчас понял, что твоё место не здесь.

— А мне понравилось, — пожала плечами девушка. — Майор был отличным напарником.

— Будем надеяться, что это останется всего лишь приключением в твоей жизни, — ответил Сан Саныч. — Он слишком похож на меня, — вырвалось у него, что заставило Веронику усмехнуться.

— Не так сильно, как ты думаешь, — пожала она плечами, выходя в коридор и закрывая за собой дверь.

Веронике очень хотелось поехать домой и еще раз принять ванну. Ей казалось, будто смыть вчерашний день невозможно, но у неё были еще дела, прежде чем она поддастся унынию, утопив этот вечер в бокале красного вина и нарушив свою приверженность к правильной пище парочкой кусочков итальянской пиццы.

Порой мы забываем о вещах, которые делают нашу жизнь по-настоящему счастливой. В погоне за новыми ощущениями, бурей эмоций и чувств теряем то, что, казалось бы, навсегда останется с нами. Богдан всегда думал, что его жена и сын то, что делает его жизнь полноценной, но одновременно с этим обременяют его. Мужчина верил, что наступит момент и он встретит что-то более привлекательное, интересное, взаимозаменяемое тому, что есть у него сейчас. Оказалось, что заменить самое ценное, что есть в жизни человека, любящую семью — невозможно.

— Вадик, убери телефон, пожалуйста, — недовольно произнесла Лена, стоя у

открытого багажника машины такси. — Не забудь забрать у папы рюкзак, ты собирався взять его с собой в самолёт, — напомнила она сыну.

Лена суетливо пересчитывала несколько чемоданов, которых было всего три. Ей постоянно казалось, будто она что-то может забыть, а возвращаться в квартиру, в которой они прожили без малого пятнадцать лет, женщине не хотелось. Сегодня они с Богданом подали заявление на развод, а через два часа у них с Вадиком самолёт в Питер, где Лену уже ждёт место главного бухгалтера в одном рекламном агентстве. Оно совсем небольшое, фирме недавно исполнилось только три года, но ей же нужно было с чего-то начинать.

— Богдан, тебе не нужно нас провожать, — произнесла Лена, усаживая сына в такси и отбирая у него телефон. — Я положила тебе электронную книгу, начинай читать «Войну и мир», чтобы в новой школе не было стыдно, — сказала она, прежде, чем захлопнуть дверь автомобиля.

— Я...мне очень жаль, — ссутулившись произнёс Богдан, чьи глаза были полны сожаления.

— Я это уже слышала, — была непреклонна Елена, ей порядком надоело выяснять отношения с мужем, у которого совсем скоро появится приставка «бывший».

Неожиданно рядом с машиной такси остановился знакомый автомобиль, благодаря яркому цвету которого невозможно было перепутать его владелицу. Вероника вышла из машины, оставив ту на проезжей части двора и, весело улыбнувшись, обошла желтое такси, поравнявшись с Еленой и Богданом. Ладина откинула назад карамельные волосы, в руках она держала букет белых роз.

— Спешила поздравить Вас с началом новой жизни, рада, что успела, — улыбаясь произнесла она, вручая Елене букет.

— Не стоило, — поджав губы произнесла та в ответ, но цветы приняла. — Но спасибо, сегодня и вправду весьма необычный день.

— Знаменательный, я бы сказала, — усмехнулась Вероника. — Мне очень жаль, что вы не смогли сохранить семью, порой, мы забываем, что это самое ценное в нашей жизни, — развела она руками.

— Многое мы начинаем ценить, когда теряем, — пожала плечами Лена. — Но конец — это лишь начало нового пути!

— Вы рассказали ей, что ребёнок не Ваш? — спросила Ладина у Богдана и тот кивнул. Она увидела грусть в его глазах, он понимал, что это конец, но ему хотелось верить, что всё еще возможно исправить.

— Рассказал, но мы разводимся не из-за его измены, — усмехнувшись ответила Лена, смотря на мужа...с печалью в карих глазах. Парадокс был в том, что любовь не может умереть в момент, когда ты узнаешь об измене. Настоящая любовь продолжает жить, пусть и слишком глубоко, чтобы её кто-то смог рассмотреть.

— Тогда почему? — спросил Богдан, не отрывая взгляда от жены. Она же старалась не встречаться с ним взглядом, будто его здесь и вовсе не было.

— Мне не хочется этого говорить, — покачала Лена головой, встречаясь взглядом с зелеными кошачьими глазами. — С уходом Марка Альбертовича что-то сломалось. Будто из карточного домика убрали одну карту, и он рухнул, а новый домик никак не строится.

— Это нормально, бояться перемен, — ответила Вероника.

— Если бы я боялась перемен, то не бросила бы работу, город и...Богдана, — усмехнувшись ответила женщина. — Мне нужны перемены, нам всем нужны перемены.

Возможно, они позволят понять то, к чему мы так долго шли, — искренне улыбнулась Елена, открывая дверь такси. — Спасибо, что помогли найти убийцу *папы* и спасибо за шанс, — кивнула она, садясь в машину и хлопая дверью. Через пару минут желтый автомобиль уже покинул двор.

Богдан смотрел вслед удаляющейся машины и не знал, каким будет его завтрашний день. Утром он уже не встанет по будильнику, который ему каждый вечер настраивала Лена, мужчину не будет ждать вкусный завтрак и отглаженная рубашка. Ему уже никто не поможет выбрать галстук и...увы, больше никто не скажет перед выходом на работу, что любит его.

— Как Вы узнали, что Милана носит не моего ребенка? — спросил Богдан, подходя ближе и становясь плечом к плечу с Ладиной.

— Совершенно случайно, — пожала плечами в ответ женщина. — Она хотела попасть на приём к самому лучшему гинекологу, которым оказалась моя мама, — усмехнулась Вероника. — А потом в разговоре случайно проскользнул срок её беременности, который, никак не мог совпасть с тем днём, когда...

— Когда я изменил Лене, — закончил за Веронику мужчина. — Зачем я ей всё рассказал, — покачал головой Богдан, взъерошив тёмные волосы.

— Потому что это было честно, — ответила женщина, ободряюще сжав предплечье Толстых. — В первую очередь перед самым собой!

— Вы всегда честны сама с собой? — спросил Богдан, заставив её на мгновение задуматься.

— Хочется верить, что да, — кивнул Ладина, усмехнувшись. — Но, иногда, бывает страшно сделать шаг, я не верю, что без риска нельзя насладиться шампанским.

— Если это мужчина, — задумчиво произнёс Богдан. — Тогда ему очень повезло, что вы выбрали его, — подмигнул он, делая несколько шагов в сторону входа в здание.

— Какие у Вас планы на ближайшее время, Богдан Маркович? — спросила Вероника, предпочитая не думать о сказанном женщиной ранее.

— Мы с братом решили издать последний роман отца, — грустно улыбнулся он. — Женя нарисует иллюстрации, а я постараюсь написать заключительную главу сам, рассказать о его уходе...правильно. А потом, — Богдан задумался, будто всё ещё не был уверен в принятом решении. — Потом я верну свою семью!

— Это прекрасное решение, — кивнула Ладина.

— Я принял его благодаря Вам, — пожал плечами мужчина, прежде чем скрыться в здании.

Вероника проводила Богдана взглядом и, сделав шаг в сторону своей бабл гам, остановилась. Она знала куда ей нужно было ехать и где она хотела оказаться, жаль, но это были абсолютно два разных места. Девушка думала о том, что быть честной никогда не поздно, честность — это всегда шаг в верном направлении. Загвоздка была лишь в том, что за первым шагом должен последовать второй, третий и даже четвёртый. Вопрос лишь в том, готова ли она бежать?

Её работа в полиции была закончена, а сегодня утром Ладиной позвонил юрист. Теперь её деятельность не нарушает ни один из законов Российской Федерации. С отцом отношения налажены, дело об убийстве Марка Альбертовича закрыто и теперь Веронике остаётся лишь вернуться к прежнему укладу жизни. Всё снова пойдёт своим чередом, разве не этого она хотела с самого начала, когда шла на шантаж полковника?

— Мне просто нужен бокал вина...или два, — хмыкнула девушка, открывая дверь своего автомобиля. В салоне надрывался телефон, который она оставила в сумке. — Азалия Аврамовна, рада Вас слышать, — произнесла Вероника, заводя двигатель.

— А я тебя нет! — недовольно воскликнула женщина. — Ты уволена, Вероника! — прокричала ей в трубку мама Ази, но Ладина лишь насмешливо фыркнула. Она никогда не держалась за клиентов, клиенты держались за неё. Да и потеря одного значит лишь приход нового!

— И почему? — ради интереса спросила она, ставя телефон на громкую и начиная движение.

— Моя лучшая танцовщица, Миланочка, уволилась! — продолжала возмущаться Азалия Аврамовна.

— На мой взгляд, правильное решение, она будет заниматься своей беременностью и воспитывать ребенка. Почему вы за неё не рады? — с нотками удивления в голосе произнесла Вероника.

— Да она приносила мне тридцать процентов от общей прибыли в месяц, была звездой! Ты хоть представляешь какие это убытки для моего клуба! — сетовала женщина, а Вероника с трудом сдерживала смех.

— Знаете, совсем не похоже на то, чтобы Вы были рады за свой *цветок* так, как пытались меня в этом убедить не единожды, — усмехнулась девушка.

— Если бы ты забрала любую из тех куриц, что способны только на приват, то я бы и слова не сказала...

— Азалия Аврамовна, Милана получила хорошее предложение по работе, будет воспитывать своего ребенка, скоро выйдет замуж...

— За охранника Борю, — зло хмыкнула женщина.

— У неё всё будет хорошо, просто порадитесь, — предложила Вероника.

— Больше не смей подходить ни к одной из моих девочек, чтобы ноги твоей не было в моём клубе! — рявкнула она в ответ и бросила трубку. Ладина лишь усмехнулась, она была довольна собой, предложив Милане стать лицом медицинского центра «Фемида». Девушка даже пригласила её на свою скромную свадьбу.

Порой, мы находим счастье не там, где искали. А все встречи не случайны, даже самые маленькие тропинки могут превратиться в длинную дорогу к чему-то большому.

Светлая больничная палата, неудобная жесткая койка с белыми простынями и капельница, капли лекарства из которой медленно через трубку текли в вену. Молодой красивый мужчина лежал, устало прикрыв глаза, и старался не морщиться от боли при каждом случайном движении. На тумбочке рядом лежала книга, которую майор Воронцов, за неделю в больнице, так ни разу и не прочел, стоял стакан воды и ваза с фруктами. Навестить его пришли все — полковник, члены команды и даже те, с кем Олег уже давно не работал. Это было его первое ранение за все годы службы, отличный повод посмотреть на его физически беспомощное тело, лежащее на неудобной кровати. Но если быть до конца честным перед самим собой, майор Воронцов ждал одного единственного человека, из-за которого он, кстати, и поймал пуля, но *она* так и не пришла. Расстроился ли Олег? Он предпочитал не думать об этом.

Когда Маргарита выстрелила в него, целясь, скорее, в Веронику или в полковника, Воронцов сразу не понял, что пуля прилетела именно ему в живот. Благо, ни один орган не был задет. Но это не отменяла того факта, что майор, очнувшись после операции, был бы рад увидеть рядом со своей кроватью, обеспокоенную Ладину, просидевшую около него всю ночь. Как жаль, что сцены из кино редко случаются в реальной жизни.

Сегодня был седьмой день, как Олег, словно мешок картошки, валялся без дела. Он впервые подумал о том, чтобы попытаться пристраститься к русской классике и увлечься Достоевским, Шолоховым или Толстым. Воронцов так и не прочел название книги, которую ему любезно принёс Еремей. Дверь открылась, запуская в палату гул голосов из коридора. Майору почудилось, что вместо своего лечащего врача, он увидел перед собой Веронику Александровну в красивом зеленом платье, цвета драгоценного изумруда. Женщина вплыла, словно лебедь, а стук её каблучков, эхом разнёсся по одиночной палате. Она улыбнулась ему, словно с нетерпением ждала этой встречи и, наконец-то, решилась на визит. Но Олег сомневался, что эта независимая, умная и прекрасная женщина действительно могла что-то к нему испытывать. Что-то большее, нежели раздражение и недовольство его холодностью и равнодушием.

— Отлично выглядите, майор, — усмехнулась Вероника Александровна, поправляя белый халат, что сползал с плеч, обтянутых шелковой тканью при каждом движении. — Витамины, — хмыкнула она, ставя на тумбочку бумажный пакет.

— Вы как всегда очень остроумны, Вероника Александровна, — поджав губы произнёс Олег, пытаясь сесть, не сморщившись от боли. Ладина решила сделать вид, будто не заметила капли пота на его виске, когда он сморщил лоб от напряжения. Она знала, майор не тот человек, который будет ждать жалости. — Что там, апельсины? — спросил он, нахмурившись. — Ненавижу апельсины.

— *А papa* сказал, что Вы обожаете апельсины, это Ваш любимый фрукт, — пожалала плечами женщина, пододвигая к кровати пластмассовый стул на металлических ножках. — Но, если хотите, я могу забрать их, когда буду уходить, — усмехнулась Ладина, присаживаясь рядом с больничной кроватью.

— Я поделюсь с соседом, — поджав губы ответил майор, продолжая делать вид, будто каждое случайное движение не причиняет ему боль.

— У Вас одиночная палата, майор, — усмехнулась женщина, продолжая любоваться

волевым лицом, не лишенным красоты. Даже немного похудев, Олег Воронцов всё еще продолжал оставаться тем, кого Веронике хотелось поцеловать. Прямо здесь и сейчас. Жаль, что это были всего лишь её фантазии. — Я рада, что Вы, более или менее, здоровы и в прекрасном расположении духа. Не терпится вернуться на работу, не так ли?

— Если Вы больше не будете путаться у меня под ногами, то конечно, — не остался в долгу Олег, встречаясь взглядом с кошачьими зелеными глазами. — Но я всё равно удивлен, что Вы пришли меня навестить.

— Вы ждали? — спросила она, лукаво улыбнувшись.

— Не вспоминал о Вас, пока пару минут назад Вы не вошли через эту дверь, — соврал, даже не моргнув глазом майор.

— Так и думала, — кивнула Вероника. — А вот я думала о Вас каждый день, — тихо произнесла она, словно боясь, что её кто-то услышит. Ладина смотрела в голубые глаза, напоминающие ей ясное небо после грозы, и не могла отвести взгляда. И почему она должна признаваться первой? — Но, почему-то, не решалась прийти, — пожалала Вероника плечами, сжимая в ладонях кожаные ручки сумочки, которая стояла у неё на коленях.

— Почему... почему Вы думали обо мне каждый день? — спросил Олег, затаив дыхание. Он так хотел услышать один определенный ответ, но боялся, не зная, как должен будет отреагировать на это, чтобы не обидеть эту удивительную женщину.

— Я скучала... скучала по нашим полицейским будням, — выдержав паузу ответила Вероника. Она снова не смогла сказать того, что чувствует к этому мужчине, а ведь, казалось бы, те слова настолько просты и незатейливы. — Мне даже жаль, что моя работа в полиции закончилась.

— Это было увлекательным приключением, пусть оно будет не последним в Вашей жизни, — кивнул Олег, подумав, что Ладина не испытывает к нему тех чувств, которые ему хотелось бы.

— Если следующее будет с Вами, то я, не задумываясь, соглашусь, — засмеялась она, положив свою теплую маленькую ладошку поверх его. Воронцов замер, стараясь не шевелиться, он даже не опустил взгляд вниз, продолжая смотреть в зеленые глаза. Майор понимал, что ей пора идти, иначе он скажет то, о чём пожалеет.

— Не стоит, — покачал мужчина головой, заметив смятение на её лице. — Удачи Вам.

— Рада была нашему знакомству, выздоравливайте, — кивнула Ладина, поднимаясь на ноги. — До свидания, — сказала она, открывая дверь.

Вероника остановилась, сжав в ладони холодную металлическую ручку. Она хотела обернуться, чувствуя, что майор гипнотизирует холодным взглядом своих голубых глаз её спину, но не сделала этого. Женщина вышла в коридор, встала, прислонившись спиной к закрытой двери и прикрыла глаза, тяжело вздохнув.

— Какая же я всё-таки дура, — усмехнулась она, смеясь над собственной дуростью. А ведь Ладина и правда думала, что услышит что-то, что заставит её сказать майору, что она..., что он... — Это уже не важно, — прошептала женщина, натываясь взглядом на молодую пару.

Они стояли неподалёку и смотрели друг на друга влюбленным взглядом. В подобные моменты любой, не то, что Вероника, тоже захотел бы прижаться к груди любимого человека и почувствовать то тепло, исходящее, нет не от сердца, от души. *Они* смотрели друг другу в глаза и что-то шептали, продолжая крепко держать за руки. От них веяло любовью.

— Майор! — воскликнула Ладина, в одно мгновение открывая дверь в палату.

— Вы что-то забыли? — удивленно, даже немного шокировано, спросил Олег, держа в руках полуочищенный апельсин из пакета, что принесла ему Вероника.

— Да, — кивнула она, сильно сжимая кожаные ручки сумки. — Вы мне нравитесь, майор. И...и я бы не отказалась выпить с Вами чашечку кофе, если бы Вы мне предложили, конечно, — сглотнув проговорила женщина.

— Вероника...Александровна, — неловко начал мужчина, смотря на Ладину, стоявшую в дверях его палаты. Он был очарован ею и, признаться, уже давно. Но что-то не позволяло ему произнести того, что чувствовало его сердце. — Мне жаль...жаль, но я не могу ответить Вам взаимностью, — ответил Олег, сильно сжимая в руках апельсин, желтоватый сок которого начал капать ему на простыню.

— Я понимаю, — кивнула она, улыбнувшись. — Выздоровливайте, — произнесла Вероника прежде, чем покинула палату и быстро понеслась по коридору больницы, желая, как можно быстрее убежать от позора, что только что испытала.

Олег смотрел на закрытую дверь палаты одну, две и даже десять минут, но та, так и не открылась. Он почувствовал себя калекой, который не может встать на ноги и побежать за женщиной, которую обидел. Почему, почему он сказал ту несусветную чушь, если чувствует совершенно иное? Всё просто — Олег не сможет сделать её счастливой, у него не было право тратить её время и давать надежду, которая не имела смысла. Майор, что было сил, кинул полуочищенный апельсин в противоположную стену и тот, превратившись в лепешку, медленно съехал вниз, оставляя после себя мокрую от сока полосу.

Спустя еще семь дней майору Воронцову удалось выписаться из больницы, дав обещания, что он не выйдет на работу еще в ближайшую неделю, которое он, конечно же, не выполнил. Олег точно знал, что единственное, что ему сейчас нужно для полного выздоровления, и не только физического, это работа. К сожалению, новых дел пока не предвиделось, и майор целыми днями разбирался с бумажками, тексты которых уже двоились у него в глазах.

Но это было лучше, чем вспоминать пронзительный взгляд зеленых глаз, аромат цитруса, родинку за ушком и шелковистые карамельные волосы, которые никак не хотели затеряться в глубинах памяти мужчины. Олег крутил в руках телефон и думал набрать номер, который, кажется, выучил уже наизусть. Он думал о том, как начнет разговор, пригласит её на чашку чая или кофе, это было не важно. Воронцов просто хотел увидеть её, но каждый раз останавливался, убирая телефон подальше. Он впервые в жизни вёл себя как трус и, осуждая себя за это, продолжал откладывать телефонный звонок.

— Товарищ майор, я могу войти? — спросила Ксения Зиминая, чуть приоткрыв дверь в кабинет Воронцова.

— Входи, — кивнул Олег, снова откладывая в сторону телефон.

— Вы о чём-то хотели со мной поговорить? — поинтересовалась молоденькая девушка, останавливаясь в нескольких метрах от стола начальника и заводя руки за спину.

— О твоих...родственных связях, — ответил майор, выкладывая перед собой руки, сцепленные в замок. — Я не собираюсь быть предвзятым к твоей работе, но мне хотелось бы прояснить некоторые моменты. В первую очередь, для себя лично, — объяснил он, а Ксения в ответ смущенно улыбнулась.

Старший лейтенант Зиминая ждала этого разговора давно, с того самого момента, как подписала документы о переводе в новый отдел. Она восхищалась мужчиной, сидящим

сейчас напротив нее, с любопытством следила за его расследованием из социальных сетей. Когда же ей лично позвонил полковник Радов и предложил поучаствовать в некоем эксперименте Управления, девушка сомневалась, но только до того момента, пока не узнала под чьим руководством будет работать. Ксения никогда не скрывала, с кем в родстве она состояла, она никогда не стыдилась своих родителей. Зимина даже бы не считала этой проблемой, если бы не люди, которые так часто заостряли на этом внимание.

Олег не был одним из тех, кто считал родственные связи главными в принятии решений по тому или иному вопросу. Мы не знали, в какой семье нам суждено было родиться, не влияем на принятые нашими родителями решения, поэтому, не должны нести за них ответственность. Ксения не была исключением, ни до этого момента, ни сейчас, и завтра не будет. Мужчина понимал, как трудно ей пришлось и придётся в будущем, но он не будет одним из тех, кто будет напоминать ей о прошлом. Прошлое лишь пройденный этап в нашей жизни и, порой, о нём лучше просто забыть.

— Я рад, что ты являешься частью моей команды, — произнёс он, заметив, как округлились глаза девушки от удивления. — Впереди у нас еще много дел, в которых ты сможешь проявить себе. И оценивать я собираюсь только твои профессиональные качества и стремления, — пожал плечами майор Воронцов. — Если ты готова работать на равне со всеми и быть частью коллектива, не зависимо от статуса, груза прошлого и настоящего, то мне всё равно, кем были или являются твои родители. Мы не выбираем, частью какой семьи мы станем, и не нам нести ответственность за их ошибки. Можешь не волноваться, я не стану относиться к тебе предвзято, Ксения.

— Я благодарна за эти слова, товарищ майор, — кивнула девушка, искренне улыбнувшись. — И я постараюсь оправдать Ваше доверие и не подвести Вас!

— Буду рад, — кивнул Воронцов. — Можешь идти.

Ксения кивнула и вышла, аккуратно прикрыв за собой дверь. Олег расслабленно облокотился на мягкую спинку кресла, облегченно выдохнув. Рана всё еще давала о себе знать, пусть и не болела так сильно, как раньше. Мужчина, помедлив, открыл верхний ящик стола, на дне которого лежала небольшая квадратная черная коробочка, повязанная белой лентой и небольшим незатейливым бантиком. Олег не знал, что было внутри, он лишь прочел записку, что была прикреплена на конце ленты. Небольшой картонный прямоугольник с выведенными черными чернилами словами.

— *С днём Вашего рождения,* — Воронцов будто бы услышал насмешливый шепот и почувствовал жаркое дыхание, которое опалило его ухо.

Майору очень хотелось открыть коробку, но до дня его рождения оставалось еще три дня. Он ждал, ждал, пока часы пробьют полночь и мужчина сможет открыть её подарок. Не зная, что внутри, Олег чувствовал, что не сможет не принять его. Уж слишком ценен был жест той, которая смогла заставить его *чувствовать*.

Продолжение следует...

Больше книг на сайте - Knigoed.net